

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF
CALIFORNIA

К. ВАГНЕРЪ

МОЛОДОЕ ПОКОЛѢНІЕ

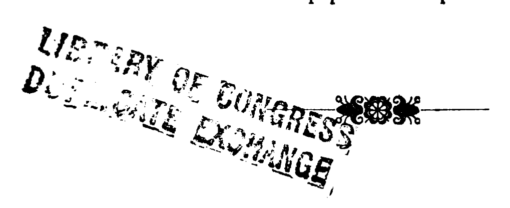
(Jeunesse)

УДОСТОЕНО ПРЕМІИ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІЕЙ

ПЕРЕВЕЛА СЪ 17 ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ

С. ЛЕОНТЬЕВА

Единственный переводъ разрѣшенный и одобренный авторомъ, съ его портретомъ и факсимиле.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1897

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 16-ГО ЯНВАРЯ 1897 Г. СПБ.

Дозв. ценз. 16-го января 1897 г. Спб.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

НАСЛѢДСТВО.

КНИГА ВТОРАЯ.

НАСЛѢДНИКИ.

будущему съ сердцемъ полнымъ увлеченія и какъ бы смѣясь надъ злобою рока. Но какъ бы ни казалось правдоподобно это сравненіе, оно невѣрно. Часть истины, которая въ немъ заключается, исчезаетъ въ преувеличеніяхъ огульнаго осужденія. Я лично не могу огульно обвинять современное молодое поколѣніе въ неблагодарности ко всему тому, что представляетъ собою унаслѣдованный имъ исключительный порядокъ вещей и, въ особенности, подозрѣвать въ немъ, какъ это дѣлаютъ многіе, мнимую болѣзнь.

Наша молодежь дѣйствительно страдаетъ. Переживаемое ею недомоганіе не имѣетъ ничего общаго съ неблагодарностью или мальчишеской рисовкой; оно вполнѣ реально и заслуживаетъ серьезнаго къ нему отношенія тѣхъ, кто не придерживается пословицы: послѣ насъ хоть трава не расти. Корень этого недомоганія надо искать въ общемъ кризисѣ, переживаемомъ нашей эпохой. Скептицизмъ, реализмъ, искусственная жизнь, скоропреходящіе результаты современной цивилизаціи—все это создаетъ печальную педагогическую среду. Человѣчество не можетъ преуспѣвать въ ней. Оно осуждено въ ней на матеріальныя и духовныя лишенія, которыя обезцвѣчиваютъ его молодость и старятъ его прежде времени.

Нашъ анормальный образъ жизни ослабляетъ человѣческую жизнеспособность.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ формъ этого зла я пытался описать тѣ, которыя меня больше всего

поразили. Въ то же время я указалъ на попытки побѣдить его. Всѣ эти попытки, какимъ бы именемъ ихъ ни называли, выражаются въ стремленіи вернуться къ нормальной жизни, возстановить равновѣсіе въ міровоззрѣніи и человѣческихъ отношеніяхъ и уваженіе къ законамъ жизни.

Мы удалились отъ источниковъ. Надо вернуться къ нимъ—вотъ основная мысль этой книги. И если бы мнѣ пришлось формулировать ее нѣсколькими словами, я бы сказалъ: «Будьте молоды, будьте людьми!»

Я съ сожалѣніемъ отрываюсь отъ этихъ страницъ. Я бы хотѣлъ, чтобы онѣ были болѣе достойными того дѣла, служенію которому онѣ предназначены. Но мнѣ казалось, что настало время ихъ обнародовать.

Вся моя задача состоитъ въ томъ, чтобы мои юные современники узнали то, что бываетъ полезно узнать въ 20-ти-лѣтнемъ возрастѣ и чѣмъ бы они могли руководствоваться въ своей дальнѣйшей жизни.

К. Вагнеръ.

Парижъ. 15 ноября 1891 г.

КНИГА ПЕРВАЯ

НАСЛѢДСТВО

«Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ?»

Марк. 8. 36.

«На свѣтѣ есть много такого, чего и не снилось вашимъ мудрецамъ».

Шекспиръ.

I.

Завоеванія вѣка.

Мы часто видаемъ, какъ заботливый садовникъ въ концѣ зимы обхаживаетъ свой садъ, удостовѣряясь въ состояніи стволовъ и почекъ, вопрошая пытливымъ взоромъ, полнымъ страха и надежды, таинственные покровы, которые вскорѣ вздуетъ и разорветъ приливъ весеннихъ соковъ. Подобный обходъ, но еще болѣе тревожнаго и интереснаго свойства, могъ бы сдѣлать вокругъ нашего молодого поколѣнія мыслитель, озабоченный судьбою будущаго. Здѣсь также дремлетъ еще скрытый, но уже просвѣчивающій сквозь покрывающую его пелену великій вопросъ будущности. Въ молодыхъ сердцахъ и головахъ прозябаетъ, растетъ и бродитъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ то, что старается провидѣть садовникъ подъ оболочкой надувающихся почекъ.

Всегда представляющая интересъ и достойная нашего сочувственнаго отношенія, молодежь должна привлекать къ себѣ наше вниманіе, въ особенности въ тѣ критическія эпохи, когда намѣчаются перемѣны въ направленіи умовъ. Не переживаемъ ли мы теперь, въ

1*

концѣ вѣка, одну изъ такихъ эпохъ? Разумѣется, обобщать періоды эволюціи человѣчества съ искусственнымъ хронологическимъ подраздѣленіемъ, называемымъ вѣками—грубое заблужденіе. Вѣкамъ приписываютъ молодость и старость, говорятъ объ ихъ разсвѣтѣ и закатѣ, но это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Были вѣка, которые въ концѣ ознаменовывались могучими теченіями, но были и такіе, которые уже въ началѣ отличались дряхлостью и истощеніемъ. Тѣмъ не менѣе, иногда терминъ исторической эпохи совпадаетъ съ терминомъ вѣка. И мнѣ кажется, что это именно такъ и есть въ наши дни. Мы оставили позади себя обширное развитіе, въ которомъ послѣ юношескаго энтузіазма и плодотворныхъ стремленій зрѣлаго возраста начались колебанія и оказались признаки усталости, свойственные старости. Но человѣчество безпрерывно обновляется и возрождается изъ собственнаго пепла, вслѣдствіе чего, въ тотъ моментъ, когда старый порядокъ вещей доходитъ до предѣла дряхлости—подготовляется новый.

Несомнѣнно, что моментъ, переживаемый нами, полонъ проблемъ будущаго и что эти проблемы становятся съ большей настойчивостью передъ тѣми, кто входитъ въ жизнь, чѣмъ передъ тѣми, кто уже въ ней вращается или собирается изъ нея уходить. Слѣдовательно, намъ вполнѣ естественно обратить наши взоры на молодое поколѣніе, какъ въ его интересахъ, такъ и въ нашихъ собственныхъ.

Что оно сдѣлаетъ? Какъ оно устроится въ мірѣ, оставляемомъ ему въ наслѣдство его предшественниками?

Каковы его надежды, настоятельныя обязанности и грозящія ему опасности? Все это, разумѣется, должно возбуждать самое законное любопытство.

Чтобы разобраться въ этихъ разнородныхъ вопросахъ, нужно сначала составить нѣчто вродѣ инвентаря и въ краткихъ словахъ охарактеризовать наслѣдство, достающееся нашей молодежи. Затѣмъ, намъ слѣдуетъ попытаться понять эту молодежь и нѣкоторыя теченія, которыя начинаютъ оказываться среди нея, послѣ чего мы постараемся намѣтить идеалъ дѣятельной жизни, который могъ бы вдохновить лучшихъ представителей нашего молодого поколѣнія и руководить ими въ великой миссіи, состоящей въ томъ, чтобы воспользоваться благами уходящаго вѣка, пытаясь пополнить его пробѣлы и исправить его ошибки.

* * *

Обыкновенно бываетъ очень трудно соединить и сгруппировать подъ однимъ угломъ зрѣнія всѣ разнородные элементы человѣческой дѣятельности. Но въ общемъ не трудно опредѣлить отличительную черту вѣка, которая выражаетъ его физіономію, наклонности, достоинства и недостатки. Опредѣливъ такую отличительную и неизгладимую черту періода, который мы доживаемъ, мы не можемъ его назвать иначе, какъ *вѣкомъ индуктивной науки.* Въ теченіе его, наука впервые съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, мало-по-малу достигла того, что стала управляющей силой. Какъ бы это ни пред-

ставлялось очевиднымъ, тѣмъ не менѣе не лишнее будетъ это подтвердить, потому что многіе ограничиваются лишь поверхностнымъ представленіемъ о великой работѣ человѣчества и о томъ, что принято называть прогрессомъ. Обыкновенно мы представляемъ себѣ человѣчество идущимъ по безконечному пути, по которому каждое поколѣніе послѣдовательно проходитъ опредѣленное ему разстояніе. Такимъ образомъ, по всей линіи должно бы было поддерживаться непрерывное поступательное движеніе, обусловливаемое лишь разницею въ его скорости. Но подобное представленіе ложно и опасно. Въ движеніи обществъ замѣчаются не только продолжительныя остановки и отступленія, но также и существенныя измѣненія въ направленіи. То, что служитъ идеаломъ въ извѣстную эпоху, въ другую—можетъ оставаться въ пренебреженіи и даже быть втоптаннымъ въ грязь, а между тѣмъ эти двѣ эпохи, каждая по-своему, способствуютъ конечнымъ выводамъ исторіи. Есть періоды творчества и есть періоды разрушенія; одни посвящены анализу и разработкѣ частностей, другіе—синтезу. Одни погружены въ дремоту, другіе стремительны, какъ водопадъ. Въ иные вѣка процвѣтаютъ религія, поэзія, искусства, въ другіе—торговля, промышленность, войны. Бываютъ вѣка изнѣженные и развращенные, какъ бываютъ и энергичные и добродѣтельные. И всѣ они выдвигаютъ на сцену своихъ собственныхъ людей, своихъ любимыхъ сыновъ, созданныхъ по ихъ образу и подобію и поочередно награждаютъ ихъ почестями и властью,—то мечтателей, то

дипломатовъ, то ораторовъ, то людей мудрыхъ, то безразсудныхъ, то жестокихъ, то временщиковъ, то царедворцевъ. Но эволюція человѣчества такъ обширна и сложна, что она никогда не можетъ охватить всего сразу: она совершается послѣдовательными скачками въ различныхъ направленіяхъ. Несмотря на всѣ свои стремленія и усилія все охватить, каждый періодъ дѣятельности принимаетъ свое исключительное направленіе, которому все остальное подчиняется, можно даже сказать, приносится въ жертву. Происходитъ какъ бы поляризація общей работы человѣчества вокругъ избраннаго центра. Каждый вѣкъ въ излюбленной имъ области обгоняетъ своихъ предшественниковъ. Но это обстоятельство вовсе не обусловливаетъ того, чтобы онъ обогналъ ихъ или хотя бы поровнялся съ ними во всемъ остальномъ. Напротивъ, выгоды, пріобрѣтаемыя имъ черезъ сосредоточеніе всей его энергіи въ какой нибудь одной области, выражаются недочетами во всѣхъ остальныхъ. Достоинства вѣковъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ, имѣютъ свои недостатки. Это общій законъ, который слѣдуетъ помнить. Благодаря ему становится понятнымъ, напримѣръ, почему древніе, которые во многихъ отношеніяхъ были нашими учителями, въ области науки были лишь дѣтьми по сравненію съ нами. Но тотъ же законъ объяснитъ намъ и нѣкоторые печальные пробѣлы въ нашей цивилизаціи.

Мы уклонились, слѣдовательно, въ сторону индуктивной науки не по прихоти человѣческой фантазіи, но по необходимости. Подъ медленно-разрушающимъ дав-

леніемъ времени старыя общественныя основы и древнія вѣрованія ветшали и давали трещины. Необходимо было укрѣпить ихъ, подвергнувъ суровому контролю факты и познанія, изъ которыхъ было выстроено это почтенное зданіе. Для этой цѣли нужно было снова смиренно пойти по пути опыта. Терпѣливо и не боясь никакого труда, человѣкъ рѣшился изслѣдовать міръ во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ. Его, маленькаго и слабаго передъ лицомъ необъятнаго мірозданія, эфемернаго передъ лицомъ неизмѣримаго времени, не останавливала ни ограниченность средствъ, ни обширность задачи. Онъ взялся за дѣло просто и отважно, пользуясь своими глазами, чтобы видѣть, пальцами—чтобы осязать, сердцемъ—чтобы чувствовать. И случилось такъ, что этотъ способъ отправленія отъ близкаго и извѣстнаго къ далекому и неизвѣстному оказался самымъ чудеснымъ открытіемъ. Онъ позволялъ проходить маленькими и увѣренными шагами баснословныя пространства. Работники смѣняли другъ друга, трудясь надъ рѣшеніемъ задачи, очень часто неясной и темной, претерпѣвая вначалѣ тысячи лишеній. Но, какъ только падалъ одинъ изъ нихъ, на его мѣсто становился другой. Сколько позабытыхъ трудовъ и безвѣстныхъ открытій! Никогда человѣчество не было болѣе достойно удивленія, какъ во время его подъема по этой крутой дорогѣ, по которой оно идетъ усталое, разбитое, но не теряя надежды и держа въ рукахъ золотую нить, которая должна вывести его изъ мрака къ свѣту истины.

Благодаря этой громадной суммѣ затраченнаго труда, мы обладаемъ благами и преимуществами, которыхъ нельзя перечислить безъ волненія и благодарности.

Астрономы открыли намъ необъятность вселенной, уяснили намъ факты, величина которыхъ переходитъ границы нашего воображенія. Географы и путешественники расширили наши свѣдѣнія объ обитаемой нами планетѣ. Геологи разсказали намъ бурную и неизмѣримо древнюю исторію ея образованія. Естественныя науки познакомили насъ съ безчисленными формами, принимаемыми жизнью въ растительномъ и животномъ царствахъ и открыли намъ безконечность болѣе чудесную, чѣмъ та, которую намъ показали астрономы,—я подразумѣваю безконечно малыя величины. Врачи и физіологи глубже изслѣдовали сложный человѣческій организмъ, научили насъ лучше распознавать наши страданія и болѣзни и вѣрнѣе бороться съ ними. Механика и химія ускорили сношенія, сократили разстоянія, въ сто разъ увеличили размѣры промышленныхъ производствъ и подняли уровень благосостоянія. Наконецъ, электричество—этотъ союзникъ новѣйшаго времени, который служитъ намъ не выдавая своей тайны—привело насъ къ успѣхамъ, казавшимся неосуществимыми.

Въ то же время историки, съ неутомимой энергіей, мало-по-малу воскрешали прошлое, позабывая настоящее и зарываясь въ архивахъ, катакомбахъ и раскопкахъ древнихъ развалинъ. Они освѣтили подобающимъ свѣтомъ и вставили въ историческія рамки легенды и ре-

лигіозныя традиціи отцовъ. Они покарали вѣковыя заблужденія, отомстили за мучениковъ, возстановили достойную память, заклеймили позоромъ преступленіе и, въ особенности, отвели законное и большое мѣсто униженнымъ и малымъ, несчастіе и тяжкій трудъ которыхъ слишкомъ долго оставались въ тѣни въ угоду распрямъ и интригамъ великихъ и сильныхъ міра сего. Ихъ благодѣянія безпредѣльны и перечислять ихъ было бы слишкомъ долго, но они и безъ того у всѣхъ въ памяти.

Если бы мы могли воскресить человѣка исчезнувшихъ поколѣній и показать ему всѣ чудеса, которыми нашъ вѣкъ обязанъ наукѣ, онъ, переходя отъ удивленія къ удивленію, навѣрное сказалъ бы намъ: «Вотъ золотой вѣкъ, о которомъ мы мечтали. Безъ сомнѣнія, теперь человѣкъ долженъ считать себя счастливѣе, чѣмъ въ минувшія времена, онъ долженъ стать лучше и быть болѣе господиномъ самого себя. Хорошо изучивъ законы природы, онъ долженъ сообразовать съ ними свою жизнь. Прежнія болѣзни, такъ же, какъ и бѣдность и нищета — ему неизвѣстны. Онъ спокойно владычествуетъ надъ покорными ему силами. Теперь его переноситъ черезъ пространство то, что прежде уничтожило бы его. Огонь впрягся въ его колесницу и молнія стала его вѣстницей. Какъ это владычество должно его облагораживать! Въ то же время исторія человѣческихъ дѣяній преподала ему великіе уроки мудрости, терпимости и милосердія. На границахъ государствъ должна царить доброжелательность. Справедливость руководитъ дѣйстві-

ями отдѣльныхъ личностей и обществъ. Люди, въ которыхъ съ дѣтства вселялось сознаніе собственнаго достоинства, должны способствовать процвѣтанію мира и братства на землѣ, обагренной кровью ихъ предковъ. Счастлива молодежь, получающая подобное наслѣдство!»

И этотъ представитель предшествовавшихъ вѣковъ разсудилъ бы справедливо. Почему же факты опровергають такіе естественные выводы?—Вотъ тутъ-то мы и должны разсмотрѣть оборотную сторону медали, то, что на юридическомъ языкѣ называется *пассивомъ наслѣдства.*

II.

Утраты вѣка.

Припомнимъ приведенный нами выше законъ. Человѣчество подвигается впередъ не равномѣрнымъ ходомъ во всѣхъ направленіяхъ, но скачками. Бросившись такъ стремительно въ сторону науки, оно по необходимости потеряло изъ виду всѣ другія области. Необъятныя территоріи, входящія въ составъ достоянія человѣчества, были незамѣтнымъ образомъ оставлены въ пренебреженіи. Помимо того, и сама наука испытала на себѣ обратное дѣйствіе закона, выдвинувшаго ее на первый планъ. Слишкомъ обширная для того, чтобы быть разработанной во всей своей совокупности, она развилась преимущественно въ извѣстныхъ отрасляхъ въ ущербъ другимъ, подобно тому, какъ иногда одна или нѣсколько вѣтвей дерева привлекаютъ къ себѣ весь сокъ ствола, оставляя на долю другихъ лишь незначительное количество питанія.

Гигантское предпріятіе завоеванія міра посредствомъ разработки мельчайшихъ частностей и сортировки фак-

товъ и идей должно было неизбѣжно начаться съ элементарныхъ основъ всего сущаго. Механика, математика, всѣ естественныя науки должны были развиться раньше другихъ. Но такъ какъ вездѣ, гдѣ мы приступаемъ къ изслѣдованію вселенной, мы имѣемъ дѣло съ безконечнымъ, то и эти науки такъ разрослись, что, казалось, въ нихъ однѣхъ заключился весь міръ. По прошествіи нѣкотораго времени на ихъ изученіе уже не хватало ни силъ, ни жизни изслѣдователей. Тогда каждый, на этомъ безпредѣльномъ пространствѣ, гдѣ дороги безпрерывно развѣтвлялись, избралъ себѣ особую тропу. Труженики разсѣялись и все болѣе и болѣе теряли другъ друга изъ виду. Въ то же время всѣ они, имѣя дѣло съ матеріальными основами жизни, кончили тѣмъ, что фактами стали признавать лишь факты осязаемые, а наукой—лишь то, что они неправильно, но многозначительно назвали науками положительными (sciences positives).

Въ теченіе всего времени человѣчество продолжало жить и нуждалось въ съѣстныхъ припасахъ. Оно послѣдовало за смѣлыми піонерами обновленнаго міра, не подозрѣвая того, что этимъ путемъ оно удалялось отъ основныхъ способовъ добыванія пищи. Старый домъ покидали раньше, чѣмъ отстроили новый. И тогда-то сознаніе кратковременности существованія, нетерпѣливое стремленіе къ выводамъ, потребность истолковать жизнь преждевременно породили философію, которая, завладѣвъ достигнутыми результатами научной работы, стала похваляться тѣмъ, что съ ихъ помощью

пересоздасть міръ и человѣка, дѣлая рѣшительные выводы и упраздняя накопленные вѣками мудрость и вѣру. Увы! Матерьялы для этой перестройки, столь чудесные по мнѣнію строителей, не имѣли никакого значенія въ дѣлѣ созданія новаго міра. Можно ли было истолковать всю жизнь при помощи того, чего едва хватало на истолкованіе какой нибудь пылинки или травки? Но смѣльчаки всегда бываютъ правы, по крайней мѣрѣ на извѣстное время. Теперь это время миновало. Мы увидали, что слишкомъ поторопились. Начавъ съ примѣненія индуктивнаго метода, мы его бросили; мы бросили также и традиціи, изъ которыхъ могли бы извлечь неоспоримую пользу, и сдѣлали удивительный скачокъ въ сторону гипотезы, устанавливая выводы, которые слѣдовало бы предоставить самому отдаленному будущему. Словомъ, мы выбросили свой старый хлѣбъ, чтобы испечь новый изъ невыколосившейся ржи.

Низведя такимъ образомъ дѣйствительность до размѣровъ того, что намъ было о ней извѣстно, мы разорили себя, и что очень знаменательно, узнавъ столько вещей, которыя оставались неизвѣстными нашимъ предкамъ, мы съузили свой кругозоръ. *Человѣкъ умалился въ своихъ собственныхъ глазахъ.* Вотъ отрицательный результатъ обрисованнаго нами научнаго развитія.

Но постараемся предупредить могущія возникнуть недоразумѣнія. Мы не изъ тѣхъ, которые обвиняютъ нѣкоторыхъ людей въ направленіи хода событій. Никто не руководитъ жизнью обществъ во всей ея совокупности. Каждый изъ насъ вращается въ своей част-

ной сферѣ и цѣлое не зависитъ отъ его воли. Отъ насъ могутъ требовать только, чтобы мы дѣлали лишь то, что считаемъ хорошимъ. Если результатъ не оправдаетъ ожиданія, это не наше дѣло. Мы никого, слѣдовательно, не обвиняемъ. Однако же всегда полезно засвидѣтельствовать фактъ и попытаться отдать себѣ отчетъ въ данномъ положеніи дѣла, чтобы извлечь изъ него себѣ хорошій урокъ на будущее время. Еще того менѣе обвиняемъ мы науку. Обвинять ее было бы глупо и неблагодарно. Мы хотимъ лишь, чтобы наука относилась день ото дня почтительнѣе ко всѣмъ фактамъ, чтобы она пришла въ равновѣсіе и снова обратила должное вниманіе на явленія духовнаго міра (réalités intérieures). Припомнимъ сверхъ того, что наиболѣе горячіе приверженцы этого матеріалистическаго направленія науки не были изъ среды ученыхъ. Изъ этихъ послѣднихъ многіе остерегались впадать въ то, что можно назвать научнымъ суевѣріемъ, но за то другіе говорили отъ ихъ имени. Философы и литераторы спекулировали научными данными, принятыми на вѣру безъ всякаго ограниченія (en bloc), какъ спекулируютъ цѣнностями на биржѣ.

Умаленіе человѣка въ его собственныхъ глазахъ, разумѣется, чувствительно отразилось во всѣхъ сферахъ существованія, выразившись пониженіемъ уровня духовной жизни. Роковымъ образомъ, доктрины, основанныя на научномъ матерьялизмѣ, завоевали искусство и литературу, распространили свое вліяніе на повседневную жизнь и пропитали ее мало-по-малу тѣмъ низмен-

нымъ реализмомъ, въ который мы погрузились въ концѣ этого вѣка. Въ силу тягостнаго противорѣчія (par un contraste pénible), научными результатами, достигнутыми цѣною жертвъ и самоотверженности, наиболѣе широко воспользовался эгоизмъ. Въ его рукахъ они уклонились отъ своихъ первоначальныхъ цѣлей и многіе изъ нихъ принесли больше вреда, чѣмъ пользы.

Въ педагогической сферѣ это отразилось слѣдующимъ образомъ: образованіе приняло утилитарный характеръ, подготовляя человѣка исключительно къ добыванію средствъ къ жизни, а центромъ тяжести жизни въ области знаній стало умственное развитіе (intellectualisme), какъ будто все назначеніе человѣка заключается только въ этомъ. Образованіе было признано достаточно сильнымъ средствомъ для поднятія уровня нравственности (de moralisation) и имъ злоупотребляли въ ущербъ воспитанію характера, дисциплинѣ и физическому здоровью.

И если міръ идей и чувствъ съузился, вслѣдствіе анормальнаго роста научнаго реализма и его притязаній все захватить въ свои руки, то область матерьяльной жизни значительно расширилась. Дѣйствительно, лишь весьма немногія открытія не нашли себѣ примѣненія въ промышленныхъ производствахъ. Въ общемъ, мы лучше питаемся, пользуемся лучшими способами освѣщенія и отопленія, лучшимъ уходомъ во время болѣзни, скорѣе и легче получаемъ извѣстія и передвигаемся съ мѣста на мѣсто, мы лучше вооружены. Но, къ несчастью, у медали есть и оборотная сто-

рона. Самая мрачная туча надвигается на насъ со стороны промышленнаго прогресса. Производительныя силы, капиталы и орудія стали такъ чудовищны, что не поддаются ни разсчету, ни управленію. Вездѣ оказываются совершенно непредвидѣнные соціальные результаты. Промышленный строй (l'industrialisme) встаетъ передъ нами со всѣми его послѣдствіями, подавляетъ человѣка силой машины, трудъ — гнетомъ капитала и становится источникомъ страданій и озлобленія, какъ вслѣдствіе духовной и тѣлесной нищеты рабочаго класса, такъ и вслѣдствіе неувѣренности и тревоги, въ которыя онъ повергаетъ торговлю фабрикантовъ и заводчиковъ (le commerce et l'industrie productive).

Чрезмѣрная централизація, какъ другое слѣдствіе промышленнаго и научнаго развитія, наградила насъ городами чудовищныхъ размѣровъ, центрами искусственной жизни, гдѣ развивается съ одной стороны пауперизмъ, а съ другой чрезмѣрная роскошь, опасные сосѣди, сожительство которыхъ стало еще болѣе пагубнымъ, вслѣдствіе стремленія къ наслажденіямъ и возникновенія огромнаго количества искусственныхъ потребностей. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, расшатали общественное (publique) здоровье.

Наконецъ, на почвѣ международной, борьба за существованіе, обладая чрезвычайно усовершенствованными средствами, которыми она обязана наукѣ, породила милитаризмъ—зло, худшее, чѣмъ война. Милитаризмъ можетъ служить рѣшеніемъ слѣдующей задачи: даны всѣ человѣческія силы и всѣ науки, вмѣстѣ взя-

тыя, равно какъ и самые неоспоримые способы производительной работы народовъ,—нужно отыскать средство, чтобы ихъ нейтрализовать и даже извлечь изъ нихъ какъ можно больше зла.

Современные способы передвиженія не столько служатъ къ сближенію народовъ, сколько къ усиленію ихъ соперничества. Подобно тому, какъ накопленіе богатствъ и развитіе промышленнаго владычества отдалили людей другъ отъ друга, усилили алчность конкуренціи и увеличили соціальныя разстоянія, такъ усовершенствованныя орудія войны породили въ народахъ недовѣріе другъ къ другу. Теперь они входятъ въ сношенія между собою гораздо больше для того, чтобы слѣдить другъ за другомъ, завидовать и вредить другъ другу, чѣмъ для того, чтобы лучше узнавать другъ друга и сближаться на почвѣ общечеловѣческихъ интересовъ.

Всѣ эти разсужденія наводятъ на слѣдующій вопросъ: *не будетъ ли казаться, глядя при извѣстномъ освѣщеніи на нашу цивилизацію, что какой-то злой духъ обратилъ на зло всѣ новыя силы, которыми наука обогатила человѣка?*

Какъ же это случилось? Былъ ли нехорошъ научный методъ или мы попали на ложный путь, основывая свою жизнь на опытѣ вмѣсто того, чтобы продолжать жить въ старомъ догматическомъ и авторитетномъ мірѣ? Нисколько. Но мы ошибочно думали, что человѣчество можетъ насытиться знаніемъ и хлѣбомъ, и позволили себѣ перейти отъ научнаго реализма, обременившаго человѣчество такъ называемымъ положи-

тельнымъ (positif) знаніемъ, къ практическому реализму, полагающему, что въ томъ, чтобы быть сытымъ, одѣтымъ и имѣть кровъ надъ головою заключается вся сущность жизни.

Лучшія вещи могутъ оказаться пагубными, когда онѣ выходятъ изъ своихъ границъ. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности, чтобы лучше выяснить вопросъ, потому что въ этихъ подробностяхъ заключается вся трудность положенія.

Всѣмъ извѣстно, чѣмъ была въ извѣстныя историческія эпохи исключительная власть, присвоивавшая себѣ право управленія человѣчествомъ, приноравливая его къ своимъ потребностямъ, а иногда и капризамъ. То это была религія, которая, переходя границы своего законнаго вліянія, подчиняла себѣ искусства, науки и государство; то—финансовая власть, подъ владычествомъ которой духъ торгашества (le mercantilisme) охватываетъ общество и сводитъ всѣ человѣческіе интересы къ денежному вопросу; то—военное вліяніе, преобладающее надо всѣмъ, отодвигающее на задній планъ все, что не представляетъ собою силы.—Всѣ эти власти, законныя по существу, потому что каждая изъ нихъ представляетъ собою частицу человѣческихъ интересовъ, становятся бѣдственными, какъ только онѣ пріобрѣтаютъ исключительный характеръ. Предназначенныя служить одному общему дѣлу, онѣ кончаютъ тѣмъ, что дѣлаются его злѣйшими врагами. Каждая изъ нихъ становится грозной крѣпостью, за стѣнами которой укрывается и отстрѣливается чудовищный собиратель-

2*

ный (collectif) эгоизмъ, передъ которымъ единичный (individuel) эгоизмъ почти ничего не значитъ. Я говорю объ эгоизмѣ обширныхъ учрежденій (institutions), корпорацій, кастъ и классовъ, всякихъ клерикализмовъ и партикуляризмовъ. Мы видимъ въ нихъ настоящія коалиціи личныхъ интересовъ, которые перерождаются въ посягательство на право всѣхъ и каждаго и кончаютъ тѣмъ, что парализуютъ жизнь вокругъ себя. Припомните книжника временъ Спасителя, духовника позднѣйшей эпохи, а также, соотвѣтственно времени и мѣсту, аѳинскаго софиста, врача, астролога, законниковъ, воиновъ, ростовщиковъ. Въ извѣстные моменты исторіи кажется, что міръ созданъ исключительно ради какой нибудь изъ этихъ личностей и устанавливаемыхъ ими учрежденій. Онѣ становятся тиранами человѣка, его тѣнью. Безъ ихъ приказа нельзя ни двинуться съ мѣста, ни остановиться, ни жить, ни умереть. Имъ принадлежитъ все. Человѣчество—ихъ собственность, обреченная имъ жертва. Нельзя себѣ представить, что точка отправленія этихъ ужасныхъ тираній всегда опредѣлялась оказанными ими въ началѣ услугами. Вслѣдствіе чего же является этотъ упадокъ, доходящій до того, что онѣ становятся злѣйшей карикатурой того, съ чего онѣ начали? Вслѣдствіе того, что онѣ согрѣшили противъ великаго закона, опредѣляющаго границы всякой силѣ, всякому человѣческому учрежденію: *нужно служить человѣчеству, а не порабощать его.*

Я боюсь, чтобы этотъ законъ не оказался нарушеннымъ по отношенію къ самой наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ,

что мы видимъ въ данное время? Продолженіе удивительной работы, по изслѣдованію фактовъ и идей, ставшихъ достояніемъ человѣка? Это изслѣдованіе, конечно, продолжается и никакая сила его не остановитъ. Но мы видимъ, что нѣкоторыя науки хотятъ сосредоточить въ себѣ все человѣческое знаніе. И такъ какъ, по мнѣнію такой ограниченной науки, кромѣ знанія, у человѣка нѣтъ иного способа сообщенія съ дѣйствительностью, то послѣдователи этой науки заявляютъ претензію свести всю дѣйствительность и всю жизнь къ ея выводамъ. Все не входящее въ эту область, столь ничтожную, при всей ея обширности, въ сравненіи съ неисчерпаемыми богатствами жизни—мечты и иллюзіи. Вотъ что ужасно (exorbitant)! Это уже не наука, а научный абсолютизмъ.

Не стоило бы объ этомъ сокрушаться, если бы эта претензія не встрѣтила огромнаго сочувствія въ обществѣ. Предоставимъ слово людямъ, пользующимся безспорнымъ авторитетомъ, чтобы не подумали, что мы преувеличиваемъ.

Въ своемъ, извѣстномъ всему міру, трактатѣ: «Culturgeschichte und Naturwissenschaft», берлинскій профессоръ Дю-Буа-Реймонъ, въ 1877 году, говорилъ, выражая убѣжденіе (sentiment) цѣлой толпы людей серьезныхъ, но зараженныхъ однимъ и тѣмъ же предразсудкомъ: «исторія естественныхъ наукъ — истинная исторія человѣчества. То, что до сихъ поръ называли этимъ именемъ, есть исторія войнъ съ одной стороны и *нелѣпыхъ представленій* (des folles

conceptions) нѣкоторыхъ цивилизованныхъ народовъ — съ другой»...

Въ устахъ человѣка, который лучше, чѣмъ кто либо другой выяснилъ и опредѣлилъ границы человѣческаго знанія и который, къ тому же, признаетъ, что только классицизмъ (le commerce avec l'antiquité classique) въ состояніи спасти насъ отъ самаго пошлаго утилитаризма, такія слова пріобрѣтаютъ особенное значеніе. Это уже симптомъ. Теперь не говорятъ болѣе: наука и философія должны удовлетворить человѣчество. Философію вслѣдъ за религіей и поэзіей сдали въ архивъ. Теперь говорятъ: только одна наука должна удовлетворять человѣчество. И обогнавъ удивительнымъ скачкомъ уже и безъ того смѣлую выходку нѣмецкаго ученаго, одинъ изъ нашихъ современныхъ французскихъ ученыхъ оставилъ намъ три слова, которыя современемъ будутъ доказательствомъ состоянія умовъ цѣлой серіи поколѣній: *нѣтъ болѣе тайны* (Бертело).

Никакой успѣхъ не сравнится съ тѣмъ, который выпалъ на долю этихъ идей въ обществѣ. Онѣ широко распространились во всѣхъ классахъ. Для огромнаго большинства людей результатъ науки, надлежащимъ образомъ удостовѣренный и провѣренный, то, что мы называемъ явленіями высшаго порядка (les réalités supérieures), не существуетъ вовсе. *Человѣкъ такое же животное, какъ и всѣ другія.* Практическій выводъ отсюда сдѣлать не трудно.

Гигантскими шагами наше время шло сперва по пути научнаго, а затѣмъ практическаго реализма, легко-

мысленно усыпая свою дорогу всѣмъ тѣмъ, что составляетъ сущность высшаго блага человѣчества. Оно замѣнило представленіе (conception) живого міра представленіемъ мертваго міра. Машина повсюду замѣнила душу. Метеріалистическая наука не признаетъ души ни во вселенной, ни въ человѣкѣ. По ея мнѣнію, у всего сущаго нѣтъ никакой основы (il n'y a rien au fond des choses). Вселенная—огромный фейерверкъ, сводящійся по послѣднимъ изслѣдованіямъ къ элементарному факту столкновенія атомовъ. Случается, что нѣкоторые ученые разсуждаютъ такъ, какъ будто имъ уже все извѣстно. Что же касается невѣждъ, то у нихъ еще больше самоувѣренности; большинство нашихъ современниковъ до такой степени съузило свое представленіе о вселенной, что уже не находитъ въ ней мѣста для своихъ вѣрованій, принциповъ, ни даже чувствъ. Какое значеніе имѣетъ все это въ глазахъ научнаго реализма? Никакого. Въ подобномъ мірѣ человѣка постигаетъ участь машины во всѣхъ случаяхъ: онъ машинально работаетъ, машинально учится, машинально живетъ, машинально убиваетъ, машинально предается чувственнымъ наслажденіямъ, машинально подставляетъ лобъ подъ пули.

Вотъ почему намъ, которые добивались и работали больше, чѣмъ кто либо и когда либо, грозитъ опасность провалиться въ бездну полнѣйшаго ничтожества (de sombrer en plein néant).

Слабая сторона, ахиллесова пята этой великой эпохи въ томъ, что она забыла, что на свѣтѣ гораздо больше

явленій (réalités), чѣмъ могли удостовѣрить (constater) такъ называемыя положительныя науки. Наши дѣла возросли, но сами мы умалились. Собственное достоинство человѣка и его упованія значительно утратили свое значеніе въ его собственныхъ глазахъ. Причина всѣхъ недуговъ нашего вѣка оскорбляетъ человѣческое достоинство (Un crime de lese humanité est au fond de toutes les souffrances de ce temps). Цивилизація опирается прямо (d'aplomb) на человѣкѣ. Троньте (atteignez) человѣка и вся цивилизація распадется на части. Вся наша цивилизація грозитъ обрушиться на нашу голову, потому что ея основа—человѣкъ, ослабла.

И это еще далеко не все, что представляетъ собою зрѣлище наслѣдства, ожидающаго нашихъ дѣтей. Что еще больше поражаетъ въ этомъ наслѣдствѣ и въ чемъ заключается спасеніе нашихъ преемниковъ, если только они это съумѣютъ понять, это крайнія противорѣчія того міра, въ которомъ мы живемъ, что мы и попытаемся доказать въ слѣдующей главѣ.

III.

Противорѣчія вѣка.

Матеріалистическое міровоззрѣніе и тѣ стороны нашей цивилизаціи, которыя являются его скоропреходящимъ результатомъ, противорѣчатъ во всѣхъ отношеніяхъ духу нашего времени. Нынѣшній духъ времени—это родовое наслѣдство (patrimoine résumé) вѣковъ. Эпитетъ: нынѣшній—опредѣляетъ лишь его направленіе (tendence) и методъ, а не содержимое (son contenu), не представляющее его исключительнаго достоянія (venu de partout). Его смыслъ можно вѣрно опредѣлить прекраснымъ изреченіемъ Теренція: Homo sum, humanum nihil a me alienum puto. Духъ нашего времени—это въ сжатомъ видѣ сумма всего того, что было извлечено человѣчествомъ наилучшаго изъ громадной работы и страданій прошлаго.

Въ области мысли онъ выражается всестороннимъ пониманіемъ всего, рѣшимостью ничего не исключать, ничѣмъ не пренебрегать, имѣть вѣрный взглядъ на вещи, находить истину въ ней самой безъ всякой пред-

взятой мысли, однимъ словомъ — это истинный духъ науки.

Со стороны сердца—это благое намѣреніе никого не презирать, никого не обманывать и не обижать, уважать по преимуществу слабаго, сочувственно относиться ко всякому страданію. Кромѣ того, онъ представляетъ собою истинное прославленіе труда, какъ великой освободительной и морализующей силы.

Въ политикѣ духъ нашего времени и духъ демократизма, въ его высшемъ значеніи, признаютъ руководящими началами общественной жизни право, законъ, справедливость и солидарность.

Если бы на одной сторонѣ была вся вооруженная сила, всѣ орудія, вся огромная и грозная коалиція могущественнѣйшихъ силъ, а на другой — безоружная справедливость,—духъ нашего времени потребовалъ бы отъ насъ, чтобы мы сложили оружіе и отрѣшились отъ всѣхъ личныхъ интересовъ передъ справедливостью.

Если бы на одной сторонѣ была возбужденная и крикливая толпа, а на другой—только одинъ благоразумный и справедливый человѣкъ, духъ нашего времени сталъ бы на сторону этого человѣка, противъ огромнаго большинства.

Таковъ духъ нашего времени.

Научный и практическій реализмъ, напротивъ, представляетъ собою отрицаніе всего этого.

Въ области мысли реализмъ представляетъ собою самый узкій провинціализмъ, какой только можно себѣ вообразить, не признающій ничего за предѣлами своего

околодка. Необъятная гармонія міровъ и жизней звучитъ для него, какъ слабый и монотонный звукъ одинокой струны. Въ отношеніи сердца реализмъ представляетъ собою абсолютный эгоизмъ, не признающій никого и считающій глупостью всякую уступку и одолженіе, не основанныя на холодномъ расчетѣ. Для него существуетъ только одно право—право сильнаго, только одинъ законъ—законъ борьбы. Слабый долженъ исчезнуть. Солидарность—пустой звукъ, совѣсть—химера. На землѣ не хватаетъ мѣста для всѣхъ. Для того, чтобы одни могли жить, другіе должны погибнуть: *Beati possidentes!* Цѣль жизни—наслажденіе. Съ трудомъ можно мириться, какъ съ повинностью, цѣною которой достается наслажденіе. Но лучше было бы наслаждаться не трудясь.

Въ политикѣ реализмъ выражается обоготвореніемъ грубой силы. На верху общественной лѣстницы онъ—тиранія; внизу—разнузданное своеволіе; повсюду онъ вызываетъ дикую борьбу интересовъ и страстей. Онъ осужденъ на колебанія между деспотизмомъ большинства и единичной властью (pouvoir personnel), поочередно пожирающими другъ друга. Кромѣ того, онъ всегда и вездѣ убиваетъ свободу. Демократія реальнаго направленія была бы нелѣпостью.

Реализмъ и духъ нашего времени постоянно враждуютъ между собою въ самой основѣ теперешняго общественнаго строя. Это-то и придаетъ положенію вещей такой трагическій характеръ и дѣлаетъ то, что наша жизнь, столь богатая контрастами, представляется

намъ непрерывнымъ рядомъ глубокихъ и благородныхъ страданій. Если бы мы могли обоготворить звѣря (la brute), организовать во всей его ужасающей красотѣ цивилизованное варварство — мы не испытывали бы тѣхъ терзаній, которыя насъ теперь мучаютъ. Но подъ оболочкой, которой насъ прикрылъ временно восторжествовавшій реализмъ, живетъ и страдаетъ наше лучшее «я». Передъ каждымъ новымъ отвратительнымъ проявленіемъ звѣря въ человѣкѣ (devant chaque création hideuse dont la brutalité encombre le monde), духъ нашего времени поднимаетъ свой голосъ и протестуетъ. И этотъ духъ не есть послѣдній вздохъ отживающаго міра. Это мощная сила, все прибывающая, хотя и неосязаемая, которая, не принадлежа никому въ особенности, выражается тысячами протестовъ даже въ самомъ позорѣ и паденіи. По мѣрѣ того, какъ звѣрская сила (force brutal) развивается въ нѣдрахъ человѣчества и ея когти и клыки превращаются въ крѣпости, пушки, динамитъ или наглую тиранію капитала и большинства, развивается также и эта другая сила, невидимая и неосязаемая. Сколько бы ни кричали о томъ, что грубая сила преобладаетъ надъ правомъ, ссылаясь въ видѣ доказательства на всѣ явленія природы низшаго порядка (la nature inférieure) и подкрѣпляя эти доказательства указаніемъ на акты насилія, которымъ, говорятъ, нѣтъ судьи на землѣ, тѣмъ не менѣе, право — такая сила (puissance), противъ которой ничего нельзя подѣлать. Въ извѣстный моментъ она проявляется, овладѣваетъ умами, проникаетъ въ сердца, разражается

грозою и разрушаетъ всѣ дѣянія грубой силы произвола (de la force). Вы тщетно пытаетесь уяснить себѣ, какимъ образомъ въ этой неравной борьбѣ падаетъ тотъ, кто лучше вооруженъ; но вы чувствуете, будучи свидѣтелемъ совершающихся фактовъ, что этому есть великая и таинственная причина.

Я упомяну здѣсь о соціальномъ вопросѣ, чтобы коснуться той почвы, на которой духъ нашего времени находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ реализмомъ. Что такое соціализмъ въ широкомъ и благородномъ значеніи этого слова? Онъ—удостовѣреніе (l'affirmation) цѣнности жизни и принципа солидарности. Неприкосновенность личности и ея неразрывная связь съ общественнымъ организмомъ: всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ. Чтобы быть соціалистомъ, надо заботиться о другихъ, преимущественно о слабыхъ, о дѣтяхъ, о женщинахъ, обо всѣхъ, кого презираютъ, оскорбляютъ, угнетаютъ. Вы, какъ существо, проникнутое общественнымъ началомъ (être social), должны чувствовать необходимость отношеній (des rapports), связывающихъ другъ съ другомъ всѣхъ членовъ общества, во всѣхъ фазисахъ его развитія и благосклонно относиться ко всѣмъ формамъ общественной жизни, чтобы оцѣнить отношенія людей и самыхъ различныхъ положеній. Что значитъ все это съ точки зрѣнія реализма?

Реализмъ учитъ такъ: каждый самъ за себя. Когда ты сытъ и пьянъ — весь міръ веселится и все идетъ какъ нельзя лучше. Когда ты голоденъ — все идетъ дурно и нужно все сокрушить. И оба эти рода

пониманія жизни существуютъ въ нашемъ обществѣ. Мало этого: они часто уживаются въ отдѣльной личности. Многіе изъ нашихъ современниковъ усвоили матеріалистическій взглядъ на жизнь (la conception matérialiste de l'existance), принадлежа по своимъ нравственнымъ поступкамъ (pour leur morale même) къ числу послѣдователей реализма. Но послушайте ихъ, когда они провозглашаютъ право, взываютъ къ справедливости, превозносятъ солидарность! Подобно тому, какъ если бы кто вытянулъ весь воздухъ изъ-подъ колокола и посадилъ затѣмъ туда птицу, чтобы она тамъ жила, такъ и они не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что ихъ представленіе о мірѣ несовмѣстимо съ ихъ представленіемъ о вещахъ и людяхъ, которыми они хотятъ его наполнить.

Примѣры этому можно указать въ самыхъ различныхъ сферахъ. Безчисленное множество людей живутъ теперь изворотами (d'expédients) и противорѣчіями. Они напоминаютъ намъ созданія художественнаго вымысла: драконовъ, сфинксовъ, химеръ, которыя въ одномъ фантастическомъ животномъ совмѣщаютъ орла, льва, змѣю и человѣка. Не думайте, чтобы такія странныя амальгамы встрѣчались преимущественно въ средѣ непросвѣщеннаго народа (dans le peuple inculte). Онѣ есть вездѣ. Что бы человѣкъ ни дѣлалъ (on a beau faire), онъ остается сыномъ своего вѣка. Антагонизмъ, проникающій въ самую основу современной цивилизаціи, отражается во всѣхъ умахъ. Мы его встрѣчаемъ въ лекціяхъ профессоровъ, въ рѣчахъ государственныхъ дѣятелей, даже

въ поученіяхъ проповѣдниковъ (des éducateurs réligieux). Какой нибудь государственный мужъ начинаетъ свою рѣчь ссылками на положительныя науки и съ постановки утилитарныхъ аксіомъ, но, увлеченный своимъ предметомъ на почву воспитанія, морали и общественнаго порядка, онъ заканчиваетъ ее въ тонѣ полнѣйшаго идеализма.

Дѣло осложняется еще и другимъ факторомъ значительной важности — реакціоннымъ движеніемъ. Съ этой стороны, всѣ бѣды и напасти, среди которыхъ бьется современное общество, приписываютъ духу нашего времени. Думаютъ все исправить и возстановить должный порядокъ простымъ возвратомъ къ statu quo XV вѣка. Какъ видите, это большое дѣло и мы еще о немъ будетъ говорить ниже. Но это движеніе раздѣлилось на многочисленныя развѣтвленія и неравномѣрно охватило множество умовъ. Реакціонеры съ одной стороны, пропитанные духомъ времени—съ другой, и сверхъ того, слегка матеріалисты, мы сами при многомъ въ этомъ дѣлѣ. И дѣйствительно, состояніе умовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ похоже на переѣздъ съ квартиры на квартиру. Часть мебели уже въ новомъ помѣщеніи, часть — трясется по мостовой, кое-какъ наваленная на воза, подвергаясь непогодѣ и всякимъ случайностямъ, а часть—еще спокойно стоитъ по мѣстамъ въ старой квартирѣ. Все это создаетъ одно изъ самыхъ сложныхъ критическихъ и переходныхъ состояній. Въ эпоху простоты нравовъ, страданія, порождаемыя подобнымъ кризисомъ, были бы смягчены внѣшними обстоятельствами.

Въ наше время онѣ усиливаются осложненіями нашей культуры. Люди страдаютъ во всѣхъ областяхъ духовной и въ то же время матерьяльной жизни. Людей нашего времени захватила врасплохъ внезапная перемѣна условій существованія. Событія ихъ обогнали и сбили съ толку (désoriétés). Накопленные временемъ результаты причинъ нашихъ поступковъ, значенія которыхъ мы сами не знали, тревожатъ и пугаютъ насъ. Чѣмъ сложнѣе организмъ, тѣмъ болѣе онъ способенъ страдать. Человѣкъ умираетъ отъ раны, тогда какъ нѣкоторые низшіе организмы продолжаютъ жить разрѣзанные на куски. Телѣга можетъ потерять колесо безъ особой опасности, тогда какъ для локомотива это гибель.

Въ настоящее время цивилизація стала громадной машиной, работу которой не могутъ опредѣлить даже самые мудрые. Она идетъ своимъ адскимъ ходомъ, скрипя колесами, а человѣкъ стонетъ, чувствуя себя раздавленнымъ и уничтоженнымъ ею.

* * *

Недавнее прошлое передаетъ въ наши руки дѣло грандіозное, но изуродованное. Ему не хватаетъ единства ума и души. Одновременно съ накопленіемъ матерьяльной силы, богатствъ и знаній, мы постепенно бѣднѣли въ отношеніи нравственной энергіи, братства и вѣры. Намъ всюду недостаетъ *человѣка*.

Нужно возстановить людей, которые умѣли бы управлять собою и могли бы стать владыками новаго міра ради его и своего блага.

Достигнуть этого мы можемъ возвратомъ къ *нормальной мысли* (à la pensée normale), къ примѣненію индуктивнаго метода во всѣхъ человѣческихъ дѣяніяхъ и, въ особенности, къ позабытымъ явленіямъ духовнаго міра (aux réalités oubliées du monde intérieur).

Возвратомъ къ *нормальной жизни*, къ уваженію, къ солидарности, къ труду и простотѣ.

Словомъ, достигнуть этого мы можемъ стараясь укрѣпить только что опредѣленный нами характеръ духа нашего времени, предоставляя въ его распоряженіе всѣ средства, которыми насъ наградила наука.

Но возможно ли подобное предпріятіе?

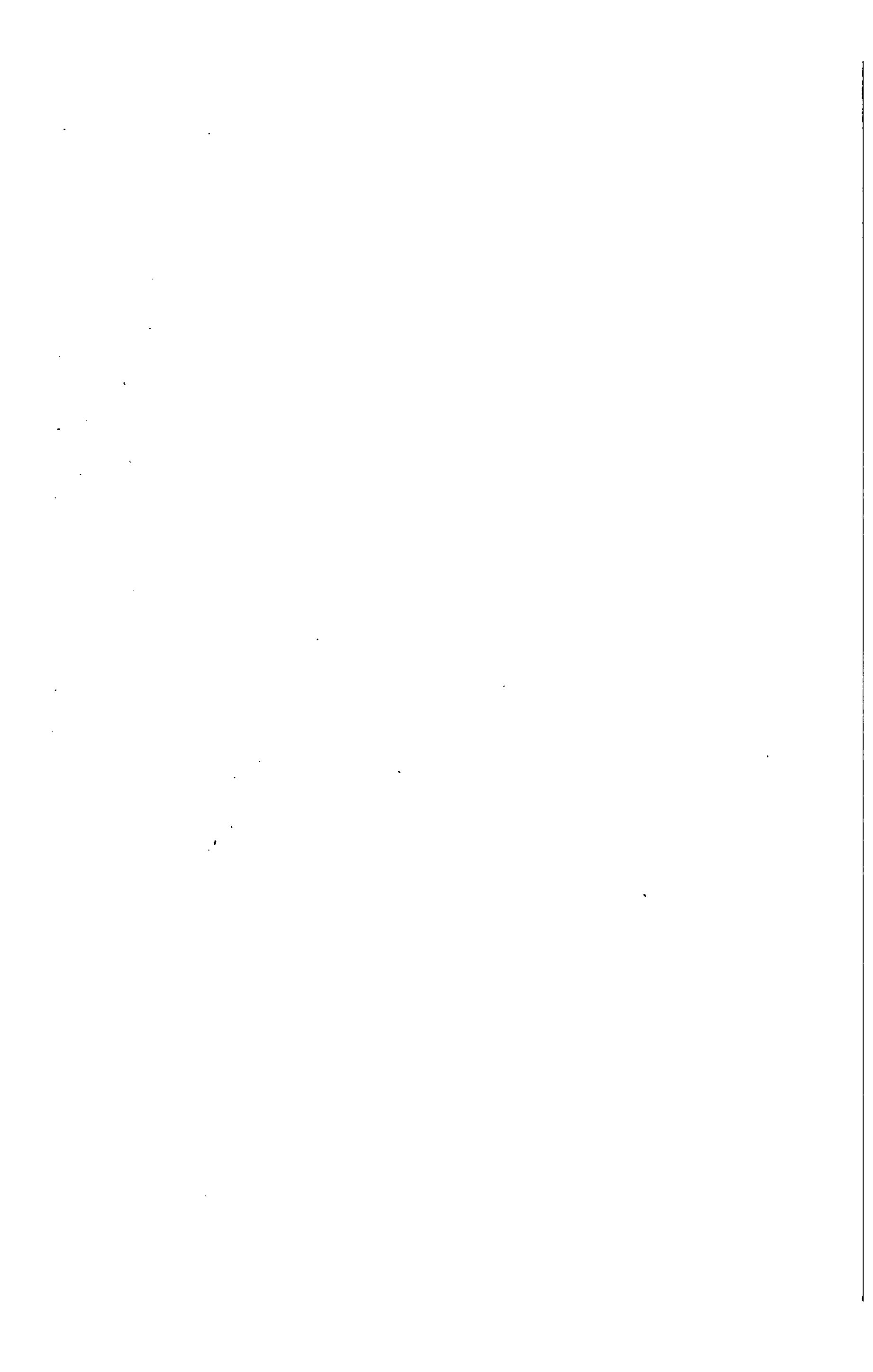
Стоитъ ли на высотѣ этой задачи наше молодое поколѣніе, на которое она возлагается? Сознаетъ ли оно ея значеніе?

Если справедлива пословица: яблоко отъ яблони недалеко падаетъ (tels pères tels fils), если наслѣдственность, пробитая колея и среда имѣютъ рѣшающее вліяніе на юношество, то чего же намъ ждать отъ нашего молодого поколѣнія какъ не того, что оно пойдетъ по нашимъ слѣдамъ? Развѣ дѣти умнѣе своихъ отцовъ? Хотя и рѣдко, но это бываетъ. Но не станемъ вдаваться ни въ какія предположенія.

КНИГА ВТОРАЯ.

НАСЛѢДНИКИ

«Отцы ѣли кислый виноградъ,
а у дѣтей на зубахъ оскомина».
Iезек. 18, 2.

I.

Міръ молодежи.

Хорошія и дурныя качества всякаго общества ярче всего отражаются въ его молодыхъ представителяхъ. Въ нихъ они преломляются, какъ солнечные лучи въ призмѣ, еще болѣе выдѣляясь, вслѣдствіе своей изолированности и контрастовъ, представляемыхъ ими въ ихъ спектральной группировкѣ. Тутъ вся гамма цвѣтовъ, со всею силою тоновъ, исключающей переходные оттѣнки. Молодежь воспѣваетъ на улицахъ хвалу времени и съ крышъ домовъ громогласно порицаетъ его пороки (travers). Въ ней мы встрѣчаемъ и избытокъ зла, и могучіе порывы къ добру, какъ это и должно быть. Со свойственною ей страстностью и стремленіемъ къ поспѣшнымъ выводамъ и результатамъ, молодежь доводитъ до крайности дѣло своихъ предшественниковъ. Мнѣніе, что ученики слѣдуютъ по стопамъ своихъ учителей, вѣрно только въ теоріи. Ученики идутъ гораздо скорѣе и въ большинствѣ случаевъ учитель слѣдуетъ за ними и старается сдержать ихъ стремительность. И

это вѣрно не только относительно одной учащейся молодежи, но и всей вообще. Мы всѣ въ извѣстномъ возрастѣ посѣщали школу и университетъ и далеко не всегда интересовались лучшими уроками и лекціями.

Примѣръ и импульсъ имѣютъ гораздо больше вліянія на простонародную молодежь, чѣмъ на школьную. Доктрины, овладѣвающія интеллигентными вершинами, спускаются въ толпу быстрѣе, чѣмъ мы думаемъ. Черезъ какія тайныя щели пробираются онѣ въ нѣдра необразованныхъ массъ — это никому неизвѣстно. Но дѣло въ томъ, что достаточно бываетъ иногда нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы какое нибудь теченіе изъ университетскихъ сферъ проникло въ самую скромную хижину. И чѣмъ проще среда, тѣмъ очевиднѣе результаты проникнувшей въ нее тлетворной идеи. Тамъ она дѣйствуетъ, какъ алкоголь на дикарей. Простонародная молодежь представляетъ собою, можетъ быть, ниву, на которой вредные уроки производятъ больше всего опустошеній. Въ ея рукахъ мы видимъ пошловатые переводы иностранныхъ авторовъ, назидательныя картинки, отъ содержанія которыхъ могутъ волосы стать дыбомъ.

Мы не можемъ въ достаточной мѣрѣ ни прослѣдить за молодежью, ни изучить ее. Безъ сомнѣнія, она преподаетъ столько же уроковъ, сколько и сама ихъ получаетъ.

Иные, правда, говорятъ о ней не иначе, какъ понижая голосъ и пожимая плечами. По ихъ мнѣнію, моло-

дежь олицетворяетъ собою непочтительность, заносчивость, самодовольное невѣжество, порицающее все то, чего оно не понимаетъ. Это возрастъ богохульный, взбалмошный, буйный, который, не щадя никого, проносится какъ буря посреди мирныхъ буржуазныхъ нравовъ.

Другіе, говоря о молодежи, цинично и поощрительно посмѣиваются, какъ древніе авгуры. Для нихъ молодежь—синонимъ безчинства и разврата. Кутилы, которые смотрятъ на жизнь не какъ на священную сокровищницу (un dépôt sacré), но какъ на запасъ карманныхъ денегъ, который можно разбросать направо и налѣво, находятъ, что молодые люди счастливы, дебютируя на той аренѣ, съ которой они уже сходятъ.

Наконецъ, люди третьей категоріи считаютъ молодыхъ людей обузой, относясь къ нимъ съ недоброжелательствомъ, какъ старый родственникъ, знающій, что разсчитываютъ на его наслѣдство. Они злятся на нихъ за то, что тѣ рѣшились жить и занять свое положеніе въ жизни, а также и за то, что они ихъ, по всей вѣроятности, переживутъ. Это признакъ дурного характера. Точно зима, которая нахмурилась передъ приближеніемъ весны, что не мѣшаетъ, однако же, травѣ расти, а цвѣтамъ распускаться.

Нельзя не признать, что эти различные взгляды на молодежь до нѣкоторой степени вызваны ею самою. Есть молодежь непочтительная, развратная, есть молодежь слишкомъ торопящаяся получить наслѣдство, неумѣю-

[illegible]я какъ слѣдуетъ держать себя по отношенію къ тѣмъ, кто кончаетъ жизнь, и неблагодарная за оказанныя ими ей услуги. Есть самонадѣянные молодые люди, безразсудно воображающіе, что дѣла пойдутъ хорошо только съ ихъ вмѣшательствомъ; и Богъ знаетъ, до чего они несносны! Но всѣ эти сумасбродства характеризуютъ лишь одну сторону того, что представляетъ собою наша молодежь. Я допускаю, что въ молодыхъ людяхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ категорій отразилось все самое худшее, что ими остаются довольны подстрекатели (brouillons), а разумные люди приходятъ отъ нихъ въ отчаяніе; но, не смотря на все это, я утверждаю, что въ молодомъ поколѣніи отражается также и все лучшее. О немъ слишкомъ часто забываютъ, и это забвеніе, этотъ недостатокъ довѣрія къ нему—большое несчастье. Когда я смотрю на головку ребенка въ извѣстный періодъ его умственнаго развитія, меня всегда поражаетъ богатство надеждъ и обѣщаній, которыя витаютъ вокругъ этой дѣтской жизни. Она—трогательный и вѣрный залогъ будущаго совершенствованія человѣчества. Но есть зрѣлище еще болѣе поразительное, чѣмъ личико здороваго и сильнаго ребенка,—это лицо юноши въ тотъ періодъ, когда онъ, еще оставаясь ребенкомъ, уже становится человѣкомъ, когда онъ, дѣвственный всѣмъ своимъ существомъ, еще ничему вполнѣ не отдается, но горячо относится ко всему и серьезно интересуется всѣмъ. Положительно, въ этомъ возрастѣ человѣкъ бываетъ лучше и лучшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ, это остаться вѣрнымъ этимъ пер-

вымъ впечатлѣніямъ юности и сохранить на всю жизнь плодотворное воспоминаніе о нихъ. Въ извѣстный періодъ развитія силы и вдохновенія юноша своимъ сердцемъ постигаетъ все (est au-dessus de tout par le coeur); онъ обладаетъ сокровищами въ себѣ самомъ, онъ царь надежды.

Но этотъ царь — страдалецъ. Молодость — возрастъ самыхъ сильныхъ и жестокихъ страданій. Тѣ, которые говорятъ о ея легкомысліи, или сами никогда не были молоды, или позабыли давно объ этомъ. Прежде всего, молодежь сама сознаетъ лучше, чѣмъ кто либо, контрастъ между предвкушаемымъ и желаннымъ добромъ и возможнымъ, и очень часто осуществляющимся зломъ. Сердце ея сжимается отъ боли при всякомъ ея столкновеніи съ жизнью. Пышная и въ то же время убогая, она знаетъ всю горечь разочарованій, проистекающихъ изъ противорѣчія того, что таится въ душѣ, и того, что совершается въ жизни. И эти страданія не ребячество, какъ ихъ называютъ яко бы положительные люди, которые въ сущности ничто иное, какъ пошляки (qui ne sont que plats). Эти страданія святы, потому что въ нихъ залогъ лучшаго будущаго. Въ нихъ все спасеніе. Какъ бы ни былъ міръ старъ, сколько бы онъ ни передавалъ новымъ поколѣніямъ путемъ наслѣдственности и примѣра свою дряхлость, не смотря на это, отъ времени до времени будутъ нарождаться люди, одаренные чрезвычайно тонкой впечатлительностью. Заключите этихъ людей, полныхъ здоровой любознательности и великодушныхъ порывовъ, въ границы

скудной традиціи, въ среду клерикализма, партикуляризма, утилитаризма или какой бы то ни было тираніи,— въ разрѣженномъ воздухѣ подобной среды они будутъ мучениками; они будутъ тосковать о чистомъ воздухѣ и свободѣ, какъ птица въ клѣткѣ; ихъ страданіе послужитъ къ разоблаченію зла (sera révélatrice); они призовутъ себѣ на помощь всѣ лучшіе инстинкты человѣческой природы, всѣ родственные имъ элементы человѣчества, чтобы бороться съ тѣмъ, что ихъ давитъ и угнетаетъ; они разобьютъ свои оковы, если только эти оковы не задушатъ ихъ самихъ. Въ обоихъ случаяхъ—какія страшныя мученья! О нихъ свидѣтельствуетъ огромное число мучениковъ всѣхъ категорій, умершихъ въ молодыхъ годахъ. Но я говорю не только о нихъ. Я говорю о всѣхъ, подвергавшихся въ юности глумленію и поношенію за свое стремленіе къ идеалу чистой красоты, жившей въ ихъ сердцахъ. Имя имъ легіонъ и они всегда будутъ появляться между нами. Чѣмъ больше міръ уклоняется отъ естественнаго пути, тѣмъ сильнѣе онъ ложится своей тяжестью на плечи молодыхъ людей. Обремененные цѣпями, не ими скованными, они своими мученіями подготовляютъ свободу, которой можетъ быть имъ не суждено пользоваться. Я говорю, что ничего нѣтъ благороднѣе этихъ молодыхъ людей. Они безсмертны. Въ нихъ постоянно возрождается лучшая кровь человѣчества. Они почтительные и вѣрные наслѣдники сокровищъ прошлаго, стремящіеся умножить ихъ и передать будущему. Ихъ лозунгъ: начинать снова, постоянно начинать снова!

Никогда не надо забывать этого, наблюдая всѣ слабости и недостатки современнаго молодого поколѣнія. Оно—неизсякаемый родникъ бодрости, исцѣленія, успокоенія, истинный источникъ молодости, берущій свое начало въ нѣдрахъ почвы, недоступныхъ человѣческимъ изысканіямъ.

II.

Интеллектуальная сторона развитія.

Опредѣлить какое-либо положеніе вообще не легко. Сколько соединенныхъ усилій и труда нужно для того, чтобы въ человѣческомъ умѣ отразилась хотя и не вполнѣ, но достаточно ясно и гармонично такая сложная, богатая и неизмѣримая вещь, какъ жизнь! Жизнь повсюду и во всѣ времена остается загадкой; но бываютъ эпохи, когда кажется, что отгадка ея найдена. Тогда дѣтямъ остается слѣдовать по стопамъ отцовъ. Но не таково положеніе вещей въ наше время. Отцы отживаютъ свой вѣкъ въ неувѣренности. Во всѣхъ своихъ формахъ великая проблема жизни приняла теперь острый характеръ. Въ какую бы сторону мы ни смотрѣли, повсюду передъ нами сфинксъ. Вотъ при какихъ условіяхъ вступаетъ въ жизнь наше молодое поколѣніе. Хорошо бы было, если бы оно имѣло дѣло только съ обстоятельствами, и ему не мѣшали выпутываться изъ нихъ! Но люди вмѣшиваются и истолковываютъ обстоятельства на свой ладъ, по мѣрѣ надобности искажаютъ ихъ и смущаютъ молодежь. Очень

трудно охарактеризовать подобное положеніе вещей; такъ же трудно, какъ снять фотографію съ движущихся волнъ. Попытаемся однако же это сдѣлать, хотя и сознаемъ, что снимокъ будетъ не вполнѣ удовлетворителенъ; но мы будемъ говорить лишь о томъ, что сами пережили и видѣли своими глазами.

Мы начнемъ съ широкаго теченія, уносящаго большинство людей и составляющаго какъ бы логическое продолженіе положенія вещей, созданнаго уходящимъ вѣкомъ. Затѣмъ мы перейдемъ къ реакціонному движенію и кончимъ указаніями на нѣкоторые признаки новаго направленія.

Когда молодой человѣкъ, получившій общую научную подготовку, поступаетъ въ университетъ, его тамъ ожидаютъ двѣ большія задачи: избрать спеціальность и выработать себѣ міровоззрѣніе. Первое ему необходимо для преслѣдованія намѣченной карьеры, второе — для того, чтобы стать человѣкомъ. Изъ этихъ двухъ задачъ первая настолько же точно опредѣлена, насколько вторая обречена случайности. Остановимся сначала на первой. Это въ полномъ значеніи слова—пріобрѣтеніе познаній. Наша учащаяся молодежь горячо относится къ наукѣ, и теперь много молодыхъ людей прилежно занимаются по всѣмъ отраслямъ знанія. Лучшіе представители молодого поколѣнія работаютъ много и дѣльно. Далеко не рѣдкость встрѣтить молодого человѣка, который запираетъ свою дверь на ключъ и въ теченіе нѣкотораго времени ведетъ жизнь затворника. Ему это необходимо. Чтобы достигнуть извѣстнаго результата,

еще мало располагать необходимыми средствами, нужно прилежно и неустанно заниматься и вооружиться необходимой рѣшимостью для усвоенія научнаго предмета. Въ прежнія времена личный трудъ, изслѣдованія и личная инициатива имѣли больше значенія, потому что ничего еще не было достигнуто, все было впереди. Въ каждой области оставалось множество неизслѣдованныхъ уголковъ. Теперь эта сторона научной дѣятельности сократилась, но зато расширилась другая—разработка предмета по готовымъ источникамъ (l'étude receptive). Прежде чѣмъ начать самостоятельно работать и думать, нужно пробить себѣ трудную дорогу черезъ груды знаній, скопленныхъ другими. Молодые люди горячо принимаются за дѣло, интересуясь рѣшительно всѣмъ, но, стопъ! сперва еще нужно пріобрѣсти столько свѣдѣній, взвалить себѣ на плечи столько прежнихъ запасовъ знаній, что они старятся во время приготовленій и тратятъ на нихъ всѣ свои лучшія силы. И вотъ, развитая (intellectuelle) молодежь вступаетъ въ мрачную борьбу съ невозможностью, представляющую собою настоящую трагедію.

Однимъ результатомъ подобной работы является переутомленіе, нѣчто въ родѣ гиперестезіи способностей воспріятія, подавленіе личной инициативы гнетомъ чужихъ знаній и, какъ слѣдствіе всего этого, нравственная сухость (sécheresse morale). Другимъ результатомъ является все болѣе и болѣе возрастающая специализація. Силою вещей каждый принужденъ замкнуться въ своемъ владѣніи. Главнымъ образомъ это относится къ

математическимъ и естественнымъ наукамъ (exactes et naturelles), съ точно опредѣленными границами. Въ литературѣ, исторіи и т. д. гораздо труднѣе удержаться отъ того, чтобы не заглянуть въ чужое владѣніе, а между тѣмъ и тутъ обиліе матерьяловъ заставляетъ оставаться въ извѣстныхъ границахъ и вынуждаетъ васъ замкнуться, какъ въ ячейку, въ опредѣленную эпоху, если только вы хотите что-либо серьезно изучить. Такимъ образомъ, мало-по-малу сосѣднія владѣнія исчезаютъ изъ виду. Черезъ максимумъ затраченнаго труда получается минимумъ удовлетворенія, и кругозоръ ограничивается. Замѣчается это не только во Франціи. Это слѣдствіе общаго современнаго состоянія человѣческаго знанія. Количество накопленныхъ матерьяловъ громадно, а синтезъ еще не выведенъ. Мы обладаемъ только отрывками науки. Никто не можетъ ихъ себѣ представить въ цѣломъ видѣ, ни точно опредѣлить своей роли въ общемъ движеніи человѣчества. Люди кончаютъ тѣмъ, что перестаютъ интересоваться всѣмъ, что не входитъ въ кругъ ихъ спеціальности. Уже давно ученымъ дана привилегія не знать ничего изъ того, что не относится къ ихъ предмету. Молодежь по необходимости пользуется этой привилегіей. Да и какъ этого избѣгнуть? Необходимымъ слѣдствіемъ такого интеллектуальнаго режима является исчезновеніе общихъ идей и трудность, пожалуй даже невозможность, создать себѣ міровоззрѣніе.

Здѣсь мы приступаемъ ко второй половинѣ задачи, лежащей тяжелымъ бременемъ на плечахъ нашей

молодежи. Каждый волей-неволей вырабатываетъ себѣ свою собственную философію. Когда эта философія не можетъ быть положительной, она становится отрицательной, а это не малое несчастье для человѣка, когда онъ бываетъ принужденъ отвѣтить: *«ничтожество»* *(néant)* на вопросъ: что такое, по его мнѣнію, жизнь?

Въ этомъ отношеніи участь современной учащейся молодежи значительно отличается отъ участи ея предшественниковъ. Тѣ получили другое воспитаніе. Они вросли многочисленными корнями въ старыя преданія и вѣрованія. Ихъ еще коснулось широкое гуманитарное вѣяніе прошлаго вѣка. Они жили отчасти этимъ сложнымъ (complèxe) наслѣдствомъ, думая, что живутъ тѣмъ, что сами пріобрѣли. Такъ въ скученности и духотѣ городской атмосферы многіе рабочіе обязаны своей силой и здоровьемъ своему мощному организму, развивавшемуся на чистомъ деревенскомъ воздухѣ. Ихъ потомкамъ во второмъ и третьемъ поколѣніи будетъ жить труднѣе; они, можетъ быть, погибнутъ среди условій, которыя выносили ихъ предки благодаря своимъ здоровымъ задаткамъ. То же можно сказать и по поводу современной молодежи. Ея предшественники упразднили (ont fait la table rase) все, что входило въ составъ общихъ идей, весь огромный капиталъ (vaste capital spirituel), который тысячи и тысячи лѣтъ человѣческая мысль накопляла постепенно въ глубинѣ ума, подобно тому, какъ легіоны представителей исчезнувшихъ формъ фауны и флоры скоплялись въ геологическихъ слояхъ. Такимъ образомъ, этимъ новымъ пришельцамъ не-

достаетъ множества преимуществъ, которыми, сами того не подозрѣвая, пользовались ихъ отцы, вслѣдствіе чего этимъ послѣднимъ молодое поколѣніе и кажется иногда страннымъ. — Но пусть на него взглянутъ поближе и тогда перестанутъ удивляться.

Нашъ трудъ возросъ и осложнился, но наше представленіе о мірѣ и о людяхъ, въ томъ видѣ, какимъ оно вышло изъ нѣдръ науки, принявшей матеріалистическое направленіе, не позволяетъ намъ намѣтить удовлетворительную цѣль этого труда. Зачѣмъ же столько усилій употребляется на то, чтобы украсить, направить и изслѣдовать жизнь, которая представляется столь ничтожной? Зачѣмъ употреблять столько усилій, если въ концѣ концовъ: добро, справедливость и истина— слова, не имѣющія значенія; если всеобъемлющая тщета (l'universelle vanité) прикрываетъ собою какъ наше знаніе, такъ и наше невѣжество, какъ наши самыя благородныя усилія, такъ и наше самое гнусное нерадѣніе.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить сомнѣніе, овладѣвшее умами по отношенію къ самой наукѣ. Предшествовавшія намъ поколѣнія замѣнили старыя вѣрованія вѣрой въ науку. То, что Ренанъ писалъ въ 1848 году, можетъ служить выраженіемъ убѣжденій толпы людей, еще не сошедшихъ въ могилу и долгіе годы служившихъ камертономъ обществу: «Конечный результатъ науки состоитъ, по-моему, только въ томъ, что она разрѣшаетъ загадку, опредѣляетъ смыслъ вещей, истолковываетъ человѣку его самого, даетъ ему, во имя единственнаго законнаго авторитета—природы человѣческой

во всей ея цѣлостности, символъ, который религіи предлагали ему вполнѣ готовымъ (tout fait) и который онъ уже не можетъ болѣе принять. Да, придетъ день, когда человѣчество будетъ уже не *вѣрить, но знать;* день, въ который оно познаетъ метафизическій и моральный міръ такъ же хорошо, какъ и физическій». Какъ странно звучатъ эти слова въ ушахъ современной молодежи! Едва полъ-вѣка отдѣляетъ насъ отъ нихъ, а уже кажется, что все это было въ самомъ отдаленномъ прошломъ. Это потому, что людей пожилыхъ отдѣляетъ цѣлая пропасть отъ новыхъ поколѣній ученыхъ (nouvelles générations scientifiques). Эти послѣдніе любятъ науку, но какъ они далеки отъ мысли, что мы знаемъ физическій міръ, и еще дальше отъ того, что мы знаемъ міръ моральный или даже метафизическій! Нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ современниковъ, за неимѣніемъ лучшаго, усвоили себѣ философію непознаваемаго (de l'inconnaissable), представляя собою отрицательную категорію. Передъ ними разстилаются чудные и страшные горизонты безконечности за предѣлами человѣческихъ знаній. Разграничивая болѣе точно различныя области, они уже не могутъ вмѣстить въ человѣческое познаніе всѣ тѣ формы, черезъ которыя намъ становится доступнымъ все реальное. Отсюда проистекаетъ много новыхъ заботъ, къ которымъ мы еще вернемся, потому что онѣ составляютъ пока достояніе меньшинства. Большинство пришло къ иному заключенію. Научныя противорѣчія, противоположныя системы, выведенныя изъ однихъ и тѣхъ же фактовъ, анализъ,—

настолько же чрезмѣрный, насколько и оспоримый, — примѣненный къ человѣческой мысли, пошатнули въ этомъ большинствѣ самую основу науки, которая есть ни что иное, какъ вѣра въ разумъ человѣка и въ смыслъ вещей. Это большинство уже ничему не вѣритъ, ни наукѣ, ни совѣсти. Вотъ почему наши молодые труженики работаютъ усердно и энергично, но безъ энтузіазма. Ихъ рвеніе проистекаетъ изъ того невѣдомаго начала, которое внушаетъ человѣку всѣ его лучшія стремленія и привлекаетъ его къ дѣйствительности несмотря на все его невѣдѣніе и добровольное отрѣшеніе отъ нея. Если бы энтузіазмъ познаlъ самого себя и свою идеальную цѣль, онъ превратился бы въ то же самое рвеніе. Но положительная наука не можетъ допустить до этого своихъ послѣдователей. Какъ часто жизнь молодыхъ людей бываетъ бѣдна несмотря на всѣ ихъ труды! Эти новые аскеты, преданные одной наукѣ, кончаютъ тѣмъ, что становятся глухи ко всему остальному. Когда будущее подведетъ итоги всего количества заготовляемыхъ нами матерьяловъ и для нашихъ потомковъ настанетъ одинъ изъ періодовъ широкой и полной жизни, въ теченіе которыхъ человѣчество временно овладѣваетъ своей формулой и мирно и безопасно идетъ своимъ путемъ, тогда воздадутъ великую хвалу этимъ труженикомъ, работавшимъ надъ отдѣльными частями, не смѣя и не имѣя возможности возвыситься до цѣлаго. Ихъ заслуга тѣмъ болѣе велика, что у нихъ мало надежды.

* * *

4*

Сколько же времени можно прожить такъ среди всеобщей умственной анархіи, безъ прочной основы и однороднаго (homogène) направленія.

Многозначительные и мучительные симптомы указываютъ на то, что въ лучшихъ умахъ гнѣздится тревога. Молодежь проситъ указать ей дорогу. Ей говорятъ: дорога одна—наука. Она пускается въ путь, но тотчасъ же передъ нею раскидывается вмѣсто одной десять дорогъ. И во имя все той же науки разные голоса зовутъ ее въ противоположныя стороны. Она слышитъ, какъ отказываютъ въ названіи науки этикѣ, исторіи, психологіи. Смутившись, она начинаетъ сомнѣваться въ своей дорогѣ. Настаетъ рѣшительный моментъ. Лучшіе умы спотыкаются и теряютъ энергію, но поверхностные (superficiels) или посредственные еще коекакъ прокладываютъ себѣ путь; они объявляютъ по прошествіи нѣкотораго времени, что «за» и «противъ» не перевѣшиваютъ другъ друга. Въ обоихъ случаяхъ возникаетъ *скептицизмъ*.

Люди авторитетные и компетентные неоднократно объявляли за послѣднее время, что французская молодежь не заражена скептицизмомъ, что нашъ національный умъ не поддается этой болѣзни, такъ же какъ и пессимизму. Увы! Хотя мы и французы, и галлы, но тѣмъ не менѣе люди, подверженные опасностямъ, которыми грозятъ человѣческой природѣ исключительныя наклонности (tendences). Когда человѣческія способности (facultés) хотятъ подвести подъ одинъ высшій законъ, этимъ не только нарушаютъ всѣ другіе законы,

но и сильно компрометирують тоть, который хотять установить на ихъ развалинахъ. Человѣкъ долженъ жить весь. Чрезмѣрные и ослабляющіе режимы доводять умъ до истощенія, до скептицизма вездѣ и всюду. Дѣло въ томъ, что молодежь мыслящая, старающаяся отдать себѣ отчеть во всемъ происходящемъ и понять свое назначеніе, много страдала въ теченіе долгихъ лѣтъ. Она вдоль и поперекъ извѣдала скептицизмъ и далека еще отъ выздоровленія.

Такое состояніе ума вполнѣ отразилось въ молодой литературѣ. Въ ней мы встрѣчаемся съ умами искалѣченными, не находящими вслѣдствіе этого въ совокупности исторіи и души ничего, кромѣ ничтожества (néant). Эта литература по своему внутреннему содержанію вообще производить впечатлѣніе очень странное (extraordinaire). Вполнѣ естественно, когда молодежь вкладываетъ въ свои произведенія пылкую душу, настолько увѣренную въ себѣ и охваченную энтузіазмомъ, что она пренебрегаетъ внѣшней формой. Мы видимъ совсѣмъ другое: много умѣнья, мало вдохновенія и еще меньше увѣренности. Въ поэзіи на это указываетъ Сюлли Прюдомъ въ своемъ предисловіи къ сборнику стихотвореній, озаглавленному: *Jeunesse pensive* и принадлежащему перу молодого поэта A. Dorchain. Въ этомъ предисловіи онъ говоритъ: «Можетъ быть никогда еще во Франціи не печаталось столько стихотвореній, какъ за эти послѣдніе годы, и въ большинствѣ случаевъ всѣ эти стихотворенія очень хорошо обработаны. Почти всѣ дебютанты поражаютъ насъ своей скороспѣлой опытностью;

имъ знакомы самыя сокровенныя ухищренія стихосложенія; это законченные виртуозы; однимъ словомъ, они знаютъ свое ремесло. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда еще ремесло такъ рѣзко не отличалось отъ настоящаго искусства. Гораздо больше встрѣчается писателей, въ совершенствѣ владѣющихъ формой, чѣмъ вдохновенныхъ поэтовъ».

Всеобъемлющее разочарованіе облечено въ соблазнительную форму. Повсюду передъ нами, въ литературѣ и искусствѣ—все то же печальное (navrant) явленіе. Мы видимъ изящное и тонкое выраженіе чувствъ людей, во всемъ извѣрившихся (revenues de tout). Въ философіи, въ наукѣ и искусствѣ—полная расшатанность принциповъ. Молодое поколѣніе является на сцену, какъ отрядъ добровольцевъ во время продолжительныхъ войнъ, когда настаетъ самый критическій моментъ (quand les affaires sont bien compromises). На всѣхъ дорогахъ, по которымъ оно хочетъ двинуться впередъ, ему попадаются навстрѣчу возвращающіеся люди, побросавшіе оружіе и объявляющіе, что все кончено. Нужно гораздо меньше силы воли, чтобы идти на встрѣчу самой угрожающей неизвѣстности съ надеждой въ сердцѣ, нежели слѣдовать тѣми путями ума, гдѣ на каждомъ шагу попадаются побѣжденные и раненые. Ко всему этому и кругозоръ сталъ ограниченнѣе.

Я лишь мимоходомъ упомяну о диллетантизмѣ, интересующемся всѣмъ и ни на чемъ не останавливающемся. Къ нему нельзя относиться серьезно не вызывая снисходительной ироніи его адептовъ. Тѣмъ не ме-

нѣе, это изысканное и нездоровое направленіе ума имѣло огромное вліяніе на молодежь. Слишкомъ многочисленны были въ наше время эти люди, молодые годами, но преждевременно состарившіеся душою (gagnés par une décadence précoce), которые, ничего не отрицая и ничего не утверждая, ни во что не вѣря и ни въ чемъ не сомнѣваясь, заняли мѣсто у барьера арены, созерцая зрѣлище тщеты человѣческой мысли и расточая самодовольныя улыбки тамъ, гдѣ другіе кладутъ свою душу, свою жизнь, проливаютъ свою кровь.

* * *

Само собою понятно, какое значеніе должно имѣть при подобномъ положеніи вещей опредѣленіе мѣста, занимаемаго религіей. Передъ тѣми, кто въ дѣтствѣ не получилъ религіознаго направленія, открывается полный просторъ. Дѣтскія вѣрованія другихъ разбиваются при первомъ столкновеніи съ отрицаніями науки. У тѣхъ же, въ комъ сохранились слѣды религіознаго воспитанія, это выражается скорѣе въ устойчивости привычекъ и впечатлѣній, чѣмъ въ понятіяхъ. Дѣлясь между чувствомъ (une certaine façon de sentir) и наблюденіями (les procédés) такъ называемой положительной науки, они живутъ одновременно въ двухъ мірахъ. Это *Modus vivendi* между сердцемъ, оставшимся вѣрнымъ воспоминаніямъ, и умомъ, не находящимъ въ нихъ своего отраженія. Въ этомъ отношеніи, во многихъ молодыхъ умахъ происходитъ невѣроятное соединеніе противуположныхъ вещей. Иногда эта разнородная смѣсь

приходитъ въ броженіе и заставляетъ тѣхъ, кто наполнилъ ею свою голову, испытывать глубокія потрясенія и жестокія страданія. А между тѣмъ, въ общемъ можно утвердительно сказать, что вольтеріанскій духъ исчезъ въ наше время. Это ученіе еще поддерживается лишь немногими фанатическими сектантами свободомыслія, да, къ несчастію, находитъ отголоски въ народѣ. Во имя свободомыслія было высказано такое баснословное количество глупостей, что люди, похваляющіеся своей культурностью, боятся теперь, какъ бы ихъ въ немъ не заподозрили. Религія—дѣло важное (un fait capital), индивидуальное и соціальное, а не лицемѣріе (imposture) или болѣзнь. Это уже многіе начинаютъ сознавать. По этому поводу мы укажемъ на новое направленіе въ главѣ: *Предстоящій путь.*

Вполнѣ естественно, что тѣ представители молодого поколѣнія, которые отдаются богословскимъ наукамъ (aux études religieuses) по призванію или преслѣдуя карьеру, занимаютъ въ этомъ отношеніи исключительное положеніе. Мы ограничимся опредѣленіемъ нѣкоторыхъ теченій этого направленія. Одно изъ нихъ недовѣряетъ вообще современной мысли и прикрывается соотвѣтствующими религіозными традиціями; его можно назвать реакціоннымъ. Другое, взбудораженное современными отрицаніями, поворачивать въ ихъ сторону и мало-по-малу теряетъ изъ виду духовную сторону жизни (ler réalités intérieures), отчаивается спасти что либо касающееся преданія и вѣры и впадаетъ въ сомнѣніе. Третье пробиваетъ себѣ путь къ новой увѣ-

ренности, въ которой наслѣдство прошлаго соединяется съ пріобрѣтеніями и потребностями настоящаго. Здѣсь, среди меньшинства, строго относящагося къ самому себѣ, преданнаго истинѣ и справедливости, совершается любопытная эволюція даннаго момента, которая породитъ въ будущемъ религіозную мысль.

Затѣмъ, тутъ, какъ и вездѣ, увы! слишкомъ много людей нерадивыхъ и пассивныхъ, такъ же, какъ и способныхъ и дѣятельныхъ, но идущихъ въ ту сторону, куда ихъ гонитъ вѣтеръ и чужое вліяніе.

III.

Моральная сторона развитія.

Если таково положеніе дѣла съ интеллектуальной стороны развитія, то что же намъ дастъ обзоръ его моральной стороны? Тщетно стараются отдѣлить моральную идею отъ ителлектуальныхъ стремленій. Независимой морали нѣтъ. Въ человѣкѣ нѣтъ ничего независимаго отъ всего человѣческаго. Одно вліяетъ на другое и взаимно обусловливается. Было время, когда вольнодумцы воображали, что они укрѣпили основу нравственности въ пустомъ пространствѣ. Они уничтожали вѣрованія, чтобы укрѣпить нравственность, въ которую они вѣрили и которую обратили въ догматъ. Добро и зло, права человѣка были для нихъ устоями вселенной. Они были и правы, и неправы. Правы—признавая, что нравственный міръ имѣетъ свои вѣчные законы, открытые и подтвержденные совѣстью и все болѣе и болѣе выясняемые человѣчествомъ по пути его медленнаго восхожденія къ свѣту. Неправы—признавая, что совѣсть

можетъ имѣть что нибудь общее съ дѣйствительностью, когда умъ провозгласилъ все ничтожнымъ и тщетнымъ. Если человѣкъ неспособенъ до извѣстной степени познать истину, то онъ неспособенъ и отличить добро отъ зла. Если разумъ и догматы,—которые въ концѣ концовъ представляютъ собою то выраженіе, которымъ умъ хочетъ опредѣлить явленія высшаго порядка,—суть ничто иное, какъ пустая фантасмагорія, если они не заключаютъ въ себѣ подъ діалектической или символической формой частицъ сущаго, то и совѣсть безсильна. Таковъ логическій выводъ. Паденію общихъ идей въ интеллектуальной области прежде всего соотвѣтствовало паденіе принциповъ нравственности. Въ то время, не знавшее, какъ другія времена, выдающихся и талантливыхъ профессоровъ, представлявшихъ собою въ глазахъ молодежи выразителей цѣлой эпохи и придававшихъ университетской каѳедрѣ значеніе руководящаго начала и общаго лозунга, явились внѣ-университетскіе наставники, исполнявшіе эту миссію, но исполнявшіе ее, увы! совсѣмъ иначе. Въ роли такихъ наставниковъ и руководителей явились писатели, по преимуществу романисты, шире всѣхъ усвоившіе реальное міровоззрѣніе и ставшіе посреди насъ апостолами фатализма. Съ большею убѣдительностью, чѣмъ ученые, какъ всѣ, кто пріобрѣтаетъ знаніе изъ вторыхъ рукъ, они воздвигнули цѣлую психологію и цѣлую соціологію на фундаментѣ зачаточныхъ данныхъ нарождавшейся физіологіи. Претендуя на абсолютный позитивизмъ, они все изрѣзали, измѣрили и свѣсили. Изрѣзавъ на ку-

сочки сердце, подобно тому, какъ другіе рѣзали мозгъ и дѣлали съ него фотографическіе снимки, они разобрали его по частямъ, объяснили его механизмъ и наклеили ярлычки на его фибры. Ихъ сочиненія, въ которыхъ они такъ талантливо и съ такой увѣренностью высказывали вещи совсѣмъ невѣроятныя, становились въ свою очередь источниками. Вслѣдъ за вульгаризаторами перваго разбора шли вульгаризаторы второго, третьяго, десятаго разбора, обладавшіе все большей и большей убѣдительностью. Молодежь читала и усвоивала эту литературу, казавшуюся ей послѣднимъ словомъ науки въ примѣненіи ея къ человѣчеству. И до настоящаго времени она, во всей своей массѣ, все еще пропитана этой литературой, не смотря на нѣкоторыя новыя и счастливыя предзнаменованія. Не только свобода, отвѣтственность, добро и зло, въ прежнемъ значеніи этихъ словъ, потеряли свой смыслъ, но и личное участіе человѣка въ собственной судьбѣ считается какъ бы проблематичнымъ. А иные его и вполнѣ отрицаютъ. Часто слышатся бойкія разсужденія на тему о безсознательности, невмѣняемости, наслѣдственности, о преступленіяхъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ аффекта (crimes passionnels), обо всѣхъ такихъ вещахъ, о которыхъ слѣдовало бы говорить крайне осторожно въ виду важности и невыясненности ихъ. Все это вызвало тяжелое нравственное состояніе, опасное въ особенности въ томъ возрастѣ, когда складывается характеръ и опредѣляется нравственный обликъ человѣка. Никто не станетъ отрицать того, что въ человѣкѣ поколеблено чув-

ство отвѣтственности—эта основа его самостоятельныхъ поступковъ.

Однако же, точка зрѣнія откровенно матеріалистической морали осталась позади и нравственныя идеи прошли черезъ фазисъ еще болѣе опасный—диллетантизмъ и скептицизмъ, шедшіе параллельно интеллектуальному воззрѣнію. Мы послѣдовательно подвергались различнымъ уклоненіямъ. Послѣ грубаго, опредѣленнаго и самоувѣреннаго отрицанія насталъ періодъ индиферентизма и сомнѣнія и, наконецъ, періодъ отвлеченнаго вниманія (curiosité détachée). Зачѣмъ мы будемъ отрицать, а не подтверждать? Знаемъ ли мы тутъ хоть что нибудь? Задавать себѣ вопросъ по поводу чего либо: хорошо это или дурно? такъ же тщетно, какъ спрашивать себя: справедливо это или ложно? Умъ высшаго порядка (un esprit supérieur) не обращаетъ вниманія на подобныя пошлости (vulgarités). Онъ присутствуетъ въ качествѣ посторонняго зрителя при моральныхъ явленіяхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, и не судитъ ни себя, ни кого другого, отдаваясь тому неопредѣленному чувству, про которое нельзя сказать утвердительно: представляетъ ли оно собою доброжелательство ко всему вообще или равнодушіе. Нѣкто, обладавшій умомъ, отрѣшившимся отъ пустяковъ, изъ-за которыхъ умирало столько мучениковъ, говорилъ: «Мы должны быть благодарны Евангелію за то, что, изощряя нашу совѣсть, оно помогло намъ познать всю прелесть запрещеннаго плода». Другіе, толкуя о печальныхъ явленіяхъ безнравственности и упадка, говорятъ: «Время становится

интереснымъ и забавнымъ. На каждомъ шагу нашему снисходительному взору представляются удивительныя странности» и т. д. Наша развитая молодежь, сообразно своему возрасту, степени образованія, избираемой карьерѣ, уже болѣе или менѣе пережила намѣченные нами моменты, и теперь, не смотря на непрерывныя видоизмѣненія, которыя указываютъ на эпоху тревоги и исканій, она даетъ намъ представителей всѣхъ направленій ума, черезъ которыя прошли ея любимые авторы.

* * *

Только что разсмотрѣнная нами расшатанность интеллектуальныхъ и моральныхъ основъ повлекла за собою ослабленіе увѣренности въ дѣйствительности окружающихъ насъ явленій (le sens de la réalité) и дѣятельной энергіи (le ralentissement de l'activité).

Займемся сначала первымъ. Быть увѣреннымъ въ дѣйствительности явленій значитъ настоящимъ образомъ видѣть то, что мы видимъ, слышать то, что мы слышимъ, понимать то, что мы понимаемъ, во все вникая, отдавая себѣ во всемъ отчетъ, не сомнѣваясь въ совершившемся фактѣ (croyant que c'est arrivé). — Яснѣе я не могу выразить свою мысль.— Не сомнѣваться въ настоящемъ значеніи факта въ области матеріальнаго, интеллектуальнаго и моральнаго, въ свойствахъ цвѣта, запаха, стакана хорошаго вина, хорошей музыки, хорошаго поступка—

признакъ крѣпкаго здоровья и цѣлостности жизни (de l'intégrité vitale).

Всякое разстройство физическое или моральное ослабляетъ эту основную способность (faculté-mère). Она въ особенности страдаетъ, когда мы начинаемъ вертѣть и перевертывать предметы, анализировать ихъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, во всемъ сомнѣваться, искать несуществующаго, жонглировать нашими мыслями, чувствами и совѣстью. Вполнѣ противоестественно, чтобы умъ или совѣсть человѣка обсуждали предметы съ противуположныхъ сторонъ и не отдавали преимущества которой нибудь изъ нихъ. Подобная игра пагубно дѣйствуетъ на умъ и совѣсть, которые, примѣняясь ко всѣмъ противорѣчіямъ, искажаются и завираются. Человѣку свойственно относиться къ тому, что происходитъ въ немъ самомъ, не какъ къ пустой игрѣ, но какъ къ важному и неизмѣнному процессу, которымъ онъ весь долженъ быть проникнутъ. Иначе онъ уподобляется зеркалу, отражающему лишь внѣшній видъ предметовъ. Онъ утрачиваетъ сознаніе дѣйствительности и здравый смыслъ. Но онъ утрачиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и уваженіе къ вещамъ, представляющее собою прямое слѣдствіе нашего отношенія къ дѣйствительности. Диллетантъ, скептикъ, софистъ утрачиваютъ чувство уваженія. Вѣжливость и любезныя улыбки, съ которыми они относятся къ явленіямъ, представляющимъ для нихъ одно только зрѣлище—ничто иное, какъ извѣстнаго рода презрѣніе. Но тотъ, кто теряетъ уваженіе къ вещамъ, теряетъ его еще въ большей мѣрѣ къ

словамъ, представляющимъ собою ничто иное, какъ отраженіе сущности вещей. Онъ будетъ жонглировать словами, какъ и понятіями. Гдѣ же въ такомъ случаѣ правда? Если слово потеряло значеніе, то чему же вѣрить?

Мы окажемся среди людей, которые находятъ остроумнымъ мѣнять свои слова и понятія, безпрерывно мѣняя свой нравственный обликъ. Изъ міра искусства эта способность скоро перейдетъ въ жизнь. Въ нашемъ обществѣ, старомъ и молодомъ, уже начинаетъ замѣчаться недостатокъ чувства уваженія и правды. Стоитъ бросить взглядъ на прессу, эту плохую фотографію нашего общества, чтобы увидать на тысячѣ примѣровъ, до какихъ злоупотребленій можетъ дойти человѣкъ слова и пера, когда для него,—при полномъ отсутствіи надежныхъ принциповъ, уравновѣшивающихъ сужденія и поступки, — слова становятся лишь тѣнью тѣни. На самомъ дѣлѣ, эти хамелеоны, мѣняющіе по мѣрѣ надобности и желанію свою окраску, называющіе черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ, представляющіе фактъ съ лица и съ изнанки, возбуждая интересъ молодежи, служатъ для нея отвратительнымъ примѣромъ. Имѣть только одну окраску и быть вѣрнымъ своему слову обозначаетъ неизобрѣтательный умъ и становится однообразнымъ. У того, кто умѣетъ жить, натянута не одна тетива на лукѣ и онъ умѣетъ двоиться, троиться и умножаться. Двойственность древнихъ была лишь дѣтской забавой въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаютъ люди, учреждая анонимныя компаніи, на ка-

ждомъ отдѣльномъ представителѣ которыхъ не лежитъ никакой отвѣтственности.

Все это слѣдуетъ одно за другимъ и цѣпляется одно за другое, какъ звенья цѣпи или зубцы колеса. Но мы еще не все сказали. Ослабленіе дѣятельной энергіи является прямымъ слѣдствіемъ извращенія прямого смысла всего сущаго. Когда, пройдя черезъ отрицаніе, неувѣренность, неустойчивость и непослѣдовательность, умственное акробатство достигаетъ высшей степени въ области не существующаго (d'irréel)—идея теряетъ свою силу. Для того, чтобы человѣкъ могъ рѣшиться дѣйствовать, необходимо, чтобы онъ сосредоточилъ свою мысль, олицетворилъ самого себя въ своихъ понятіяхъ. Дѣйствіе несовмѣстимо съ черезчуръ большой подвижностью ума. Мысль, отдающаяся попеременно съ одинаковымъ интересомъ всевозможнымъ впечатлѣніямъ, похожа на поле, которое каждую недѣлю перепахиваютъ и засѣваютъ новыми сѣменами. Тутъ нечего и думать о жатвѣ. Одинъ посѣвъ уничтожаетъ другой. И не только наша воля становится безплодной, но мало-по-малу, мы доходимъ до того, что начинаемъ презирать дѣйствительность и дѣло. Всѣ наши силы уходятъ на это непрерывное линяніе нашего внутренняго «я», на которомъ сосредоточивается все наше вниманіе. Міръ дѣйствительности—грубая среда, гдѣ вращаются ограниченныя существа. «Наиболѣе цѣнныя качества людей дѣла, въ сущности, представляютъ собою ничто иное, какъ извѣстную степень посредственности». Формулируя эту удивительную аксіому, Ренанъ выразилъ мнѣніе мно-

гихъ современниковъ, въ особенности молодыхъ, какъ пользующихся извѣстностью, такъ и ничѣмъ не отличающихся. Этимъ тонкимъ мыслителямъ можно возразить, что, разумѣется, одни будутъ всегда казаться посредственностью въ сравненіи съ другими. Хорошій солдатъ врядъ ли будетъ хорошимъ актеромъ; атлетъ навѣрно будетъ жалкимъ акробатомъ; а среди изувѣченныхъ феноменовъ, называемыхъ людьми-змѣями, Милонъ Кротонскій тоже будетъ казаться посредственностью.

Затѣмъ, воля атрофируется, когда въ нее перестаютъ вѣрить. Достаточно внушить человѣку, что онъ ни на что не способенъ, чтобы онъ почувствовалъ себя дѣйствительно ни на что не способнымъ. Сколько богато одаренныхъ дѣтей притупились и обезличились подъ вліяніемъ воспитателей, постоянно относившихся къ нимъ, какъ къ дуракамъ! Подъ вліяніемъ грубаго обращенія и постояннаго отталкиванія люди начинаютъ сомнѣваться въ самихъ себѣ. Это въ равной мѣрѣ справедливо по отношенію ко всѣмъ человѣческимъ способностямъ. Воля современной молодежи подпадала подъ печальныя и пагубныя вліянія, ослабившія и изнурившія ее. Одною изъ тлетворныхъ причинъ подобнаго явленія было вѣяніе фатализма. Зачѣмъ употреблять усилія, бороться? Личной инициативы не существуетъ. Неумолимый рокъ управляетъ міромъ и душою. Передѣлывать себя, бороться со своими страстями и наклонностями или возставать противъ общественнаго зла—безуміе. Это простительно ограниченнымъ людямъ. Пре-

доставимъ имъ горѣть на кострахъ и распинаться ради другихъ, но не будемъ имъ подражать!—Подобныя идеи— ядъ для молодежи.

Впечатлѣнія этого возраста должны быть живы, здравы, они должны отражаться въ пылкой душѣ, увлеченной идеаломъ, великодушной, готовой ратовать за правду, всецѣло отдающейся дѣлу, что насъ и заставляетъ любить въ молодежи даже ея безразсудства и пересаливанія. Въ этомъ отношеніи многое измѣнилось. Вмѣсто молодыхъ головъ, покрытыхъ шапкой густыхъ волосъ — символъ юношеской эксцентричности, — мы видаемъ теперь слишкомъ много приглаженныхъ причесокъ, служащихъ украшеніемъ черезчуръ разочарованнымъ лбамъ. Лучшіе представители нашей молодежи такъ сдержанны, такъ неувѣрены въ себѣ, что иные находятъ ихъ слишкомъ благоразумными. Конечно, это въ значительной степени зависитъ и отъ обстоятельствъ. Не упоминая даже объ интеллектуальныхъ и моральныхъ проблемахъ, передъ лицомъ которыхъ мы ставимъ молодыхъ людей, у нихъ на рукахъ слишкомъ много крупныхъ дѣлъ, которыми они удручены. Тѣмъ не менѣе, интеллектуальное и моральное развитіе послѣднихъ поколѣній находится въ такомъ состояніи, что парализуетъ всякую дѣятельность. Въ такую эпоху, какъ наша, это вдвойнѣ тяжело. Думая о томъ, что ожидаетъ въ жизни такую молодежь, сколько ей предстоитъ трудовъ и усилій, въ сердцѣ закипаетъ непримиримая ненависть къ этимъ ученіямъ отрицанія (de néant), которыми ее угощали въ теченіе столькихъ лѣтъ. Довольно от-

рицаній, довольно жонглеровъ и скомороховъ! Дайте намъ людей вѣры и дѣла, способныхъ любить и ненавидѣть, прозорливыхъ, сострадательныхъ, сильныхъ, которые не увлекаются тщетными фантазіями и пустымъ звукомъ словъ, которые не разглагольствуютъ, но кладутъ руку на плугъ и проводятъ свою борозду въ жизни.

IV.

Школа жизни.

Не одни моральные и интеллектуальные вопросы занимаютъ наше молодое поколѣніе. Можно даже сказать, что большая часть молодежи совсѣмъ удалена отъ нихъ. Я говорю о простонародной молодежи, которой они не касаются непосредственно, о чемъ мы еще будемъ имѣть случай поговорить. Но даже и среди учащейся молодежи этими вопросами занято меньшинство, озабоченное и удрученное важными задачами времени и въ свою очередь занятое практической стороной жизни. За стѣнами университета открывается великая школа жизни и охватываетъ собою молодежь со всѣхъ сторонъ, какъ морскія волны охватываютъ островъ.

Изслѣдователями и мыслителями, а также и тѣми, кого изслѣдованія пугаютъ или не интересуютъ и которые создаютъ себѣ общую философію изъ случайно подобранныхъ крохъ,—овладѣваетъ положительный міръ (le monde positif), предписывая имъ свои условія и навязывая свои примѣры. Философскія теоріи, системы мо-

рали, религіозныя ученія представляютъ собою одно, а жизнь—другое. Ея уроки дѣйствуютъ сильнѣе всякихъ теорій, какъ въ смыслѣ добра, такъ и зла. Все, что происходитъ въ политикѣ, въ финансовомъ и промышленномъ мірѣ, въ повседневной жизни, въ дружескомъ, товарищескомъ и семейномъ кругу, не можетъ не оказывать вліянія на умы, находящіеся въ періодѣ полнаго развитія, которые въ то же время проникаются духомъ партіи. Молодежь — разсадникъ будущаго. Попытка направить ее въ хорошую сторону будетъ добрымъ дѣломъ. Эту хорошую сторону ратующіе за нее люди понимаютъ каждый по-своему. Во время борьбы они устремляютъ свой взоръ въ будущее и отъ него ждутъ помощи. Изъ этого проистекаетъ столько энергичныхъ и прямолинейныхъ дѣйствій, что они превращаются въ нравственное насиліе. Это вторженіе жизни въ молодые умы въ особенности проявляется въ вопросахъ будущаго. Изо-дня въ-день увеличивается число молодыхъ людей, преслѣдующихъ практическую карьеру, которая постоянно все болѣе и болѣе осложняется. Забота о томъ, чтобы добиться опредѣленнаго положенія, такъ настоятельна, что она подъ конецъ преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ. Это въ маломъ видѣ подготовка къ великой борьбѣ за существованіе, которую на экономической почвѣ мы встрѣчаемъ повсюду. Трудно становится думать о чемъ нибудь другомъ, когда мы попадаемъ въ круговоротъ экономическихъ интересовъ. Но даже и тотъ, кого его постоянныя занятія не ставятъ ежедневно лицомъ къ лицу съ цифрами и экономиче-

скими разсчетами и кто готовитъ себя къ свободной профессіи (carrières liberales), не избавленъ отъ заботъ о завтрашнемъ днѣ. Матеріальная жизнь и всѣ вызываемыя ею потребности и осложненія привлекаютъ къ себѣ ихъ вниманіе и вмѣшиваются въ ихъ представленіе о вещахъ и людяхъ. «Primo vivere deinde philosophari»—одна изъ тѣхъ поговорокъ, къ которымъ современный молодой человѣкъ волей-неволей наиболѣе примѣняется.

Желаніе добиться успѣха есть законное стремленіе каждаго существа занять извѣстное положеніе въ жизни и обезпечить свое существованіе. Здравомыслящій молодой человѣкъ обязанъ объ этомъ позаботиться; если же богатство и ставитъ его иногда выше этихъ заботъ, то все-таки ему приходится объ этомъ похлопотать. Но есть большая разница между желаніемъ добиться результата, подчиненнымъ интересамъ науки и совѣсти, словомъ — высшей цѣли, и тѣмъ же самымъ желаніемъ, становящимся двигателемъ и побудительной причиной всѣхъ поступковъ. Обостренность экономическихъ вопросовъ, реальное направленіе современныхъ умовъ, характеръ образа жизни—нарушили въ умѣ молодежи равновѣсіе между вопросами идеальнаго и матеріальнаго порядка. Для многихъ молодыхъ людей существуетъ лишь одинъ вопросъ: добиться своей цѣли (arriver). Одинъ скромно довольствуется малымъ; другіе жадно хотятъ многаго. Добиться—недостаточно, нужно выдвинуться впередъ, обогнать другихъ, преобладать. Всего этого достигаютъ при помощи когтей и клыковъ, по-

добно дикимъ звѣрямъ, но еще вѣрнѣе и лучше—при помощи утонченныхъ хитростей. Этотъ послѣдній методъ примѣняютъ такъ называемые *молодые дипломаты*.

Болѣе честолюбивые, чѣмъ голодные, они волчьей свирѣпости предпочитаютъ тактику лисицы. Они поняли, что въ нашъ реальный вѣкъ нужно обладать искусствомъ добиваться. И они овладѣли этимъ искусствомъ въ совершенствѣ. Ихъ умъ представляетъ собою арсеналъ, снабженный всевозможнымъ оружіемъ, которымъ они при случаѣ хорошо умѣютъ пользоваться. Всегда соглашаясь съ чужимъ мнѣніемъ, становясь, сообразно обстоятельствамъ, легкомысленными или серьезными, честными людьми или мошенниками, они пользуются слабыми сторонами людей. Жизнь для нихъ—афера или, вѣрнѣе—шахматная доска. Чувства, идеи, интересы, ихъ собственные и чужіе, для нихъ ничто иное, какъ пѣшки, которыя слѣдуетъ не волнуясь переставлять съ мѣста на мѣсто. Увлеченіе вредитъ дѣлу. То, что честные люди считаютъ подлостью, для нихъ лишь дѣло хладнокровнаго разсчета. Однако же, въ другихъ они стараются развить добросовѣстность, въ отсутствіи которой состоитъ вся ихъ собственная сила Эти молодые старики вполнѣ безстрастны; они никогда не смѣются—смѣхъ обнаруживаетъ слабость ума,—но имъ не чуждо чувство жалости и они расточаютъ ее своимъ бѣднымъ товарищамъ, простота которыхъ заставляетъ ихъ добиваться успѣха трудомъ и заслугами. Однако же, при случаѣ, молодой дипломатъ сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, чтобы обогнать своихъ луч-

шихъ сослуживцевъ. Онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ ради того, чтобы выдвинуться впередъ, пріобрѣсти хорошую репутацію, заслужить расположеніе вліятельныхъ дамъ. Онъ умѣетъ незамѣтнымъ образомъ рекламировать себя, что заставляетъ людей провидѣть въ немъ будущаго дѣятеля. Его появленіе объявлено на завтрашній день, какъ объявляютъ въ афишахъ о прибытіи извѣстныхъ гастролирующихъ артистовъ: «Прибытіе X. ожидается!» Конечно, объявляетъ не онъ самъ; онъ удивляется и жалуется на этотъ гулъ извѣстности, оскорбляющій его скромность.

Что же касается любви, то молодой дипломатъ въ нее не вѣритъ. Если онъ когда нибудь и полюбитъ— это будетъ головная любовь. Сердце полно неожиданностей, разстраивающихъ всякіе разсчеты. Оно лишнее.

Этотъ человѣкъ сдѣлаетъ карьеру. Онъ изъ числа тѣхъ, кого начинаютъ называть *очень знающими* людьми (très forts), онъ не остановится ни передъ какой жертвой. Ради своей цѣли онъ пожертвуетъ даже самыми священными интересами... чужими. Успѣхъ вашъ обезпеченъ, молодой человѣкъ. Но... я ему не завидую.

* * *

Займемся теперь многочисленной группой людей, которые кишатъ у порога всевозможныхъ поприщъ и хотятъ просто только пристроиться. Имъ говорятъ: для того, чтобы добиться опредѣленнаго положенія въ жизни, друзья мои, нужно работать, пробивать себѣ дорогу, если придется. И вотъ они работаютъ. Они разбираютъ, что имъ выгодно и что невыгодно. Не надо терять времени:

время — деньги. Для нихъ міръ не вселенная, а программа. Пусть другіе мучительно вопрошають безконечное, имъ это кажется противоестественнымъ; во всемъ, что ихъ интересуетъ, нѣтъ ничего мучительнаго. Ихъ стремленія далеко не свирѣпаго свойства. Они будутъ очень довольны, если всѣ достигнутъ цѣли «ex aequo». Каждому нужно жить. Этотъ утилитарный взглядъ на жизнь изъ области промышленной и коммерческой проникнулъ въ область науки. Жалкій взглядъ, хотя онъ и не обусловливаетъ ничего особенно гадкаго. И я всегда стану на сторону тѣхъ, какъ бы они малочисленны ни были, у кого есть идеалъ. Къ счастью, ихъ гораздо больше, чѣмъ мы думаемъ.

Ну, да! каждому нужно жить. Мы всѣ такъ думаемъ. Въ этомъ вся суть. Мы до такой степени съ этимъ согласны, что требуемъ большаго, чѣмъ вы, потому что ваша жизнь—не жизнь. Развѣ назначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы *избрать себѣ выгодную профессію?* Такимъ образомъ, мы, явившись на свѣтъ надѣленными сердцемъ, умомъ и совѣстью, стали бы изучать математику, исторію, медицину, латынь, богословіе, и я не знаю еще что,—изъ-за чего? Изъ-за средствъ къ существованію! Изъ-за этого-то вы трудитесь надъ алгеброй, надъ химіей, надъ текстами; роетесь въ архивахъ, работаете со скальпелемъ въ рукахъ надъ трупами и разсматриваете подъ микроскопомъ безконечно малыя, сдаете экзамены въ каникулярное время!

Лучше было бы для васъ утонуть, сгорѣть, покоиться вѣчнымъ сномъ въ могилѣ, чѣмъ жить такъ, потому

что такъ жить, право, не стоитъ. Человѣкъ живетъ не однимъ хлѣбомъ. Онъ не только чиновникъ на дѣйствительной службѣ или въ отставкѣ, или вообще работникъ, получающій жалованье. Конечно, онъ и чиновникъ, и работникъ и т. д., и ему даже нѣтъ возможности не работать на какомъ бы то ни было поприщѣ; но для того, чтобы дѣло шло какъ слѣдуетъ, онъ долженъ быть прежде всего человѣкомъ. Горе тому обществу, каждый членъ котораго стремится лишь къ тому, чтобы достигнуть извѣстнаго положенія изъ-за средствъ къ жизни! Подобное общество низводитъ жизнь на ея низшую ступень, развивая алчность и обращая ее въ какой-то пошлый обрядъ. Нужно жить; а для того, чтобы жить, нужно имѣть опредѣленную цѣль, нужно любить и ненавидѣть, словомъ, имѣть идеалъ. Если у васъ не будетъ всего этого въ молодости, вы никогда этого не пріобрѣтете и не будете знать жизни. Вотъ для этого-то и нужно, чтобы надъ заботой о карьерѣ преобладала забота болѣе благороднаго свойства, не только въ сферѣ науки и ума, но и во всѣхъ сферахъ. Вы изучаете философію, исторію, искусство. Прекрасно. Будьте прежде всего человѣкомъ и изъ васъ выйдетъ прекрасный философъ, историкъ, артистъ. Но вы мечтаете сдѣлаться инженеромъ, комерсантомъ, земледѣльцемъ, директоромъ фабрики. Отлично, если только начнете съ того, что будете человѣкомъ. Если же вы этимъ пренебрежете, то вы будете лишь презрѣннымъ рабомъ или угнетателемъ, смотря по обстоятельствамъ. Утилитаризмъ разъѣдаетъ человѣка. Онъ съуживаетъ

нашъ взглядъ на дѣятельную жизнь. Для него не существуетъ ни чувства, ни права, ни благородства, ни красоты, ничего святого, ничего человѣческаго, а однѣ лишь цифры. Что не покупается за деньги и не служитъ для ихъ добыванія, вообще ничего не стоитъ. Это самое опасное заблужденіе, въ какое можетъ впасть человѣкъ или общество, потому что то, что стоитъ больше всего въ человѣческой жизни, не можетъ ни покупаться, ни продаваться. И я смотрю на утилитаризмъ въ средѣ юношества, какъ на бѣдствіе. Эти такъ называемыя честныя намѣренія добрыхъ буржуа, эгоистичныхъ и порядочныхъ, хуже всякаго порока. Да хранитъ насъ Богъ отъ молодежи, не возвышающейся надъ низменными интересами (terre à terre). Прекрасное названіе: «юношество» къ ней не подойдетъ. Развѣ молодость не состоитъ вся изъ пылкихъ порывовъ, побуждающихъ насъ презирать утилитаризмъ? Подпасть подъ вліяніе утилитаризма, значитъ впасть въ старчество и носить на челѣ печать дряхлости. Какъ тяжелѣе быть слѣпымъ отъ рожденія, нежели потомъ ослѣпнуть, потому что въ первомъ случаѣ не остается даже и воспоминанія о свѣтѣ, такъ гораздо ужаснѣе начать съ утилитаризма, чѣмъ кончить имъ, потому что у человѣка, оторваннаго отъ высшихъ интересовъ постепенной лихвою времени, остается по крайней мѣрѣ воспоминаніе о нихъ, тогда какъ у скороспѣлыхъ утилитаристовъ ничего не остается въ памяти. Подобный субъектъ не остановится ни передъ чѣмъ, даже передъ позоромъ, если это ему выгодно.

* * *

Мы напали на вопросъ мало назидательный, но обширный и побуждающій насъ заняться идеаломъ чисто отрицательнаго свойства, къ которому стремится большинство нашихъ современниковъ и который слишкомъ отражается въ молодежи. Я говорю о томъ, что я бы назвалъ *пассивнымъ счастьемъ.*

Исканіе этого счастія есть результатъ уничиженія воли, а также и того благосостоянія, которымъ мы обязаны прогрессу. Цивилизація, расширяя власть человѣка, ослабляетъ его усиліе, пріучаетъ его къ удобствамъ и заставляетъ избѣгать тяжелаго труда. Это, конечно, результатъ противорѣчивый, потому что господство надъ природой досталось человѣку цѣною долгихъ и тяжкихъ усилій. Но эти усилія, употребленныя одними, доставляютъ тѣмъ болѣе спокойствія другимъ. Если справедливо, что наше время трудится больше всякаго другого, то справедливо и то, что оно выработало привеллигированный классъ—становящійся все болѣе и болѣе многочисленнымъ—людей не трудящихся вовсе или трудящихся очень мало.

Практическій реализмъ, понемногу прививавшійся ко всему, сдѣлалъ то, что покой и отсутствіе борьбы стали любимой мечтой большинства людей. Удобная жизнь, не угрожаемая никакими опасностями, жизнь вполнѣ обезпеченнаго человѣка (rentier)—вотъ чего жаждетъ множество людей для себя и своихъ дѣтей! Отсюда произошла цѣлая категорія молодыхъ людей, дорожащихъ своими удобствами *(jeunesse commode)*, изнѣженныхъ, склонныхъ къ сидячей жизни, вялыхъ и лѣнивыхъ,

какъ тѣломъ, такъ и духомъ. Какъ всѣ привыкшіе, чтобы имъ служили, эти молодые люди сами нетерпѣливы и, въ особенности, способны выводить изъ терпѣнія. Только ничего не дѣлающіе люди находятъ, что другіе мало работаютъ. Эти юноши, привыкшіе ко всѣмъ чудесамъ науки и промышленности, не имѣя понятія о томъ, чего они стоили, не умѣютъ болѣе дожидаться. Имъ нужно, чтобы все сію же минуту давалось имъ въ руки. Взамѣнъ юношеской пылкости они проявляютъ нервозность хорошенькой женщины, которую очень трудно удовлетворить. И вотъ, всѣ наши изощренныя способы и средства, привычка принуждать и насиловать природу создали намъ искусственные нравы. Мнѣніе, что деревьямъ нужно время для того, чтобы вырости, кажется инымъ остаткомъ варварскихъ понятій, которыя уничтожитъ прогрессъ. Они бы охотно превратили свою жизнь въ поѣздъ-молнію, лишь бы въ немъ были спальные вагоны и ресторанъ! Такимъ образомъ, въ нашемъ обществѣ происходитъ то же самое явленіе, которое мы часто наблюдаемъ въ семьѣ. У трудолюбивыхъ отцовъ сыновья бываютъ безпечные или даже лѣнтяи. Отцы устали за дѣтей, а дѣти отдыхаютъ за отцовъ — это распредѣленіе труда.

* * *

Мы незамѣтнымъ образомъ подошли къ тому классу молодыхъ людей, которыхъ я назову *безполезными.* Ихъ можно встрѣтить преимущественно среди довольства и роскоши, всегда грозящихъ опасностями. Тѣмъ болѣе

чести тѣмъ, кто избѣгнулъ этихъ опасностей при помощи энергіи и труда. Примѣръ многихъ богатыхъ и трудолюбивыхъ молодыхъ людей успокаиваетъ насъ послѣ печальнаго зрѣлища, представляемаго ихъ товарищами. Но займемся послѣдними: вся ихъ внѣшность, корректная и въ то же время небрежная, показываетъ людей, разочарованныхъ во всемъ (revenus de tout). Выраженіе лица соннаго паши говоритъ вамъ, что міръ существовалъ и существуетъ только для нихъ. Войдемъ въ ихъ комнату и предоставимъ слово Легуве.

«Тутъ негдѣ ни стать, ни сѣсть. Передъ вами лишь кресла съ откидными спинками, качалки, кресла съ подушками, широкіе диваны съ огромными подушками, портьеры, подбитые ватой, камины и ковры, мягкіе какъ овечье руно! А какая уборная! Не попалъ ли я къ какой нибудь княгинѣ изъ квартала Брэда? Тутъ цѣлый магазинъ инструментовъ для ногтей и рукъ, двѣ дюжины флаконовъ съ духами, цѣлая система щетокъ и щеточекъ, самыхъ замысловатыхъ и сложныхъ: вогнутыя внутрь, и выгнутыя наружу, продолговатыя и широкія, жесткія и мягкія! Въ этомъ домѣ простоту вы найдете въ комнатѣ отца, даже дочери, но не здѣсь. Столъ тоже изысканный. Конечно и мы въ старые годы не пренебрегали хорошимъ обѣдомъ, и мы любили распить бутылку вина, но по крайней мѣрѣ мы не особенно разбирали его качество! Теперь молодые люди стали знатоками, разборчивыми, недовольными. Они диллетанты въ любви къ комфорту. Въ чемъ тутъ бѣда?— спросятъ насъ. Бѣда въ томъ, что нельзя работать въ

креслѣ съ откидной спинкой! Бѣда въ томъ, что такимъ образомъ человѣкъ становится рабомъ мягкаго ковра и вкуснаго обѣда! Бѣда въ томъ, что онъ не можетъ предпринять никакого длиннаго путешествія, потому что ему нельзя увезти съ собою всѣ свои парикмехерскія принадлежности! Бѣда, наконецъ, въ томъ, что любимому комфорту приносятъ въ жертву даже совѣсть и что въ вопросахъ брака, профессіи, общественной дѣятельности, т. е. будущности, любви, уваженія, человѣческаго достоинства, а иногда и чести, благосостояніе — этотъ тиранъ — вступаетъ въ борьбу съ самыми настоятельными обязанностями и побѣждаетъ ихъ, потому что его имя сильнѣе даже самой страсти; его зовутъ *привычкой*. Да! привычка, эта блѣдная подруга старости, эта печальная сестра маніи, привычка властвуетъ надъ многими молодыми людьми сильнѣе, чѣмъ любовь. Отсюда проистекаютъ тысячи законныхъ упрековъ отцовъ сыновьямъ, на которые тѣ отвѣчаютъ тысячами опроверженій, подъ-часъ самыхъ горькихъ. Отсюда, наконецъ, проистекаютъ тысячи безконечныхъ споровъ у домашняго очага изъ-за денежнаго вопроса!»

И такъ какъ приведенная цитата наводитъ насъ на этотъ вопросъ, то отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ одинъ изъ важныхъ параграфовъ школьнаго устава жизни: необходимость для юношества знанія цѣны деньгамъ. Несчастіе въ томъ, что родительское состояніе, въ особенности быстро нажитое или наслѣдственное и независимое отъ самостоятельнаго труда, отнимаетъ у дѣтей уваженіе къ деньгамъ. Относиться съ уваженіемъ

къ деньгамъ, даже тогда, когда ихъ много, никогда не тратитъ ихъ зря—качество не совсѣмъ обыкновенное. Это очень сложное общественное качество, потому что оно выражаетъ не только совѣсть и тактъ, короче говоря, чувство того, что *обладаніе*—общественная служба, но оно требуетъ еще и опытности. Однимъ словомъ, для того, чтобы обладать этимъ качествомъ, нужно знать, какъ трудно достаются деньги. Тотъ, кто этого не знаетъ — презираетъ ихъ, а если и придаетъ имъ какую нибудь цѣну, то лишь ради того удовольствія, которое можно на нихъ купить. Я настаиваю на этомъ пунктѣ въ интересахъ высшей морали, а не ради того, чтобы—чего Боже сохрани!—послужить эгоизму нѣкоторыхъ родителей, которые видятъ все зло въ тратѣ денегъ, а благо—въ бережливости и которые измѣряютъ нравственность своихъ дѣтей ихъ скупостью. Порокъ стоитъ дорого, поэтому его надо искоренять; добродѣтель дешева и ее нужно развивать. И такимъ образомъ развиваютъ только одну скупость, самый гнусный изъ всѣхъ пороковъ. Но возвратимся къ безполезнымъ! Совсѣмъ не надо принадлежать къ привиллегированному классу, чтобы имѣть задатки безполезнаго человѣка.

Эта праздная жизнь лѣниваго короля, повидимому, имѣетъ въ себѣ столько привлекательнаго, что иные, не имѣя возможности вести ее въ роскоши, ведутъ ее при среднемъ достаткѣ и даже въ нищетѣ. И вотъ чего нужно этимъ паразитамъ: они хотятъ лежать на поверхности волнъ житейскаго моря, какъ кусокъ дерева

лежить на водѣ, плыть по волѣ этихъ волнъ, выдвигаться впередъ, отставать, подниматься, опускаться—глядя по обстоятельствамъ. Лишь бы только все это продѣлывалось само собою! Посреди противуположныхъ общественныхъ настроеній, посреди чужихъ трудовъ, занятій, страданій сохранять спокойное равнодушіе, будучи сытымъ, одѣтымъ, забавляемымъ, и еще вдобавокъ, неблагодарнымъ; руководствоваться: сегодня разсчетомъ, завтра—страстью, гнѣвомъ, ненавистью, страхомъ, а послѣзавтра—сладострастіемъ и грубыми влеченіями; а иногда, въ видѣ пріятнаго разнообразія, наслаждаться прелестью добродѣтели до тѣхъ поръ, пока попутный вѣтеръ не занесетъ ихъ на какую нибудь высоту, откуда они сваливаются въ какое нибудь болото—это ли не жизнь! Когда вы обращаетесь къ такому празднолюбцу съ увѣщаніемъ измѣнить образъ жизни, вы должны быть готовы къ тому, что онъ отнесется къ вамъ съ большимъ сожалѣніемъ. Лучшее, чего можно ожидать отъ него въ добрую минуту, это, что онъ вамъ отвѣтитъ: Что дѣлать! я такъ созданъ. Я тутъ не причемъ!—Возможно, что онъ, считая васъ достойнымъ этого, отвѣтитъ вамъ словами Монтеня: «Я ничего не порчу, я пользуюсь своимъ, а если я хочу быть дуракомъ, то никому до этого нѣтъ дѣла, потому что моя глупость не распространяется на другихъ и не имѣетъ послѣдствій». Если же вы подойдете къ нему въ недобрый часъ, то берегитесь: онъ страшно разсвирѣпѣетъ, какъ звѣрь, которому помѣшали отдыхать или предаваться чувственному наслажденію. Ему помѣшали! Развѣ онъ

можетъ это простить? Очень нехорошо мѣшать людямъ, которые, не желая никому вредить, увлекаются незамѣтнымъ образомъ въ сторону наклонной плоскости.— Но мнѣ кажется, что я слишкомъ много кладу труда на тѣхъ, которые сами такъ мало трудятся.

* * *

А между тѣмъ, мнѣ хочется предостеречь многихъ, которые, не будучи безполезными, увлекаются *легкостью жизни*. Тутъ тоже есть свои крючки, на которые попадаются и сорваться съ которыхъ бываетъ очень трудно. Изнѣженный образъ жизни порождаетъ трусость, а трусость порождаетъ ложь и двоедушіе. Приходится прибѣгать къ хитростямъ и сворачивать съ прямой дороги. Самый прозорливый человѣкъ гибнетъ ступивъ на этотъ путь.

Главнымъ образомъ тутъ слѣдуетъ упомянуть о *страсти къ игрѣ*, какъ о самой печальной ловушкѣ, въ которую такъ легко попадаются молодые люди. Современная молодежь слишкомъ предается игрѣ. Это одна изъ болѣзней вѣка, одинъ изъ видовъ лихорадки. Держатъ пари на скачкахъ, играютъ между собою на большія и малыя ставки во всѣхъ слояхъ общества. Увеличить свое состояніе или сумму выигрыша благодаря счастливому случаю или даже, въ исключительныхъ обстоятельствахъ, требовать отъ этого случая, чтобы онъ помогъ вамъ жить не трудясь, вотъ цѣль, которую многіе преслѣдуютъ. Сколько людей засыпаютъ, произнося

6*

имя лошади, за которую они держать пари! Менѣе заслуживающая осужденія, чѣмъ пьянство или развратъ, игра утонченнѣе въ своей безнравственности. Она — частица цѣлой совокупности явленій и можетъ быть разсматриваема, какъ симптомъ глубокаго психическаго разстройства. Игрокъ теряетъ подъ собою почву дѣйствительности. Простая связь причинъ отъ него ускользаетъ. Онъ отдаетъ себя на произволъ случайности. Онъ думаетъ, что по мановенію волшебнаго жезла долженъ преобразиться весь міръ. Зачѣмъ же онъ станетъ работать? Счастье само дастся въ руки. А пока, онъ занимаетъ или беретъ. Игра кружитъ голову и дѣлаетъ возможными такіе поступки, на которые человѣкъ раньше не былъ способенъ. Его подхватываетъ и уноситъ теченіе. Развѣ мы не въ правѣ предостеречь его отъ гибели?

Я долженъ прибавить еще, что игра упраздняетъ разговоры, въ которыхъ столько прелести и пользы для молодежи. Она васъ морочитъ, заставляя исчезать вокругъ васъ людей и вещи.

Въ одной изъ прелестнѣйшихъ мѣстностей Швейцаріи, гдѣ всегда жалѣешь, что не можешь подольше остаться, я встрѣтилъ двухъ молодыхъ туристовъ. Они были на полпути одного изъ интереснѣйшихъ восхожденій и, казалось, отдыхали. Издали мнѣ показалось страннымъ, что они сидятъ спиною къ открывавшемуся виду. Подойдя ближе, я понялъ въ чемъ дѣло: *они играли въ карты.* Четыре часа спустя, когда я уже возвращался обратно, я нашелъ ихъ на томъ же мѣстѣ

продолжающими свою игру. Когда стало темно, они пошли въ гостиницу кончать свою партію.

* * *

Есть еще одинъ важный вопросъ, и хотя онъ важенъ для всѣхъ, но имѣетъ гораздо больше значенія для юношества, чѣмъ для людей другихъ возрастовъ. Я говорю о любви. По ея проявленіямъ можно судить о состояніи цѣлаго общества, объ его вѣрномъ или ошибочномъ взглядѣ на жизнь. *Скажите мнѣ, какъ вы любите, и я скажу вамъ, кто вы.* Оцѣнка извѣстной эпохи зависитъ отъ степени уваженія, съ которымъ въ теченіе ея люди относятся къ любви. Судить о достоинствѣ мужчины слѣдуетъ не по его религіозному, интеллектуальному или моральному credo, а по степени уваженія, съ которымъ онъ относится къ женщинѣ. Когда человѣкъ перестаетъ вѣрить и надѣяться — онъ обезцѣниваетъ жизнь. Если онъ цѣпляется за эту жизнь, какъ за единственную вещь, изъ которой можно быстро извлечь пользу, онъ этимъ самымъ уменьшаетъ ея значеніе и его узкое міровоззрѣніе, отсутствіе идеала, истинной поэзіи, энергіи — все это отражается въ его любви и краснорѣчиво говоритъ само за себя на дѣлѣ. Несомнѣнно, что любовь безсмертна и всегда будетъ возрождаться изъ своего собственнаго пепла. Какъ бы ее ни втаптывали въ грязь, придетъ моментъ, и она возродится прекраснѣе и моложе, чѣмъ когда либо. Но вѣрно и то, что индивидуально мы можемъ ее помрачить въ себѣ. Но какъ мы относимся къ любви? Какъ

любитъ наша молодежь? Какъ она разсуждаетъ о любви? Какъ она воспѣваетъ ее?

Увы! На этотъ счетъ наша молодежь очень сдержанна. Это наше больное мѣсто. Здѣсь проявляется недовѣріе, скептицизмъ, внутреннее разрушеніе. Нерѣдко наши юноши толкуютъ о любви, какъ вполнѣ разочарованные люди. Можно подумать, что любовь исчезла вмѣстѣ съ остатками старины и что мы явились на свѣтъ слишкомъ поздно для того, чтобы испытывать ее.

Общимъ правиломъ является недостатокъ уваженія къ женщинѣ, скажу даже, культа женщины, который составляетъ признакъ цѣлостности жизни (de l'intégrité vitale). Конечно, теперь не смотрятъ на женщину, какъ на существо нечистое, зловредное, общенія съ которымъ слѣдуетъ избѣгать всѣми способами, какъ это бывало въ аскетическія эпохи. Напротивъ, ее находятъ желанной, но вмѣстѣ съ тѣмъ своенравной и, въ концѣ концовъ, стѣснительной. Она является орудіемъ наслажденія, при непремѣнномъ условіи: не связывать съ нею своей судьбы и не находиться постоянно въ ея обществѣ. Брачныя узы съ успѣхомъ замѣнены свободной любовью. Словомъ, то, что теперь называютъ любовью, такъ же похоже на настоящую любовь, какъ созвѣздіе Большой Медвѣдицы похоже на четвероногое, отъ котораго оно заимствовало свое названіе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ настоящая любовь и приняты всѣ мѣры для того, чтобы не погубить ее—она чаще всего скрывается. Теперь большая

рѣдкость, чтобы юноши сочиняли пѣсни любви и еще рѣже этого рода пѣсни поются въ обществѣ.

Не слышно также и старинныхъ народныхъ пѣсенъ любви. Вмѣсто нихъ до пресыщенія наслаждаются пѣніемъ пошлыхъ куплетовъ, въ которыхъ воспѣвается любовь низменнаго свойства. Венера Уранія менѣе воспѣта, чѣмъ ея современныя жрицы. Я не могу не высказать того, что думаю о нынѣшнихъ шансонеткахъ. Но это не относится ни къ какому въ отдѣльности взятому автору. Я говорю о самомъ родѣ этой поэзіи, о той средѣ, гдѣ она процвѣтаетъ, о тѣхъ, кто безъ умолку распѣваетъ шансонетки, такъ что кажется будто кромѣ нихъ на свѣтѣ ничего не существуетъ.

Шансонетки, воспѣвающія любовь, отзываются какимъ-то старческимъ развратомъ (libertinage sénil). Въ нихъ слышится упадокъ, испорченность, и когда эта одна нота неизмѣнно звучитъ во всѣхъ шансонеткахъ и эхо повторяетъ ее на всѣхъ перекресткахъ, она страшно надоѣдаетъ. Я вовсе не задаюсь мыслью упрекать этотъ родъ литературы въ безнравственности. Это не входитъ въ мои намѣренія. Иные скажутъ, можетъ быть, что я желчный ненавистникъ веселья, замкнутый въ самомъ себѣ философъ и возьмутъ на себя прекрасную роль защитниковъ веселья въ интересахъ молодежи. Но вѣдь и я отстаиваю и провозглашаю права веселья. Лишь бы въ веселомъ собраніи нашлось мѣсто человѣку, уважающему себя, и я никому не позволю веселѣе меня пропѣть: *Gaudeamus igitur!* А когда дѣло дойдетъ до знаменитаго куплета: *pereat,* гдѣ шумъ ве-

селья доходитъ до размѣровъ, угрожающихъ спокойствію сосѣдей, я буду орать во все горло: *pereat diabolus... atque irrisores!* и буду въ этотъ моментъ вспоминать обо всемъ, что убиваетъ радость, о томъ губительномъ весельи, которое уничтожаетъ своимъ пламенемъ все, что должно оставаться неприкосновенной святыней, наконецъ, о томъ духѣ глумленія, который слишкомъ часто составляетъ всю прелесть шансонетки! Нѣтъ, вы сами на себя клевещете. Ваше сердце гораздо лучше. Не можетъ быть, чтобы въ немъ не было того, что отсутствуетъ въ шансонеткѣ—поэзіи, непосредственности, свѣжести, молодости.

Но я спѣшу сказать, что въ большинствѣ случаевъ молодежь вовсе неповинна въ ходѣ вещей, который истина заставляетъ насъ обрисовать такими мрачными красками. Все было пущено въ ходъ для того, чтобы достигнуть такихъ результатовъ. Современное общество тутъ во многомъ виновато. Какимъ именемъ обозвать ту легкость, съ которой у насъ,—какъ въ обществѣ, такъ и въ домашнемъ кругу—относятся къ любви, къ цѣломудрію, къ браку, въ особенности въ разговорахъ съ молодыми людьми? Должно быть ихъ уши спеціально созданы для выслушиванія двусмысленныхъ анекдотовъ и остротъ. Имъ давались самые пагубные совѣты относительно всего, что касается уваженія къ женщинѣ, чувства собственнаго достоинства, какъ будто вся мудрость вѣковъ по этому вопросу, пріобрѣтенная такой дорогой цѣной, выражающаяся въ двухъ-трехъ правилахъ, которыхъ нельзя безнаказанно нарушить—ничто

иное, какъ пустыя бредни. И результаты этихъ совѣтовъ даютъ себя чувствовать. Въ дѣлѣ любви наша молодежь мучительно страдаетъ. Ея предшественники оставляютъ ей пагубное наслѣдство, заключающееся въ современныхъ нравахъ, понятіяхъ, литературѣ. Послѣдняя въ особенности дошла до разнузданной наглости, пройдя по всѣмъ ступенямъ нравственной распущенности. Подъ личиной искусства и пластики «самое грубое сладострастіе проникаетъ въ книги, предназначенныя для юношества» *). Но и книгъ мало. Летучіе листки берутъ надъ ними верхъ и подстрекаютъ любопытство. Можетъ ли юношество, подвергающееся подобнымъ вліяніямъ, избѣгнуть опасности? Уже школьникъ оскверненъ. Въ томъ возрастѣ, когда начинаетъ пробуждаться чувственность, уже ему не нужно бываетъ доставать скабрезныя книжки, онѣ заранѣе къ услугамъ даже тѣхъ, кто за ними вовсе не гонится. Что же ожидаетъ насъ послѣ всего этого въ будущемъ? Не пора ли возстать на защиту ребенка, семьи, любви, юношества источниковъ жизни и протянуть руку мужественной лигѣ, заботящейся объ оздоровленіи общественной нравственности, которая, послѣ долгаго проповѣдыванія въ пустынѣ, начинаетъ убѣждать въ своей пользѣ даже наименѣе прозорливыхъ.

* * *

---

*) Jules Lemaitre, Debats, 16 mars 1891.

Все нами высказанное имѣло цѣлью указать, какимъ образомъ примѣръ и нравы окружающей среды дѣйствуютъ на поведеніе юношества въ смыслѣ его практическаго направленія и имѣютъ на него столько же, а иногда и больше вліянія, чѣмъ учебное заведеніе. Однако же, мы взглянули на дѣло только съ отрицательной стороны. Но у него есть и положительная сторона. Молодежь, заключенная въ священной обители музъ, могла бы отрѣшиться отъ жизни, предаваясь спокойному созерцанію и изученію. Нужно, чтобы до нея доносилось эхо жизни, чтобы до нея доносился сильный голосъ человѣчества, борющагося и страдающаго. Практическая жизнь — лучшій противовѣсъ теоріи. Если она полна опасностей, пагубныхъ увлеченій, соблазновъ, за то она также и сурово-поучительна и способна предостеречь отъ опасностей. Ктому же у жизни есть то преимущество надъ книжными теоріями, что съ нею нельзя такъ мудрить и такъ коверкать ее. Она стоитъ на-стражѣ. Жизнь не мимолетное воплощеніе какой нибудь фантазіи или разсчета, она не кое-что, но сама дѣйствительность. Она скрежещетъ зубами, стонетъ, кричитъ, поетъ, она — кровь, слезы и радость, и надо полагать, что тотъ, передъ кѣмъ она стоитъ, не забываетъ о ней.

Эта истина, можетъ быть, никогда сильнѣе не подтверждалась, какъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ. Всѣмъ извѣстно современное состояніе нашей литературы и внутренней политики. Еще немного, и эта послѣдняя своими прискорбными крайностями повліяетъ на патріотизмъ такъ, какъ первая уже повліяла на принципы

жизни и мышленія. Духъ партіи такъ же губителенъ для интересовъ отечества, какъ чрезмѣрный анализъ — для нравственной и умственной жизненности (vitalité).

Большая опасность этой борьбы между соотечественниками, этого духа клеветы и поношенія, отравляющаго нашу общественную жизнь, состоитъ въ томъ, что онъ порождаетъ молодое поколѣніе, скептически относящееся къ патріотизму. Откуда же это проистекаетъ? Виною этому отвратительныя зрѣлища, которыя отталкиваютъ вмѣсто того, чтобы привлекать, и послѣдовательныя безумства многихъ предшествовавшихъ лѣтъ, наводящія молодыхъ людей на размышленія. Зло, дошедшее до извѣстныхъ предѣловъ, встряхиваетъ наиболѣе сдержанныхъ людей и заставляетъ ихъ выйти изъ равнодушнаго состоянія. Печальнымъ примѣромъ этому можетъ служить дерзкое предпріятіе буланжистовъ, поднявшее на ноги всю школьную молодежь. Но такъ какъ жизнь сама исправляетъ свои ошибки, то хотя политиканы и занимаютъ въ ней такое большое мѣсто и заявляютъ такъ шумно о своемъ существованіи, но въ то же время въ ней есть и кое-что другое—великая, безмолвная національная работа. Рядомъ съ тѣмъ, что наполняетъ газеты и что раздуваютъ и объявляютъ во всеуслышаніе вредные органы печати, существуютъ плодотворныя занятія, о которыхъ мало слышно, но которыя краснорѣчиво говорятъ сами за себя.

Сыны Франціи, на глазахъ которыхъ ихъ отчизна въ теченіе двадцати лѣтъ медленно оправлялась отъ пораженія, неустанно работая и употребляя всѣ усилія, не

могли не увидать на самихъ себѣ результатовъ этой работы. Нѣтъ прекраснѣе зрѣлища, какъ то, которое представляетъ жизнь въ борьбѣ со своими врагами. Самое маленькое существо, вознаграждающее ея потери и поддерживающее ея духъ, заслуживаетъ вниманія. Муравьи, вновь созидающіе свое жилище, разрушенное ногами прохожаго, даже дерево, разбитое грозой и пускающее новые отпрыски, трогаютъ насъ и возбуждаютъ нашу симпатію. Тѣмъ болѣе заслуживаютъ нашего вниманія: человѣкъ, поднимающійся на ноги послѣ пораженія, народъ, залечивающій свои раны, государство, возстанавливающее свои доходы, свою армію, свои школы, свою торговлю и промышленность. Въ то время, какъ отрицанія матеріалистической науки и теоріи, проповѣдуемыя литературой, представляли намъ человѣческую волю безсильной, цѣлый народъ своей работой доказывалъ намъ, что всѣ эти вредныя теоріи ложны. Въ то время, какъ политическіе дѣятели своей безплодной борьбой дискредитировали даже свободу, демократическая Франція непреложно доказывала всѣмъ этимъ нарождающимся учрежденіямъ и самому духу времени, что она терпѣливо идетъ по пути возрожденія. Молодежь обладаетъ великодушнымъ сердцемъ; она не могла остаться равнодушной къ засвидѣтельствованному факту. На нее повѣяло изъ нѣдръ національной жизни чистымъ воздухомъ, разогнавшимъ много теоретическихъ міазмовъ и болѣзней, привитыхъ намъ литературой.

* * *

Наконецъ, благодаря своему участію въ національной оборонѣ, наша молодежь еще ближе столкнулась съ жизнью. Я считаю военное ремесло очень полезнымъ и приносящимъ молодымъ людямъ много хорошаго по тысячѣ причинъ. Тѣмъ болѣе, что въ этой великой школѣ научаются вещамъ, ставшимъ большою рѣдкостью. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить повиновеніе, столь необходимое для демократіи, потому что безъ него нѣтъ свободы.

Второе мѣсто занимаетъ равенство, о которомъ такъ много говорятъ, но которое такъ трудно установить въ жизни. Затѣмъ: *усиліе,* усиліе воли, физическое усиліе. Испытать нужду—прекрасное средство противъ изнѣженныхъ наклонностей. Артельный котелъ, ранецъ за плечами, длинные переходы — это цѣлая философія. Если вы мнѣ не вѣрите — посмотрите на возвращающихся со службы: какой быстрый взоръ, какой загаръ на лицѣ, какой сонъ и апетитъ! Въ военную школу слѣдуетъ посылать всѣхъ скептиковъ и диллетантовъ, всѣхъ безполезныхъ. Она откроетъ имъ до тѣхъ поръ невѣдомые горизонты. Не буду теперь распространяться по этому предмету, потому что я еще вернусь къ нему. Долой милитаризмъ и да здравствуетъ солдатъ! Настоящій солдатъ — лучшій представитель человѣчества. И тотъ, кому что-нибудь дорого на свѣтѣ, долженъ быть волей-неволей солдатомъ. Онъ долженъ имѣть сердце въ груди и оружіе въ рукахъ.

Здѣсь я упомяну лишь вскользь о соціальныхъ вопросахъ, начинающихъ оказывать благодѣтельное влія-

ніе на любознательное молодое поколѣніе, потому что займусь ими впослѣдствіи. Только въ сферѣ этихъ вопросовъ молодые люди найдутъ полезный отдыхъ, суровые уроки, могущіе образумить утилитаристовъ, людей слабохарактерныхъ или клонящихся въ сторону спекуляцій.

***

Такъ жизнь, съ ея нуждами, хорошими и дурными примѣрами, вліяетъ на молодежь, попеременно разслабляя и укрѣпляя ее. И то, что справедливо по отношенію ко всему обширному мірозданію, справедливо и относительно микрокосма, называемаго семьею. Тутъ тоже мы встрѣчаемъ отыскивающихъ дорогу и сидящихъ на школьной скамьѣ. Но сколько ранъ, тяжкихъ поврежденій, неувѣренности въ этомъ тѣсномъ кругу, гдѣ находитъ себѣ откликъ громкій голосъ внѣшней жизни и какъ отражаются здѣсь индивидуальныя наклонности, пробуждаемыя этимъ голосомъ! Семья страдаетъ и ея страданія отражаются на дѣтяхъ. Искусственная жизнь, отсутствіе авторитета съ одной стороны и уваженія—съ другой, натянутыя отношенія между мужчиной и женщиной, которые смотрятъ въ разныя стороны, ослабленіе брачныхъ узъ, распущенность домашнихъ нравовъ, вторженіе общественной и даже уличной жизни въ воспитаніе! Добро, конечно, остается тутъ же, но зло такъ велико и такъ властно! Сколько мукъ испытываетъ юношество, въ своемъ незнаніи жизни, при отсутствіи надежныхъ руководителей, поставленное въ

необходимость отыскивать себѣ фарватеръ между подводными камнями! Не мудрено, что оно такъ часто ошибается. Виною этому служитъ преимущественно среда и намъ предстоитъ нелегкая задача преобразовать ее настолько, чтобы она стала для новыхъ пришельцевъ тѣмъ, что можно выразить слѣдующимъ латинскимъ изреченіемъ: *maxima debetur puero reverentia.*

V.

Панургово стадо.

Во всякомъ дѣлѣ, людей, на которыхъ оно опирается, окружаетъ толпа такихъ, которые безсознательно поворачиваютъ въ ту сторону, куда ихъ увлекаетъ то или другое теченіе или случай. Духъ подражательности и ила инерціи—великіе факторы въ мірѣ, а особенно въ средѣ молодежи. «Въ каждомъ поколѣніи есть вялый элементъ и большинство всегда и вездѣ представляетъ собою стадо» *). Это стремленіе идти проторенными тропами въ наше время скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось. Въ числѣ другихъ грубыхъ заблужденій, которыя громоздятся въ нашемъ мозгу и которыя мы выдаемъ другъ другу за несомнѣнныя истины, есть и то, что будто бы прошлое отличалось косностью, строгостью, бѣдностью формъ, отсутствіемъ критическаго анализа, однообразіемъ мышленія и нравовъ, мы же,

*) Lavisse: *La génération de 1890.* Bulletin de l'association générale des Etudiants. Mai 1890.

напротивъ, олицетворяемъ собою разнообразіе, движеніе, любознательность. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе подобнаго взгляда. Предшествовавшія эпохи, отличавшіяся, по нашему мнѣнію, такой незыблемостью, обладали тѣмъ не менѣе, внутри своихъ неизмѣнныхъ рамокъ, поразительнымъ богатствомъ формъ, обычаевъ, привычекъ и мѣстныхъ проявленій самобытности. Въ ихъ однообразіи было разнообразіе. У насъ же наоборотъ: чѣмъ больше перемѣнъ, тѣмъ онѣ однообразнѣе. Ни въ какую историческую эпоху мода не играла такой роли, какъ теперь. Тысячи формъ, въ которыя выливается жизнь, быстро смѣняютъ одна другую передъ нашими глазами и толпа усваиваетъ ихъ безъ разбора.

Способность къ стадному увлеченію составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ нашего пресыщеннаго и извѣрившагося вѣка. Теченіе возникаетъ самопроизвольно, растетъ, распространяется и увлекаетъ за собою податливыя массы. Никто такъ не податливъ на приманку, какъ люди во всемъ искусившіеся. Ихъ безпрестанно подавляемая потребность во что нибудь вѣрить, безъ всякой видимой причины, по простому капризу случайности, переносится съ одного предмета на другой.

Въ нашемъ вѣкѣ, столь богатомъ изобрѣтеніями, все клонится къ однообразію. Наука дала намъ возможность безконечно видоизмѣнять уже найденныя формы, уменьшая тѣмъ самымъ ихъ значеніе. Манія все опошлять унизила искусство. Только что появится какой нибудь шедевръ, какъ его воспроизведутъ въ миріадахъ экзем-

пляровъ и выставятъ напоказъ во столькихъ мѣстахъ, что онъ надоѣстъ до тошноты. Оперныя аріи разыгрываются шарманками и всѣ ихъ напѣваютъ или насвистываютъ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ очередь какой нибудь другой мелодіи. И такъ вездѣ и всюду, какъ въ искусствѣ, такъ и въ общественной жизни.

Большой городъ, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ орудія и средства современной цивилизаціи, наводняетъ страну своими произведеніями и повсюду затѣваетъ неравную борьбу съ мѣстными производствами. Въ нашемъ стремленіи къ централизаціи мы уничтожили не только все, что было дурного и узкаго въ партикуляризмѣ, ни и его силу и крѣпость. Тяжелый гнетъ индустріализма, бюрократіи и моды придавилъ міръ и уничтожилъ въ немъ оригинальность. Все это выровняло жизнь и людей. Мѣстные обычаи, костюмы, пѣсни и обороты рѣчи исчезаютъ. Куда бы вы теперь ни поѣхали, вы всюду увидите полотно желѣзной дороги, желѣзнодорожныя станціи, гостинницы, театры, ничѣмъ не отличающіеся другъ отъ друга. Истощенная и опустошенная провинція, не надѣющаяся на свои силы, бѣднѣетъ и глохнетъ.

Многое можно было бы сказать по этому поводу, но я ограничусь слѣдующимъ: есть ли мѣсто оригинальности, самостоятельному характеру, стремленію пробить себѣ дорогу въ жизни, организованной подобно нашей? Какъ же вы хотите, чтобы при такихъ условіяхъ молодежь имѣла свою собственную физіономію? Замѣтьте, что не быть такимъ, какъ всѣ, считается чуть ли не

ересью. Боязнь чѣмъ нибудь выдѣлиться изъ однородной толпы замѣчается даже и въ одеждѣ. Никто такъ рабски не повинуется модѣ, какъ нѣкоторые молодые люди. У нихъ у всѣхъ одинаковыя шляпы, одинаковымъ узломъ завязанные галстуки, одинаковый покрой платья и т. д. Передъ вами проходятъ не отдѣльные люди, но экземпляры, дюжинами, гроссами, какъ выражаются фабриканты. И дѣйствительно это производитъ впечатлѣніе поддѣльной фабрикаціи, когда вы видите, какъ передъ вами проходитъ такое количество одинаковыхъ существъ. Этотъ монокль, эта трость, эти жесты, эти стереотипные разговоры напоминаютъ автоматовъ. Насъ нисколько не удивитъ, если мы увидимъ на нихъ ярлычокъ съ надписью: Grévin fecit *).

Нравы сообразуются съ манерой одѣваться, а идеи сообразуются съ нравами. Постепенно образуется колея и углубляется все больше и больше. Толпы идутъ по этой колеѣ однѣ вслѣдъ за другими. Мысль объединяется. Стадному началу отдается преимущество передъ всѣми остальными. Попробуйте выбить этихъ людей изъ этой колеи, и они будутъ какъ рыба на сухомъ берегу или курица, брошенная въ воду. Они потеряютъ путеводную нить и не будутъ знать, что сказать. Для нихъ имѣетъ значеніе только то, что они видѣли, слышали или испытали всей массой. «Тамъ было скучно: почти никого не было; тамъ было очень весело: была

---

*) Grévin—скульпторъ, основатель музея восковыхъ фигуръ въ Парижѣ. Прим. переводч.

7*

страшная толкотня, просто давили другъ друга!» Все это грозитъ опасностью въ будущемъ. На помощь тутъ могла бы прійти школа. Гдѣ же, какъ не въ школѣ должна вырабатываться самостоятельность? Но и на школѣ отразилось общее направленіе.

«Мы не достигаемъ результатовъ, можетъ быть, вслѣдствіе чрезмѣрно однообразныхъ пріемовъ воспитанія. Мы увеличили число школъ, ввели во всѣхъ нихъ одинаковую дисциплину, минута въ минуту распредѣлили время занятій, составили программы занятій подогнавъ параграфъ къ параграфу и все больше и больше расширяемъ ихъ объемъ. Такимъ образомъ никто не ускользнетъ отъ нашихъ правилъ, ни для кого не будетъ сдѣлано исключенія. На всѣхъ дорогахъ умственнаго развитія мы учредили экзамены, которые преграждаютъ путь всякой самостоятельности (aux indépendants). Наша свобода преподаванія не имѣетъ ничего общаго съ свободой умственнаго развитія (de l'intelligence). Она зависитъ отъ произвола учителя и духовнаго или свѣтскаго характера учебнаго заведенія.

«Конфискація умовъ школой—знаменіе нашего вѣка. Школа—дѣло нашихъ рукъ и мы имѣемъ право имъ гордиться. Но будемъ осторожны! Школьная культура,—какъ мы ее теперь понимаемъ,—опасна. Ея энциклопедическія претензіи обманчивы: она хочетъ быть универсальной, а становится, именно вслѣдствіе этого, ограничительной. Ученикъ, который долженъ учиться всему, немногому научается; пресыщенный умъ теряетъ апе-

титъ, однообразіе абсолютныхъ правилъ душитъ всякую самобытность»*).

Чтобы стать кѣмъ-нибудь при этихъ условіяхъ, нужно обладать бронзовымъ сердцемъ и бриллiантовой головой. Францію упрекали иногда въ томъ, что она не развиваетъ въ своихъ подданныхъ колонизаторскаго духа. Но вѣдь этотъ духъ въ сущности ни что иное, какъ мощная личная инициатива. Нужно много смѣлости, чтобы выйти изъ привычныхъ рамокъ. Для колонизаціи въ области ума, нравовъ, дѣятельности нужна также смѣлость, безъ которой нельзя выдѣлиться изъ среды и идти своей дорогой вслѣдъ за новымъ идеаломъ. И какъ горячо должны мы привѣтствовать всякую молодую силу, стремящуюся къ освобожденію изъ-подъ тягостнаго ига рутины! Вся надежда на то, что мы когда нибудь выбьемся изъ этой колеи, держится на тѣхъ рѣдкихъ молодыхъ людяхъ, у которыхъ хватаетъ смѣлости стать колонистами и піонерами, вырваться изъ стада, которое пасутъ, стерегутъ и стригутъ, и идти впередъ—въ одиночку или въ обществѣ единомышленниковъ, способныхъ поддержать ихъ въ трудную минуту.

---

*) E. Lavisse, *Etudes et Etudiants*, p. 215.

VI.

Нѣсколько словъ о духѣ партіи.

Мы уже упомянули мимоходомъ о духѣ партіи, который заслуживаетъ того, чтобы его описать подробно, какъ описываютъ внѣшній видъ, привычки и хищническія наклонности нѣкоторыхъ животныхъ.

Въ скромной области вліянія человѣка на жизнь его лучшимъ руководящимъ принципомъ будетъ слѣдующій: брать вещи таковыми, каковы онѣ есть, и извлекать изъ нихъ наилучшую пользу. Человѣкъ, проникнутый духомъ партіи, дѣйствуетъ совершенно обратно и извлекаетъ зло даже изъ добра. Онъ преувеличиваетъ дурныя свойства своего противника и отрицаетъ хорошія и, руководствуясь дурнымъ побужденіемъ, нейтрализуетъ значеніе своихъ собственныхъ хорошихъ поступковъ.

Главный вредъ духа партіи заключается въ томъ, что онъ возстаетъ противъ великаго человѣческаго закона солидарности. Онъ создаетъ человѣчество въ человѣчествѣ, проводитъ опредѣленныя границы

и заключаетъ въ нихъ объединенное меньшинство, воздвигая вокругъ него баррикады и неприступныя стѣны, которыя онъ отстаиваетъ вооруженной силой. Нѣтъ болѣе общечеловѣческихъ интересовъ, справедливости, добра, существуютъ только партійные интересы, партійная справедливость и т. д. Все, что дѣлается въ предѣлахъ кружка кѣмъ либо изъ его представителей—хорошо. Пусть другіе дѣлаютъ то же самое, но если они не принадлежатъ къ тому же кружку: все, что они ни дѣлаютъ—дурно. «Какая трава можетъ считаться дурною?—Всякая трава, которая ростетъ не на нашихъ лугахъ. — Но вашъ сосѣдъ сѣетъ ту же самую траву, какъ и вы. — Невозможно. Если онъ ее сѣетъ, значитъ онъ мошенничаетъ. Мы одни знаемъ, какъ ее надо сѣять».

Вотъ въ чемъ выражается духъ партіи.

Если человѣку не удалось осѣдлать кровнаго скакуна, онъ обзываетъ его клячей. Чужое золото—фальшивое; чужія добродѣтели — блестящіе пороки; чужія вѣрованія — лицемѣріе. — Нужно непремѣнно отличать добро отъ зла въ поведеніи противника. Предположить врага способнымъ на что нибудь доброе, значитъ до нѣкоторой степени съ нимъ согласиться.

То, что этотъ тлетворный духъ распространился одновременно съ скептицизмомъ, который очень часто имъ прикрывается, представляетъ собою не малое знаменіе времени. Чтобы замаскировать внутреннюю пустоту, ей придаютъ грозную внѣшность. Хрупкому тростнику необоснованнаго убѣжденія придаютъ окрас-

кой видъ желѣза. Въ наше время наибольшіе скептики, насмѣшники, зубоскалы и обманщики, лишенные элементарной основы всякаго убѣжденія, которую называютъ уваженіемъ, заявили себя самыми непримиримыми (intransigeants). Въ сущности, это очень логично. Рѣдко встрѣчается, чтобы человѣкъ, идущій навстрѣчу истинѣ скромнымъ путемъ собственнаго опыта, бросалъ свою дорогу. Напротивъ, онъ продолжаетъ идти по ней и готовъ воспользоваться указаніями даже своего противника. Но для того, кто ничего собою не представляетъ и ни во что не вѣритъ, ни въ божеское, ни въ человѣческое, кто глухъ къ истинѣ, прямая выгода проникнуться безстрастнымъ духомъ партіи. И тогда его мертвенную неподвижность принимаютъ за твердость характера.

Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему духъ партіи овладѣлъ въ наши дни политикой, религіей и даже наукой. Онъ являетъ чудеса. Благодаря ему случается, что люди, разбитые на всѣхъ пунктахъ, торжествуютъ побѣду на газетныхъ столбцахъ, объявляютъ себя сильнѣе, чѣмъ когда либо и хоронятъ на бумагѣ своихъ побѣдителей. Благодаря ему яко бы религіозные фанатики провозглашаютъ сомнительными акты самоотреченія, внушенные не ихъ понятіями; и наоборотъ, фанатики, не признающіе религіи, называютъ лицемѣріемъ самыя несомнѣнныя доказательства безкорыстія, когда они проникнуты религіознымъ чувствомъ. Тотъ же духъ теперь, среди полнаго общественнаго спокойствія, заставляетъ приверженцевъ прежняго режима

видѣть смуту и анархію, а другихъ — говорить, что монархическая Франція была олицетвореніемъ террора, тираніи и хищенія. Одинъ объявляетъ *ex cathedra:* «Въ теченіе трехсотъ лѣтъ исторія представляетъ собою ничто иное, какъ походъ противъ истины». Другой начинаетъ лѣтосчисленіе отъ революціи. То, что было раньше—недѣйствительно или какъ бы вовсе не существовало.

Хорошая школа для юношества, гдѣ распоряжается подобный учитель, подъ руководствомъ котораго можно вполнѣ основательно высказаться такъ: «я знаю, что живу въ дни нетерпимости, когда мнѣ нечего ждать отъ того, кто не думаетъ одинаково со мною!» *).

Печально, когда этотъ угрюмый и сварливый духъ, позабывшій все, что сближаетъ людей, и помнящій только о томъ, что ихъ разъединяетъ, овладѣваетъ съ теченіемъ времени разбитой жизнью, когда онъ свирѣпствуетъ въ зрѣломъ возрастѣ или окончательно засушиваетъ сердца стариковъ, заражая собою страсти человѣческія, одновременно разрушая и прелесть, и плоды жизни. Но есть уродливости, которыя представляются болѣе естественными въ тѣхъ, кого жизнь поломала. Иное дѣло, когда подобныя безобразія встрѣчаются среди молодежи. Тутъ они отвратительны. Молодой человѣкъ, заѣдаемый духомъ партіи, представляетъ гнусное явленіе. Для того, чтобы пріобрѣсти физіономію приверженца какой нибудь партіи, принять угрю-

---

1) Edg. Quinet: *L'esprit nouveau.*

мый и неприступный видъ, молодому человѣку нужно умышленно отрѣшиться отъ природнаго благодушія, здоровой любознательности, прекрасныхъ душевныхъ порывовъ. Дресировщики бѣдныхъ животныхъ часто бываютъ возмутительно жестоки. Они выкалываютъ глаза молодымъ соловьямъ, чтобы тѣ лучше пѣли, обрѣзаютъ уши собакамъ, чтобы придать имъ болѣе свирѣпый видъ. О, бѣдныя животныя и злые люди! Но что же сказать о тѣхъ, кто поступаетъ такимъ же образомъ съ молодежью, или о самой молодежи, уродующей себя?!

А между тѣмъ, духъ партіи представляетъ собою одинъ изъ сильнѣйшихъ факторовъ, вліяющихъ на молодыхъ людей въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ отыскиваетъ свою дорогу. Застѣнчивость, невѣдѣніе, инертность дѣлаютъ молодежь его добычей. Вялая, стадная среда, о которой мы говорили выше, представляетъ собою вожделѣнный элементъ для профессіональнаго коновода. Здѣсь обширное поле для всякаго рода манипуляцій. Горе молодымъ людямъ, подпадающимъ подъ его вліяніе и не умѣющимъ отъ него отдѣлаться! Они надолго, можетъ быть навсегда, обречены на рабство, если только они сами не придутъ въ умоизступленіе. Какое удивительное зрѣлище представляется тогда глазамъ свѣта! Самыми рьяными оказываются новообращенные. Ихъ рвеніе радуетъ ихъ духовныхъ отцовъ. Тѣ были свирѣпые, а эти бѣшеные. Чѣмъ меньше они знаютъ людей и причины ихъ поступковъ, тѣмъ безцеремоннѣе они ихъ судятъ и осуждаютъ. Они

стараются превзойти другъ друга, нападая на противниковъ, заслуживающихъ полнаго уваженія. Подобная молодежь неспособна ничему научиться. Она входитъ въ жизнь черезъ низкую дверцу предразсудковъ, запирается въ этой жизни и постепенно все болѣе и болѣе стѣсняетъ свое сердце и свою мысль, кончая тѣмъ, что становится слѣпа и глуха даже передъ самой очевидностью.

Къ счастію, иногда избытокъ зла превращается въ добро. Духъ партіи ознаменовалъ себя въ нашъ вѣкъ столькими скандалами, сдѣлалъ безуспѣшными столько мужественныхъ и честныхъ усилій, что его кредитъ подорванъ. Я вижу на горизонтѣ молодежь, которая, чтобы лучше оградиться отъ него, избрала себѣ девизомъ: духъ партіи—нашъ врагъ!

VII.

Самочувствіе и развлеченія.

Были историческіе періоды, когда люди развивали свою физическую силу въ ущербъ всѣмъ другимъ способностямъ и жили какъ бы вовсе не обладая духомъ. Затѣмъ, было время, когда они жили какъ бы вовсе не обладая тѣломъ. Въ извѣстномъ отношеніи можно сказать, что въ наше время люди живутъ какъ бы не обладая ни тѣмъ, ни другимъ. Дѣйствительно, матеріалистическая наука, отрицающая духъ, хотѣла закрыть множество источниковъ, изъ которыхъ душа почерпала свою силу, а съ другой стороны, мы слишкомъ долго пренебрегали физическимъ развитіемъ. Знаніе затмило собою все въ человѣкѣ. Чтобы достигнуть знанія, надо пожертвовать всѣмъ остальнымъ. Это вызвало такія явленія, какъ гипертрофія мозга и нервныхъ узловъ. Наша современная цивилизація, со своей лихорадочной поспѣшностью, съ множествомъ возбуждаемыхъ ею въ насъ ощущеній и волненій, съ изысканностью наслажденій, которыя она намъ доставляетъ, имѣла

съ своей стороны пагубное вліяніе на нашу нервную систему. Жизнь, какою она является въ наше время, до крайности раздражаетъ чувствительность, чрезмѣрно напрягаетъ нервы, разбиваетъ энергію, разрушаетъ кровь (détruit le sang). Всему этому способствуетъ и наше питаніе. Мы отдаемъ предпочтеніе мясу и крѣпкимъ напиткамъ. Въ силу одного изъ тѣхъ противорѣчій, которыя такъ умножились, что ихъ нѣтъ возможности перечислить, нашъ вѣкъ естествознанія и побѣдъ надъ природой удалилъ человѣка отъ природы. Развилась искусственная жизнь. Всѣ средства передвиженія и транспортированія послужили къ тому, чтобы привлечь всю жизнь къ городскимъ центрамъ. Во всемъ цивилизованномъ мірѣ большіе города поглотили энергію и умственныя способности народа. Наша страна пошла по пути централизаціи съ рѣдкой стремительностью. Большіе центры стали слишкомъ полнокровны и подвержены апоплексіи. Но горы, поля и лѣса опустѣли. Люди все чаще и чаще стали добиваться развода, самаго пагубнаго, какой только можно вообразить, развода человѣка съ природой, съ землею.

Каковы же обыкновенныя рамки существованія нашей учащейся молодежи, какого бы происхожденія она ни была? Въ большинствѣ случаевъ это искусственная и разслабляющая атмосфера большихъ городовъ. Далекій горизонтъ природы заслоненъ отъ нея мостовыми стѣнами и трубами зданій. Невозможно, чтобы въ такой обстановкѣ, даже при наилучшихъ условіяхъ и всѣхъ стараніяхъ, не пострадало физическое здоровье.

Всѣмъ извѣстно, что большой городъ пожираетъ дѣтей. Онъ обыкновенно истребляетъ неимовѣрное количество жизней и силъ и скоро опустѣлъ бы, если бы былъ предоставленъ самому себѣ. Въ гигіеническомъ отношеніи для молодежи нельзя представить себѣ ничего вреднѣе города. Здѣсь какъ занятія, такъ и развлеченія доведены до излишества и не требуютъ физической силы. Двойное переутомленіе—вредными развлеченіями и непосильными занятіями—расшатываетъ самое крѣпкое здоровье. Жизнь въ комнатахъ, позднее сидѣнье, дурной воздухъ, всѣ условія этого *полуночничанья (cette vie noctambule)* подвергаютъ человѣческій организмъ такимъ насиліямъ, за которыя рано или поздно приходится расплачиваться. Но самый печальный результатъ искусственной жизни, столь разрушительной для нашего мозга и нервной системы, выражается въ томъ, что она почти вовсе отвергла единственную вещь, способную возстановить утраченное равновѣсіе—*тѣлесныя упражненія* и *ручной трудъ*. Уже въ продолженіе многихъ лѣтъ то и другое падаетъ и вызываетъ безсмысленное презрѣніе. Тѣлесныя упражненія въ видѣ разнородныхъ спортовъ начинаютъ развиваться за послѣдніе годы; но ручной трудъ и самый здоровый и нормальный его видъ—воздѣлываніе земли все еще остается въ загонѣ. Наша молодежь пожинаетъ то, что посѣяли старшіе. Въ каждомъ новомъ поколѣніи проявляются все болѣе и болѣе поражающіе признаки нервнаго разстройства. И уже раздаются многочисленные голоса въ предупрежденіе опасности! И ихъ начинаютъ слушаться. Но трудно

снова подниматься на гору. Какимъ образомъ бороться сразу противъ наслѣдственности, вкусовъ, препятствій, представляемыхъ средою? Недугъ бросается въ глаза, но лекарство не столь очевидно. Въ общемъ, вся наша молодежь страдаетъ отъ послѣдствій искусственной и анормальной жизни.

Обычнымъ явленіемъ становятся молодые люди, которые выносятъ тяжелое впечатлѣніе отъ жизни и слишкомъ мало дорожатъ ею, не придавая значенія ни страданію, ни смерти. Я не говорю о тѣхъ, которые пресытились, пройдя всю гамму наслажденій, подобно тому, какъ другіе пресытились ощущеніями и познаваніемъ и изъ которыхъ одни стали скептически относиться къ веселью, а другіе—къ философіи. Я имѣю въ виду чрезмѣрно чувствительныхъ, больныхъ гиперестезіей, для которыхъ мучителенъ самый ритмъ нервной жизни, столь же непохожей на нормальную жизнь, какъ непохожъ плавный и полный звукъ хорошаго колокола на дребезжаніе электрическаго звонка. При такихъ условіяхъ страдаютъ веселье и радость — эти священныя сокровища юности. Незамѣтнымъ образомъ люди доходятъ до того, что ихъ ничто не веселитъ. Причина этого кроется и въ самомъ свойствѣ избранныхъ удовольствій. Почти всѣ наши развлеченія раздражаютъ нервы вмѣсто того, чтобы ихъ успокоивать. Веселье стало синонимомъ волненья. Веселье, до котораго стараются дотянуться, приподнимаясь на носкахъ, неестественно и утомительно. Вмѣсто того, чтобы дать вамъ все, что есть лучшаго въ жизни, и опьянить васъ тѣмъ

сладкимъ упоеніемъ, подъ вліяніемъ котораго здоровая и сильная юность слышитъ «звоны небесной лазури и звѣздъ голоса» (tinter l'azur et chanter les étoiles), оно заставляетъ васъ, посредствомъ своей форсированной реакціи, предвкушать всю горечь, находящуюся на днѣ чаши. О, я знаю, что еще есть уголки, гдѣ люди веселятся, и радуюсь этому! Веселиться будутъ до тѣхъ поръ, пока свѣтитъ солнце, цвѣтутъ цвѣты и есть бодрые молодые товарищи съ неиспорченной душою. Но въ общемъ, веселье пошло на убыль и я постоянно слышу припѣвъ: *теперь веселиться не умѣютъ.*

Пора серьезно отнестись къ этимъ симптомамъ. Помоему, о здоровьѣ и весельи въ жизни слѣдуетъ столько же заботиться, какъ о развитіи какого нибудь качества или знанія. Но я еще вернусь къ этому предмету.

Увы! я не могу не признать, что во многихъ случаяхъ зло неизлечимо. Но да будетъ мнѣ позволено по крайней мѣрѣ пролить слезу сожалѣнія о тѣхъ, чья преждевременно увядшая жизнь стала жертвой психологической аномаліи, созрѣла раньше времени и упала съ дерева жизни, какъ больной плодъ. Печальная жатва столькихъ посѣвовъ заблужденій и пороковъ!

Они достойны сожалѣнія. Они расплачиваются за долги, которыхъ не дѣлали, ихъ можно назвать дѣтьми скорби вѣка. Но горе намъ, если состраданье къ нимъ не возбудитъ въ нашихъ сердцахъ ненависти ко всему, что было причиной ихъ страданья.

VIII.

Простонародная молодежь.

Народный бытъ — одна изъ хорошихъ вещей, которыхъ мы не знаемъ. То, что въ немъ кидается въ глаза, не даетъ вовсе или почти не даетъ представленія о его сущности. А между тѣмъ слѣдовало бы съ нимъ поближе познакомиться ради всего хорошаго, что въ немъ есть, и ради недуговъ, которые онъ переживаетъ. Все это отражается на простонародной молодежи. Ея участь существенно отличается отъ участи интеллигентной молодежи. У нея нѣтъ ни досуга, ни достаточной культуры, чтобы заглядывать въ область теорій и идей. Забота о хлѣбѣ насущномъ, тяжелыя требованія труда постоянно отрываютъ ее отъ самой себя и не позволяютъ ей ни прислушаться къ себѣ, ни изслѣдовать себя. Анализъ идей и впечатлѣній ей незнакомъ. Послѣ немногихъ годовъ первоначальной школы, ея высшую школу составляютъ мастерскія, фабрики, конторы или поля, затѣмъ примѣры жизни высшихъ слоевъ и дешевая пресса.

Не смотря на юный возрастъ, въ которомъ ребенокъ этой среды находится подъ вліяніемъ школы, и слишкомъ ранній его выходъ изъ нея, нельзя не признать большой пользы этого учрежденія. Благодаря своей обширной основѣ и многочисленности своихъ питомцевъ она представляетъ собою большую силу. Забота, съ которой въ наше время относятся къ народной школѣ, будетъ одною изъ нашихъ заслугъ въ глазахъ потомства. Первоначальная школа главное орудіе народнаго образованія. Я еще вернусь къ ней на страницахъ этой книги. Тутъ я ограничусь указаніемъ на то, что она представляетъ собою одинъ изъ факторовъ, вліяющихъ на простонародную молодежь и ея понятія. Всякому извѣстна живучесть впечатлѣній дѣтства. Въ народѣ она еще сильнѣе, чѣмъ въ культурныхъ классахъ, гдѣ чтеніе, послѣдовательность высшаго школьнаго образованія, разнородныя вліянія вытѣсняютъ ихъ, а иногда и совсѣмъ уничтожаютъ.

Другая доля вліянія принадлежитъ церкви. Правда, что большая часть молодежи не подчиняется ея вліянію, въ особенности въ большихъ центрахъ. Тѣмъ не менѣе вліяніе церкви неоспоримо. Сколько времени оно продолжается, въ какой мѣрѣ ему препятствуетъ равнодушіе и насколько его уничтожаетъ антипатія—трудно въ точности опредѣлить. Но если народная масса и находится подъ вліяніемъ церкви, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы народъ былъ религіозенъ. Теперь онъ сталъ менѣе религіозенъ, чѣмъ прежде. Усердное исполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ, цѣль которыхъ часто

совершенно чужда религіи, не должно насъ оставлять въ заблужденіи на этотъ счетъ. Народъ сталъ относиться къ религіи и ея чудесамъ съ недовѣріемъ, подозрѣвая ее въ тайномъ служеніи политическимъ цѣлямъ. Тайно или явно многіе задаютъ себѣ вопросъ: не стала ли церковь на сторону сильныхъ и богатыхъ міра сего противъ слабыхъ и бѣдныхъ? Очень важное значеніе представляетъ то обстоятельство, что такъ называемое «обращеніе» началось въ нашемъ современномъ обществѣ съ аристократіи, оттуда проникло въ буржуазію, чтобы черезъ нее проникнуть въ народъ.

Какъ бы то ни было, но практическая цѣль жизни простонародной молодежи намѣчается очень рано. Она опредѣляется во время годовъ ученія, составляющихъ народный университетъ. Но здѣсь существуетъ большая разница между факультетами. Далеко не одно и то же, гдѣ проходить курсъ: въ мастерской, въ конторѣ или на полѣ.

Годы ученья мальчика-мастерового очень тяжелы. Что представляетъ собою ребенокъ въ этомъ возрастѣ, чтобы быть предоставленнымъ произволу угрожающей совокупности всѣхъ людей и машинъ, работающихъ при большомъ производствѣ? Онъ такъ малъ, такъ слабъ, а сила, личное вліяніе, матеріальные интересы, окружающіе его, такъ велики! Въ этомъ фабричномъ помѣщеніи, гдѣ нужно напрягать все свое вниманіе, чтобы не попасть подъ какое-нибудь колесо, гдѣ всѣ умственныя способности сосредоточены на выполненіи

8*

какихъ нибудь трехъ—четырехъ движеній, ребенокъ безсознательно чувствуетъ себя однимъ изъ многочисленныхъ колесъ. Онъ превращается въ механизмъ. И когда ему приходится наблюдать машину, которая у него на глазахъ приводитъ въ движеніе станки, эту драгоцѣнную машину, занимающую отдѣльное помѣщеніе, за которой ухаживаютъ, слѣдятъ, которую чистятъ и которая такъ страшна по своей силѣ и опасности, какимъ крошечнымъ кажется ребенокъ самому себѣ передъ этимъ желѣзнымъ чудовищемъ, пожирающимъ пламя и нерѣдко сокрушающимъ тѣхъ, кто его кормитъ!

Какимъ загнаннымъ онъ чувствуетъ себя рядомъ съ этими, доведенными до совершенства, блестящими машинами, такъ дорого стоющими!

Затѣмъ, столкновенія со взрослыми, рѣзкіе толчки и колотушки, лаконическія приказанія, грубые разговоры, касающіеся всего на свѣтѣ, безпощадныя сужденія о людяхъ и вещахъ—все это заставляетъ работать юныя головы и, вслѣдствіе своей безпорядочности, такъ трудно въ нихъ укладывается.

Характеръ и развитіе нашей промышленности, обширныя мастерскія, заводы и фабрики, большія анонимныя компаніи, постепенное удаленіе другъ отъ друга хозяевъ и рабочихъ, работавшихъ въ прежнее время сообща,—все это способствовало тому, что положеніе молодыхъ мастеровыхъ и фабричныхъ стало очень тяжело и заслуживаетъ, чтобы на него обратили вниманіе.

* * *

Молодымъ людямъ, работающимъ въ конторахъ, легче живется. Они вышли изъ народа и принадлежатъ по роду своихъ занятій къ постепенно возрастающему классу посредниковъ между идеей и матерьяльнымъ ея выполненіемъ, капиталомъ и трудомъ, капиталистомъ и пролетаріемъ, что необходимо вытекаетъ изъ нашего общественнаго устройства. Они, какъ всякіе посредники, воспринимаютъ хорошія и дурныя качества сверху и снизу. Вся бѣда для этихъ молодыхъ людей заключается въ ограниченномъ характерѣ ихъ занятій, въ томъ, что они должны вести сидячую, почти затворническую жизнь, быть прикованными къ своему стулу и столу. Должности ихъ такъ распредѣлены, что у каждаго свое спеціальное дѣло, которое онъ выполняетъ, какъ выполняетъ свою программу дрессированная лошадь въ манежѣ. Это забиваетъ умъ и ослабляетъ тѣло.

* * *

Молодой деревенскій работникъ счастливѣе. Характеръ его работъ мѣняется сообразно временамъ года. Онъ не удаленъ отъ природы и хотя живетъ ручнымъ трудомъ, но самое созерцаніе этой природы и разнообразіе занятій, постоянно привлекающихъ его вниманіе, гораздо больше развиваютъ его мышленіе. Въ то время, какъ художественность исчезла въ промышленныхъ производствахъ подъ тяжелымъ гнетомъ экономической конкуренціи и самый искусный ремесленникъ принужденъ превратиться въ машину, молодой пахарь остается въ болѣе нормальныхъ условіяхъ. Онъ принимаетъ уча-

стіе въ общей человѣческой жизни и въ великомъ цѣломъ мірового творчества. Онъ окруженъ вещами, не поддающимися разсчетамъ и опредѣленіямъ людей. Хотя и онъ опутанъ экономической сѣтью, но у него нѣтъ передъ глазами роковыхъ цифръ, такъ жалко измѣряющихъ людей и человѣческій трудъ. Конечно, его поле имѣетъ покупную и продажную стоимость, но ему самому оно гораздо дороже всякой цѣны. Его радуетъ видъ зеленѣющихъ и поспѣвающихъ хлѣбовъ, онъ вспоминаетъ отца, воздѣлывавшаго то же самое поле, наконецъ, онъ окруженъ множествомъ такихъ вещей, которыя придаютъ значеніе бездѣлицамъ. Онъ не затерянъ въ толпѣ, онъ—нѣкто, а не номеръ, какъ ученикъ на большой фабрикѣ или даже молодой служащій въ конторѣ. Но, съ другой стороны, его все болѣе и болѣе привлекаетъ и манитъ издали большой городъ. Вотъ гдѣ для него опасность, потому что тамъ онъ рискуетъ потерять свою единственную поддержку—любовь къ землѣ, могучее и глубокое чувство, источникъ энергіи и силы.

Здѣсь будетъ кстати привести нѣсколько замѣчаній относительно умственнаго и нравственнаго развитія простонародной молодежи и ея пониманія жизни, какимъ оно намъ представляется въ современномъ молодомъ поколѣніи.

Въ народныя массы, гдѣ бы мы ихъ ни наблюдали глубоко проникло реальное направленіе. Два или три основныхъ положенія, на которыхъ цѣлые вѣка покоились религія и нравственность, у однихъ расшатаны,

а у другихъ совсѣмъ разрушены. Богъ, душа, пережитки (la survie), свобода воли, отвѣтственность... Если кто и сохранилъ эти принципы, то въ незначительной степени. Среди тѣхъ, кто остался имъ вѣренъ и доказываетъ это своими поступками, насчитается весьма мало непоколебимо убѣжденныхъ людей, остальные же не идутъ дальше рутины и собственной выгоды. Великое научное движеніе нашего вѣка отразилось въ народѣ тѣмъ, что онъ сталъ матерьяльно обезпеченнѣе, взыскательнѣе въ своихъ потребностяхъ и пришелъ къ убѣжденію, что разсчитывать слѣдуетъ лишь на то, что можно видѣть и осязать. Въ общемъ, молодежь въ возрастѣ отъ 17—20 лѣтъ отличается развитіемъ вожделѣній и сокращеніемъ благородныхъ стремленій. Говорить это крайне прискорбно, но чѣмъ болѣе я изучалъ эту среду, тѣмъ болѣе убѣждался въ томъ, что въ душѣ народной постепенно образовалась неизмѣримая пустота. Бываютъ дни, когда то, что вы видите и слышите, убѣждаетъ васъ, что уже ничего болѣе не осталось. Полдюжины отрицательныхъ формулъ, представляющихъ общій выводъ накопленныхъ отрицаній, замѣнили собою все сокрытое и безконечное. Мораль идетъ рука объ руку съ философіей: она теоретически утилитарна. Да и можетъ ли она не быть утилитарной, когда ее примѣняютъ на дѣлѣ люди, руководящіе обществомъ? Не представляется ли ежедневно глазамъ народа зрѣлище этой морали успѣха, составляющей нашъ позоръ? Не видитъ ли онъ, какъ съ ея помощью даже проповѣдники морали и религіи оправдываютъ преуспѣваю-

щихъ людей и дѣла, имѣющія успѣхъ? Какъ будто добро — все, что торжествуетъ, а зло—что остается побѣжденнымъ! Не видитъ ли онъ всякій разъ, что открываются его глаза, какъ почти всюду нечистымъ путемъ пріобрѣтенныя деньги, *когда ихъ много,* пользуются большимъ почетомъ, чѣмъ честно нажитыя—*когда ихъ мало?* Этого одного было бы достаточно, чтобы пробудить въ немъ сомнѣнія противъ религіи и внушаемыхъ ему правилъ нравственности. Онъ предоставляетъ вамъ самимъ ваши взгляды и принципы и усваиваетъ только ваши пороки. Онъ думаетъ, что эти взгляды и принципы были спеціально выдуманы хитрыми людьми для простаковъ. Значеніе имѣетъ не та мораль, которую преподаютъ, а та, которую примѣняютъ на дѣлѣ. Народъ хорошо это понимаетъ и въ его совѣсти образуются настоящіе провалы всякій разъ, какъ онъ замѣчаетъ по поступкамъ наблюдаемыхъ имъ людей, что они въ сущности уже ни во что не вѣрятъ. Не слѣдуетъ отрицать того, что всегда бываютъ руководящіе классы. Въ наше время много говорилось объ ихъ исчезновеніи. Намъ ихъ представляли вымирающими за неимѣніемъ потомства, выбывающими изъ строя по собственной винѣ или подъ вліяніемъ духа равенства. Все это отчасти справедливо. Но справедливо также, что то, что составляло въ старые годы опасную привиллегію руководящихъ классовъ, а именно: нравственное вліяніе и авторитетный примѣръ — не можетъ исчезнуть. Лозунгъ представляетъ собою такую настоятельную общественную необходимость, что его всегда откуда нибудь за-

имствуютъ и, поневолѣ, онъ заимствуется отъ просвѣщеннаго и зажиточнаго меньшинства. За такими людьми, которыхъ выдвигаетъ на видъ знаніе или богатство, слѣдятъ. Отличительная особенность народа отъ образованныхъ классовъ состоитъ въ томъ, что онъ людямъ придаетъ гораздо больше значенія, чѣмъ идеямъ; поступкамъ и дѣйствіямъ—чѣмъ словамъ. Оттѣнки и особенности отъ него ускользаютъ. Онъ не легко обращаетъ на что нибудь свое вниманіе, но ужъ если онъ его обратитъ, то серьезно; онъ вникаетъ въ дѣло вполнѣ и выводитъ заключенія, въ которыхъ его трудно бываетъ разубѣдить.

Такое положеніе вещей больше всего наблюдается среди простонародной молодежи. Хотя несмотря на это, утилитаризмъ, о которомъ я только что говорилъ, плохо прививается на этой почвѣ. Эта мораль ежедневно опровергается самымъ категорическимъ образомъ самой жизнью проповѣдующихъ ее людей. Вслѣдствіе властной необходимости существованія, подъ давленіемъ страданія и общихъ бѣдствій, въ народѣ чаще, чѣмъ гдѣ либо просыпается человѣчность и вызываетъ трогательные поступки солидарности и братолюбія. Къ несчастью, они мало замѣтны. Чтобы ихъ увидать, надо пожить народной жизнью. Зло, напротивъ, само выступаетъ наружу и видно издали.

Я внимательно наблюдалъ въ средѣ простонародной молодежи за ея отношеніемъ къ престарѣлымъ родителямъ и къ женщинѣ, изъ котораго можно вывести много заключеній. Я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что

цинизмъ въ поступкахъ и словахъ, развращенность нравовъ, презрѣніе къ женщинѣ—преобладають. Что же касается непочтительности и неблагодарности къ родителямъ, даже когда онѣ не усугубляются нуждой, то онѣ стали столь обычнымъ явленіемъ, что иногда можно подумать, что дѣло дошло до полнаго растлѣнія нравовъ. И тутъ, по поводу неуваженія къ родителямъ и къ женщинѣ, слѣдуетъ отмѣтить упадокъ почтительности вообще.

Чувство уваженіе въ человѣкѣ растетъ и умаляется вмѣстѣ съ его чувствомъ собственнаго достоинства. Чѣмъ больше человѣкъ имѣетъ цѣны въ своихъ собственныхъ глазахъ, тѣмъ охотнѣе онъ преклоняется передъ людьми и учрежденіями, олицетворяющими собою природу человѣческую и общественное начало. Когда человѣкъ теряетъ вѣру въ свое высшее назначеніе, въ свое нравственное начало, словомъ, въ свою душу, онъ утрачиваетъ способность уважать.

Ему уже ничто не представляется достойнымъ уваженія. Сознаніе ничтожества бытія, вкравшееся въ него самого, переносится имъ на весь міръ. Это важное явленіе. Нѣкоторые обвиняютъ въ упадкѣ чувства уваженія современный духъ равенства. Разберемъ этотъ вопросъ, чтобы знать, чего держаться.

Никогда еще не разсыпалось въ прахъ столько дутыхъ и условныхъ величинъ, никогда еще такъ жестоко не разоблачали пустоту ихъ блестящей внѣшности, какъ въ наши дни! Въ нашъ вѣкъ люди хотятъ отдать свое уваженіе тому, что, по ихъ мнѣнію, достойно его. И

каждый, кого коснулся духъ времени, будь то императоръ или папа,—а слава Богу такія вещи случаются,—глубоко убѣжденъ, что велика лишь непреложная истина. И эти люди, облеченные традиціонною властью, стремятся заявить себя скорѣе справедливостью, заботою объ угнетенныхъ, всѣмъ, что напоминаетъ намъ, что они такіе же люди, какъ и мы, нежели подтвержденіемъ неограниченности власти. Они охотнѣе называютъ себя слугами, нежели господами, принимая на себя званіе, которымъ гордятся представители нашихъ демократій. Путь на этомъ поприщѣ имъ указалъ Христосъ. Въ сущности, съ Него и начинается новое пониманіе власти. Что же тутъ дурного? И развѣ этимъ способомъ нарушается чувство уваженія? Напротивъ, нѣтъ ничего въ мірѣ выше, священнѣе такого духа, потому что онъ учитъ насъ не бояться и не уважать ничего, кромѣ святого и безсмертнаго закона, господствующаго надъ всѣми людьми, и достигать величія своими внутренними достоинствами и готовностью помогать ближнему, дѣлающей то, что самый великій міра, относясь съ уваженіемъ къ жизни, становится ея смиреннымъ слугою. Но на этотъ духъ, какъ и на все прекрасное, существуетъ пародія и эта пародія — духъ униженія и оскорбленія. Этотъ духъ заключается не въ томъ, чтобы уважать лишь достойное уваженія и провозглашать великимъ дѣйствительно великое, а въ томъ, чтобы вовсе ничего не уважать и, въ особенности, стремиться къ тому, чтобы унизить и закидать грязью все святое и достойное уваженія. Онъ не желаетъ разобла-

чать ложнаго величія и не ищетъ истиннаго, чтобы преклониться передъ нимъ; нѣтъ, всякое величіе, всякое преобладаніе раздражаетъ его! Онъ по существу своему разрушитель, обидчикъ, осквернитель святыни. *Отсутствіе человѣческаго страха и презрѣніе къ ложному величію, эти благородныя свойства сильной души, онъ претворилъ въ отсутствіе сострадания — отличительное свойство подлыхъ душъ.*

Тотъ духъ ведетъ къ освобожденію, этотъ — къ постыднѣйшему порабощенію. Человѣкъ, для котораго нѣтъ ничего святого, подпадаетъ подъ режимъ принужденія и грубой силы. Откуда же повѣяло на молодежь этимъ смущающимъ духомъ непочтительности? Онъ развился подъ вліяніемъ пагубныхъ примѣровъ свыше. Онъ распространяется проповѣдниками лжеученій, великими и малыми пророками отрицанія (de néant) и грязи, доктрины которыхъ проникли тысячами въ народную душу. Онъ распространяется соблазнителями и профессіональными клеветниками, настойчиво старающимися выставить воромъ, разбойникомъ или, по крайней мѣрѣ, лицемѣромъ каждаго человѣка, выдающагося по своему положенію или способностямъ. Не такъ опасно для народа, когда въ его средѣ нарушаютъ установленные принципы, глумятся надъ святыней и вещами достойными уваженія, растлѣваютъ его воображеніе непристойными разсказами, нежели когда убиваютъ въ немъ вѣру въ честь, безкорыстіе и всякую иную добродѣтель. Въ этомъ направленіи совершилась огромная разрушительная работа. Личное вліяніе было усилено до безпредѣль-

ныхъ размѣровъ пропагандой удешевленной прессы. Совсѣмъ не нужно даже и читать книжку сомнительнаго содержанія или знать всѣ подробности дѣла; достаточно газетной статейки, нѣсколькихъ строкъ фельетона, злой каррикатуры, чтобы навести на новыя мысли и открыть новые горизонты. Человѣческая природа обладаетъ низменными наклонностями, идущими впереди дурныхъ совѣтовъ. На эти наклонности всегда могутъ разсчитывать, когда хотятъ нарушить порядокъ и въ то же время соблюсти свои интересы.

Но это еще не все. Нынче народъ и его молодые представители никому и ничему не вѣрятъ, даже и своимъ случайнымъ учителямъ, извратившимъ ихъ умъ. Еще не далеко ушло то время, когда всѣ печатныя объявленія, воззванія, газеты читались и принимались на вѣру, какъ евангельскія изреченія. Мы всѣ нуждаемся въ довѣріи, а непросвѣщенные люди больше, чѣмъ кто-либо. Можно много хорошаго сдѣлать съ помощью довѣрія, которое въ сущности есть ничто иное, какъ одна изъ формъ вѣры въ человѣчество и правду и представляетъ собою признакъ прямоты душевной. Но не надо имъ злоупотреблять. Народъ такъ часто бывалъ обманутъ, что слова и печатныя страницы для многихъ потеряли значеніе. Это одна изъ худшихъ формъ скептицизма, унаслѣдованнаго молодымъ поколѣніемъ. Такимъ путемъ разрывается связь между наставниками и учениками и вся масса простонародной молодежи остается предоставленной самой себѣ, не руководимой ни вѣрой въ принципы, ни довѣріемъ къ людямъ. Однимъ изъ послѣд-

ствій подобнаго состоянія умовъ является отсутствіе единенія, замѣчающееся даже на почвѣ самыхъ серьезныхъ интересовъ. Казалось бы вполнѣ естественнымъ видѣть простонародную молодежь, въ особенности городскую, сообща разрабатывающею соціальные вопросы. Но мы наблюдаемъ скорѣе обратное. Большинство не трогается съ мѣста, меньшинство увлекается, но и оно рѣдко возвышается надъ интересами партіи или вопросами чисто матеріальнаго свойства. Лишь небольшое число избранныхъ понимаетъ, что дисциплина, духъ единенія и самоотверженности составляютъ необходимую нравственную основу всякаго прогресса, даже экономическаго.—Народное образованіе у насъ еще въ зародышѣ. На этомъ поприщѣ наша образованная молодежь, если у нея есть сердце и нѣтъ недостатка въ доброй волѣ, можетъ оказать громадныя услуги.

* * *

Большимъ темнымъ пятномъ на горизонтѣ является *алкоголизмъ*. Конечно, его вліяніе даетъ себя знать во всѣхъ классахъ, но по преимуществу это народный бичъ. Бичъ недавній, дающій себя чувствовать въ теченіе послѣднихъ 30 — 40 лѣтъ. Алкоголизмъ вновь испеченный выскочка и выскочка-космополитъ. У него нѣтъ отечества. Онъ акклиматизируется вездѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ путемъ наслѣдственности проникнулъ въ плоть и кровь народа и распространился въ равной мѣрѣ какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, онъ сталъ пугать сперва докторовъ и законовѣдовъ, а затѣмъ и всѣхъ мыслящихъ людей. Въ данный моментъ онъ

разростается и угрожаетъ опасностью всему міру. Онъ глубоко всосался въ человѣка. Больницы, дома для умалишенныхъ, тюрьмы ежедневно свидѣтельствуютъ о его преуспѣяніи. Въ нѣкоторыхъ странахъ ведутъ счетъ не алкоголикамъ, а непьющимъ. Прибавьте къ этому, что то, что пьютъ теперь, существенно отличается отъ того, что пили прежде. Нашъ вѣкъ познalъ обманъ не въ одной области идей. Его съѣстные припасы такъ же отравлены, какъ и его умственная и духовная пища. Онъ по преимуществу поглощаетъ дешевые напитки, сдобренные свекольной и картофельной водкой, которыми крупные заводчики наводняютъ весь земной шаръ. Можно сказать, что онъ пьетъ свою собственную смерть и смерть своихъ дѣтей. Онъ отравляетъ будущее, онъ обрекаетъ будущія поколѣнія на рахитизмъ, сумасшествіе, преступленіе. Нѣтъ возможности перечислить послѣдствія алкоголизма: экономическія, гигіеническія, нравственныя, политическія и соціальныя. Въ девяти десятыхъ разореній, болѣзней, несчастныхъ случаевъ, преступленій, народнаго распутства можно сказать: *ищите алкоголь!*

Алкоголизмъ разоряетъ простонародную молодежь ужасающимъ образомъ. Почти не осталось развлеченій, въ которыхъ бы онъ не принималъ участія. Онъ разстраиваетъ и убиваетъ здоровое веселье, ослабляетъ результаты правильнаго физическаго воспитанія, мѣшаетъ достиженію цѣли собраній, стремящихся поддержать общительность и дать возможность отдохнуть отъ трудовъ. Всякое собраніе, всякая экскурсія, какова

бы ни была ихъ цѣль, рискуютъ завершиться попойкой. Грубѣютъ нравы, языкъ и пѣсни.

Прежде большой городъ разсчитывалъ для своего обновленія на приливъ здоровой крови съ полей и горъ. Но и эти резервы заражены. У насъ въ Вогезахъ есть долины, гдѣ обильными потоками струится ключевая вода, гдѣ воздухъ чистъ, гдѣ не запомнятъ, чтобы когда либо была какая нибудь эпидемія. Но алкоголизмъ царитъ и тамъ. Среди дѣтей постоянно возростаетъ количество рахитиковъ. Распутство проникло въ нравы, разстроило семейную жизнь, опустошило карманы. И жизнь, и трудъ идутъ прахомъ. Алкоголь ужаснѣе чумы, войны или какого бы то ни было естественнаго бича. Можно пособить внѣшней бѣдѣ, возстановить нарушенное въ области идей. Но какъ помочь злу, пожирающему мозгъ, кровь и самую основу жизни?

Иные, глядя на нашу цивилизацію, задавали себѣ вопросъ: что можетъ угрожать ей? Она не можетъ пасть подъ натискомъ варваровъ. Однако же ея враги близко. Они не придутъ отъ края земли, какъ гунны или вандалы. Они внутри насъ, и опаснѣйшій изъ нихъ—алкоголь.

Чего ожидать въ будущемъ отъ пьянствующей молодежи? Демократія основана на общественномъ здравомъ смыслѣ, на мудрости и энергіи гражданъ, на духѣ порядка, трудѣ, экономіи. Всѣмъ этимъ благамъ угрожаетъ опасность, пока преуспѣваетъ абсентъ и водка. Они наши варвары.

* * *

Вы скажете мнѣ, что я былъ не правъ, когда говорилъ въ началѣ этой мрачной главы, что народный бытъ одна изъ тѣхъ хорошихъ вещей, которыя мы такъ мало знаемъ. Я поддерживаю свое мнѣніе. Все, только что мною отмѣченное, представляетъ собою бородавки, наросты, недуги, обезображивающіе и разъѣдающіе народную жизнь. Да, къ сожалѣнію, въ этомъ здоровомъ и сильномъ народѣ что-то надломилось. Лучшіе его представители видятъ это и толкуютъ объ этомъ въ своемъ домашнемъ кругу и разсуждаютъ съ вами въ откровенной дружеской бесѣдѣ, когда рѣчь коснется этого важнаго предмета. Но, несмотря ни на что, народный бытъ остается великимъ источникомъ энергіи, смѣтливости, самоотверженности, изъ котораго общество непрестанно почерпаетъ новыя силы. Тяжелая жизнь, трудъ, даже скорбь спасаютъ народъ отъ отрицаній (du néant). Его дѣятельная жизнь поддерживаетъ въ немъ здравый смыслъ. Когда мы приглядываемся къ нему ближе, мы ежедневно видимъ чудеса терпѣнія и твердости. Особеннаго удивленія заслуживаютъ женщины. Среди нихъ есть такія, которыя несутъ сверхчеловѣческое бремя такъ просто, съ такимъ мужествомъ, которое способно пристыдить мужчинъ, закаленныхъ въ страданіи. Есть матери семействъ, которыя, кромѣ исполненія своихъ домашнихъ обязанностей, работаютъ на сторонѣ за малое вознагражденіе и въ теченіе всего года не имѣютъ отдыха, если не считать немногихъ часовъ сна. Почти никогда никакого развлеченія. Выходъ изъ дому не на работу состав-

ляетъ событіе. Представьте же себѣ, что выносять эти женщины, когда жизнь осложняется болѣзнью или загуломъ мужа. Въ самомъ дѣлѣ, что значать заботы обезпеченныхъ людей въ сравненіи съ этими? Что за жизнь! Сравните съ нею легкость нравовъ, поверхностную и легковѣсную мораль, не только людей праздныхъ, но людей легкомысленныхъ, относящихся къ своей жизни, какъ къ пріятному времяпровожденію! Сравните съ нею даже обезпеченную и удовлетворенную жизнь степеннаго буржуа. Къ чему приводить такое сравненіе! Передъ строгой реальностью народной жизни все блѣднѣетъ. Народная среда представляеть собою для молодежи великій примѣръ постоянства.

И потому именно, что народная жизнь заключаеть въ себѣ эти драгоцѣнные элементы, слѣдуеть ее охранять, беречь, какъ сокровище. Сближеніе съ нею было бы однимъ изъ средствъ борьбы противъ всей окружающей и убивающей насъ лжи.

IX.

Реакціонная молодежь.

Въ виду дѣйствительныхъ затрудненій въ области идей, еще болѣе обостряемыхъ аналогичными явленіями во всѣхъ многочисленныхъ областяхъ практической жизни, хулители духа времени предсказываютъ гибель и проповѣдуютъ реакцію. Есть люди, ожесточенно порицающіе духъ нашего времени и считающіе теперешній кризисъ обвинительнымъ приговоромъ цѣлаго ряда вѣковъ. Они огульно осуждаютъ науку, гражданскую и религіозную свободу, всякое независимое движеніе человѣчества въ области мысли и дѣла и видятъ все спасеніе лишь въ одномъ простомъ возвратѣ къ прошлому. Люди, раздѣляющіе этотъ взглядъ, собираютъ вокругъ себя группу молодежи и иногда очень энергично и съ удивительной преданностью своему дѣлу стараются отвлечь ее отъ настоящаго, отъ современныхъ стремленій, чтобы заставить проникнуться прошлымъ и воскресить его. Это титаническое предпріятіе, если принять въ разсчетъ количество усилій, необходимое для достиженія

9*

цѣли. Задача состоитъ въ томъ, чтобы признать страшнѣйшей ошибкой все современное развитіе, обусловленное возрожденіемъ, реформаціей, революціей и наукой, уничтожить эту ошибку со всѣми ея послѣдствіями и вернуть общество къ *statu quo ante*.

Ничто человѣческое намъ не должно быть чуждо. Реакція дѣло человѣческое, законное и часто полезное, если она не нарушаетъ границъ общаго права (droit commun). Я объявляю, слѣдовательно, что не имѣю никакого предубѣжденія противъ движенія, о которомъ говорю. Благо не должно представлять собою достоянія какого нибудь одного направленія ума; оно распространено повсюду. Во всякой реакціи хорошо то, что она заставляетъ насъ призадуматься. Въ общемъ, все, что утрачиваетъ свой смыслъ—умираетъ. Когда много умовъ, среди которыхъ есть люди высокой нравственности, соглашаются слѣдовать извѣстному направленію, это значитъ, что окружающій ихъ порядокъ вещей представляетъ собою глубокую побудительную причину къ такому союзу. Пусть у другихъ примѣшиваются къ дѣлу матерьяльные интересы или желаніе преобладать, это не должно порождать сомнѣнія въ искренности первыхъ. Чтобы отыскать истину, нужно быть справедливымъ. Я нахожу вполнѣ естественнымъ, что въ тревожныя эпохи кризисовъ мы возвращаемся къ великому прошлому, въ которомъ человѣчество, казалось, находило свой лозунгъ и передавало его всѣмъ своимъ дѣтямъ, какъ средство къ достиженію цѣли, когда мысль вмѣстѣ съ жизнью сами собою выливались въ неизмѣнную форму. Это постоян-

ство и ненарушимое спокойствіе привлекаютъ поколѣнія, которыя, подобно нашему, борятся противъ волнъ и вѣтра. Я понимаю смертельную тоску изнемогающихъ мыслителей, заставляющую ихъ бросаться въ объятія незыблемаго догмата. Я еще лучше понимаю сѣтованія и негодованіе людей вѣрующихъ и преданныхъ религіи, когда они видятъ, что все, что для нихъ дорого и свято, почитается ненужнымъ и втаптывается въ грязь глупцами или профанами. Я понялъ бы даже эти сѣтованія, если бы они относились къ отрицаніямъ матеріалистической науки, хотя бы эти послѣднія и выражались въ почтительной формѣ. Въ сущности, въ ней тоже есть сокровища, которыя слѣдуетъ охранять и беречь. Нужно умышленно отрѣшиться отъ реальной жизни и человѣческихъ интересовъ, чтобы не признавать этого.

Все дѣло въ томъ, чтобы сознавать, соразмѣрно ли предпріятіе съ человѣческими силами и цѣлью.

Я думаю, что оно превышаетъ цѣль и, слѣдовательно, вредитъ самому себѣ, отрицая прогрессъ и благо, вытекающіе изъ современнаго духа терпимости, справедливости и знанія; что имъ совершается великая несправедливость черезъ обобщеніе этого духа съ атеизмомъ, реализмомъ и распущенностью нравовъ (le désordre).

Съ другой стороны, я убѣжденъ, что никакая индивидуальная или коллективная человѣческая сила не въ состояніи воскресить прошлое во всемъ его составѣ.

Со страхомъ гляжу я на молодыхъ людей, посвящающихъ себя дѣлу упраздненія четырехъ вѣковъ человѣческой жизни и возстановленія взамѣнъ ихъ уже несу-

ществующаго порядка вещей, и опасаюсь за будущность ихъ идей. Прежде всего, намъ не слѣдовало бы быть дѣтьми вѣка, который мы хотимъ упразднить. Его кровь течетъ въ нашихъ жилахъ, его зло—наше зло, его добромъ мы пользуемся. Онъ соединяетъ насъ съ прошлымъ звеньями послѣдовательности. Мы не можемъ прямо произойти отъ предковъ нашихъ предковъ. Между ими и нами промежуточныя поколѣнія, слѣды которыхъ отразились въ каждой фибрѣ нашего существа. Быть человѣкомъ прошлаго такъ же невозможно, какъ быть сыномъ своего прадѣда. Намъ уже трудно бываетъ стать на мѣсто нашихъ предковъ, чтобы понять ихъ и оцѣнить. Мы иначе судимъ и наблюдаемъ, у насъ иныя наслѣдственныя интеллектуальныя свойства. Міръ во многихъ отношеніяхъ сталъ для насъ совсѣмъ инымъ. Но желаніе пережить снова ихъ жизнь, вернуться въ рамки ихъ понятій и нравовъ было бы равносильно стремленію возстановить исчезнувшую фауну по уцѣлѣвшимъ отъ нея остаткамъ, чтобы акклиматизировать ее при существующихъ условіяхъ нашей жизни. Чѣмъ больше я надъ этимъ думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что человѣку XIX вѣка такъ же трудно жить въ XIV вѣкѣ, какъ и въ XXII вѣкѣ.

Передъ нами весьма сложная совокупность задачъ, малѣйшая изъ которыхъ потребовала бы для разрѣшенія ея едва ли не сверхчеловѣческихъ силъ. Но въ особенности важна и интересна одна психологическая задача, тѣсно связанная съ происхожденіемъ убѣжденій и вѣрованій. Когда говорятъ современной молодежи:

міръ заблуждается, вернемся назадъ, вернемся въ лоно церкви, единственной хранительницы истины, духовнаго авторитета, а слѣдовательно и внѣшней власти, этимъ требуютъ, чтобы она приняла безъ изъятія все ученіе Ѳомы Аквинскаго. Это можетъ быть и трудно, но что же дѣлать! Мы такъ больны, а это единственное лекарство.

Я допускаю, что мы готовы слѣдовать совѣту, что мы напрягаемъ свою волю и вѣримъ во все, несмотря на отвращеніе глотаемъ лекарства. Но достаточно ли этого? Вѣра, которую мы восприемемъ этимъ путемъ, будетъ мертва. Она насъ ни въ чемъ не убѣдитъ и ничего въ насъ не оживитъ. Она не будетъ имѣть на насъ благотворнаго дѣйствія, какъ и неусвоенное желудкомъ лекарство. И если вся совокупность предлагаемыхъ намъ доктринъ должна принести пользу, то недостаточно ее только проглотить, но надо и усвоить. Прошлое, проникая въ интеллектуальный и моральный организмъ, подобный нашему, подвергается процессу пищеваренія. Наше мышленіе подчинитъ его своимъ методамъ, своимъ собственнымъ законамъ, подвергнетъ его испытательному экзамену, словомъ, потребуетъ отъ него отвѣта. Мы далеки отъ мысли требовать *доказательной вѣры!* Подобная мысль не придетъ въ голову тому, кто хоть сколько нибудь допускаетъ существованіе таинственнаго и безконечнаго. Равносильно этому было бы требовать карманной горы или переноснаго океана. Но если сущность вѣры не можетъ быть взвѣшена и измѣрена умомъ, то нужно по крайней мѣрѣ, чтобы тотъ, кто хочетъ овла-

дѣть ею, вошелъ съ нею въ союзъ. Вѣра не монета, которую кладутъ въ кошелекъ. Чтобы принадлежать намъ, она должна возродиться въ нашей жизни и совѣсти и переработаться въ личное убѣжденіе. Иначе она занимаетъ въ умѣ мѣсто, какъ постороннее тѣло.

Не достаточно сказать: «все идетъ дурно. Если бы мы могли вѣрить, надѣяться, молиться, какъ наши предки—все бы пошло хорошо. Вернемся же къ ихъ вѣрованіямъ». Но нужно быть убѣжденнымъ, какъ они, и чтобы убѣдиться, нужно добровольно отдаться побужденіямъ души и совѣсти; нужно, чтобы истина нашла въ насъ себѣ почву. Вѣрятъ не потому, что хотятъ вѣрить, а потому, что не могутъ не вѣрить. Вѣра по желанію опирается на усиліи, какъ миѳологическій міръ опирался на плечахъ Атланта. Такая вѣра,—отъ которой мы въ сущности требуемъ поддержки,—не спасаетъ и не живитъ. Живая вѣра—результатъ опыта.

Представимъ себѣ человѣка вполнѣ благонамѣреннаго, убѣжденнаго въ томъ, что міръ провалится, если не заключитъ свою мысль и свои поступки въ тѣсныя рамки традиціоннаго авторитета, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка, оторваннаго отъ старыхъ вѣрованій. Пусть этотъ человѣкъ, убѣжденный въ практической пользѣ вѣры, которую онъ уважаетъ, но не можетъ усвоить, восприметъ ее съ внѣшней стороны, пострадаетъ отстаивая ее и кончитъ тѣмъ, что отдастъ за нее жизнь въ надеждѣ, что эта жертва по крайней мѣрѣ заставитъ другихъ повѣрить въ то, во что онъ вѣрилъ лишь механически. Къ чему послужатъ эти усилія и подвиги?

Повѣрять въ доброту и торжество любви, въ святыя человѣческія чувства, побудившія хорошаго человѣка не бояться смерти; повѣрять, быть можетъ, въ самого мученика, но не въ его ученіе. Чтобы повѣрить ученію, нужно, чтобы оно было живо въ самомъ человѣкѣ: только отъ огня возникаетъ огонь.

Вотъ тайна безсилія многихъ подвижниковъ прошлыхъ временъ.

Ктому же, реакція, являющаяся на смѣну духу времени, во многихъ отношеніяхъ переступаетъ границы того, что можно сказать во имя прошлаго. Она не представляетъ собою всего прошлаго: ни религіознаго прошлаго, ни христіанскаго прошлаго. Ея подвижники являются выразителями нѣсколькихъ моментовъ прошлаго, переработавшихся въ правила жизни, и нѣсколькихъ формъ религіозной идеи, переработавшихся въ ученіе. Въ обширныхъ областяхъ религіозной жизни развилась роскошная растительность, которую церковь не воздѣлывала. Въ ея собственномъ саду выросли деревья, которыя она старалась вырвать съ корнемъ и такія, которымъ она сперва обрубала вѣтви, а впослѣдствіи заимствовала отъ нихъ плоды. Должно ли человѣчество лишать себя благъ, которыхъ не было въ прошломъ? И нужно ли позабыть все зло этого прошлого и вновь съ нимъ примириться.

Если бы вопросъ былъ поставленъ такъ: съ одной стороны научный матеріализмъ, скептицизмъ, вся совокупность отрицаній, лишающихъ человѣчество его благородства, распущенность и неувѣренность, а съ

другой — надежда, вѣра и всѣ добродѣтели, тогда не слѣдовало бы колебаться ни одной минуты. Практическіе результаты были бы сами по себѣ неопровержимымъ доказательствомъ правоты традиціи. Но вопросъ нельзя ставить подобнымъ образомъ. И если его всетаки позволяютъ себѣ такъ ставить, то этимъ совершаютъ недоброе дѣло. Такой постановкой вопроса вы прежде всего выказываете неуваженіе къ воспитываемой вами молодежи, которая вѣритъ вамъ на-слово; затѣмъ — неуваженіе къ истинѣ, отрицая добро, сдѣланное другими. Въ итогѣ, для того, чтобы себя возвысить, умаляютъ значеніе человѣчества, а слѣдовательно и свое собственное.

Поборники прошлаго были бы гораздо сильнѣе, если бы они обладали большей скромностью и безпристрастіемъ. Почему они не хотятъ поучиться уму-разуму у этого прошлаго, перешедшаго къ нимъ по наслѣдству, какъ родовое помѣстье?

Этотъ міръ, кристаллизованный и превращенный въ мумію, былъ нѣкогда полонъ жизни. Онъ умѣлъ подняться до высшаго уровня античной культуры и спускался до самыхъ униженныхъ и невѣжественныхъ сферъ. Грекамъ и варварамъ онъ былъ равно близокъ. Ни владычество, ни рабство, ни пышность, ни нищета не пугали его. Онъ говорилъ на всѣхъ языкахъ, шелъ всѣми путями, его сердце билось для всего, что трогаетъ человѣческую душу. Какая жизнь, какая популярность, какая безпримѣрная соціальная мощь! Онъ началъ терять свое вліяніе, когда впалъ въ эгоизмъ,

въ рутину, въ бездѣйствіе. По мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ великой жизни народовъ, жизнь удалялась отъ него. И тѣ, кому дѣйствительно дорого это великое прошлое, могутъ лишь подражать ему во всемъ, что въ немъ было прекраснаго и человѣчнаго. Нужно освободить себя, преобразоваться, отречься отъ себя въ самомъ широкомъ смыслѣ, не оставаться въ арьергардѣ идей, хотя бы и религіозныхъ, но идти впередъ рука въ руку съ тѣми, кто любитъ людей и молится Богу.

* * *

Все вышесказанное относится къ реакціи серьезной и честной. Существуетъ однако же реакція, которую никакъ нельзя назвать серьезной. Это извѣстнаго рода религіозный диллетантизмъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, выражающійся въ ихъ увлеченіи всякаго рода устарѣлыми символами, что ихъ не дѣлаетъ болѣе вѣрующими и свою религіозность они вовсе не думаютъ возводить въ принципъ, освящающій правила жизни. Они ищутъ въ религіи эстетическихъ и археологическихъ наслажденій. Они украшаютъ свои комнаты старыми ризами, статуэтками святыхъ, изображаютъ изъ себя монаховъ, съ неизъяснимымъ наслажденіемъ упиваются благоуханіемъ ладана, прислушиваются къ молитвенному шопоту и церковной музыкѣ, взоръ ихъ нѣжится кроткимъ и мирнымъ свѣтомъ, льющимся сквозь «витро» соборовъ. И они воображаютъ, что оказываютъ великую честь вѣрующимъ людямъ, сообщая имъ, что они обладаютъ евангеліями и часо-

словами въ старинныхъ пергаментныхъ переплетахъ, они носятъ распятія, спрятанныя на груди и обмакиваютъ свои пальцы въ святую воду. Таинственно поводя глазами, они это называютъ реакціей. Но какая же это реакція? Христіанство выражается не въ этомъ. Не будемъ играть словами. Для васъ религія то же, что старинная меблировка въ строгомъ стилѣ, въ рамки которой нашъ вѣкъ, въ силу какого-то страннаго противорѣчія, любитъ вставлять легкость своихъ нравовъ и безсодержательность своихъ рѣчей. Я даже думаю, что, опровергая религію, ей оказываютъ больше уваженія, нежели воздавая ей такія странныя почести.

* * *

Что же сказать о другомъ видѣ реакціи, представляющемъ собою ничего болѣе, какъ политическій маневръ подъ личиной нравственности и религіи? Ее слѣдуетъ заклеймить, какъ злѣйшую профанацію и верхъ лицемѣрія. Насколько намъ симпатичны самое искреннее убѣжденіе и даже самобытное (volontaire) вѣрованіе, настолько же намъ—отвратительна эта безбожная спекуляція святыней. Потому что здѣсь вѣра является слугой, рабой, подвергаемой униженію. И если что способно заставить презирать ее, то это именно позорное обобщеніе ея съ происками и интригами политикановъ. Юношество, воспитанное въ такомъ духѣ, не можетъ не проникнуться скептицизмомъ. Вѣра заслуживаетъ уваженія только тогда, когда она безкорыстна, милосердна и когда исповѣдующій ее готовъ ради нея

на всякую жертву. Когда честолюбецъ пользуется ею для того, чтобы пробить себѣ дорогу, когда пьяница выпрашиваетъ копѣйку ради Христа—это уже не вѣра, а нѣчто болѣе печальное и ужасное, чѣмъ отрицаніе (le néant).

* * *

Намъ остается еще высказать свой взглядъ на реакцію чисто политическаго свойства безъ всякой примѣси религіи или философіи, представляющей собою нѣчто вродѣ реставраціи самовластія, режима сабли и палки, долженствующаго держать въ повиновеніи буйныя вожделѣнія и проповѣдуемаго изступленными юношами, которыхъ раздражаютъ демократическія требованія. *Oderint dum metuant,*—говорятъ они, повторяя знаменитое изреченіе того, кто въ теченіе 20 лѣтъ приводилъ его въ исполненіе и кого принято называть старымъ апостоломъ силы. Я не вѣрю въ успѣхъ подобной реакціи ни во Франціи, ни въ какой другой странѣ. Первое условіе мощнаго деспотизма состоитъ въ томъ, что онъ вѣритъ въ самого себя. Нужно, чтобы онъ неуклонно шелъ до конца, безжалостно наступая на волю и сердце. Но тайная слабость деспотическаго могущества въ нашъ вѣкъ заключается въ томъ, что оно перестало вѣрить въ самого себя. Духъ времени заразилъ его вопреки ему самому. Онъ поколебалъ сердце толпы. Лишенная такимъ образомъ своей двойной поддержки, дискредитированная въ глазахъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ она находится, и тѣхъ, кого она должна покорить, сила постепенно теряетъ почву

изъ-подъ ногъ. Презирая факты, не относящіеся къ области матерьяльнаго, она тѣмъ не менѣе стоитъ въ зависимости отъ состоянія умовъ, которое никто не можетъ настроить на свой ладъ, потому что оно результатъ не произвола, а необходимости. Нужно, чтобы каждому стало ясно, что: *плоть не царитъ болѣе въ мірѣ съ тѣхъ поръ, какъ она перестала царить въ душѣ человѣческой.* Великая эволюція, совершающаяся въ каждомъ цивилизованномъ обществѣ, не взирая на форму его управленія, эволюція, которую не остановятъ ни жалобы однихъ, ни притѣсненія другихъ, заключается въ постепенномъ переходѣ отъ внѣшней власти, основанной на принужденіи, къ внутренней власти, которая есть ничто иное, какъ авторитетъ, основанный на уваженіи и убѣжденіи. Всѣ общественныя функціи, отъ самой скромной до самой значительной, отъ отеческихъ правъ до правительственной власти подвергаются медленному преобразованію. Теперь уже не достаточно человѣку занимать какой нибудь постъ, чтобы заслужить уваженіе, но нужно, чтобы онъ самъ относился съ уваженіемъ къ своему посту. Можно ли допустить возможность эволюціи одной внѣшней стороны общественнаго ума, не касающейся самой его сущности и не захватывающей всѣхъ его областей? Чтобы это допустить, нужно не имѣть никакого представленія о силѣ идей. Легче одной рукой сдвинуть гору съ мѣста, нежели поколебать идею, твердо обоснованную на совѣсти и здравомъ смыслѣ человѣчества, скопленную песчинка по песчинкѣ вѣковымъ трудомъ опыта.

И вотъ выводъ: спасеніе не въ реакціи противъ духа времени. Вмѣсто того, чтобы возбуждать молодежь, передѣлывать ее на свой ладъ. и отрѣшать отъ міра ради личныхъ интересовъ, возстанавливать ее противъ времени, которое идетъ впередъ и будетъ идти несмотря ни на что, заключите лучше союзъ со всѣмъ, что нашъ вѣкъ представляетъ хорошаго, чтобы бороться со всѣмъ, что въ немъ есть дурного и пагубнаго. Если вы можете ему что нибудь дать, то дайте безкорыстно. Это лучшій способъ сохранить для міра доброе, что въ васъ есть и за что вы стоите, я скажу даже, что это самый христіанскій способъ выполненія вашей важной миссіи.

X.

Предстоящій путь.

> **Я боюсь, чтобы работа XX вѣка не состояла въ извлеченіи изъ корзины множества превосходныхъ идей, которыя въ нее легкомысленно отбросилъ XIX вѣкъ.**
>
> Э. Ренанъ.

Тревожное впечатлѣніе, произведенное на насъ обзоромъ современнаго состоянія общества, усилилось по мѣрѣ того, какъ мы обходили ряды молодежи. Замѣшательство и анархія — вотъ термины, лучше всего опредѣляющіе состояніе умовъ. Все видѣнное нами представляетъ собою продолженіе и осложненіе прежняго положенія вещей. И если бы мы могли сказать по поводу современной молодежи только это, наша книга представляла бы печальное явленіе и мы бы ее не написали. Къ чему послужило бы засвидѣтельствованіе факта нашего упадка и того, что мы все быстрѣе и быстрѣе катимся подъ гору? Къ счастью, это не все. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ темной стороной положенія. Но существуетъ нѣчто иное, столь же реальное, о чемъ мы будемъ говорить дальше.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о разочарованности, все болѣе и болѣе овладѣвающей умами. Весьма мало людей удовлетворяются жизнью безъ вѣры, безъ надежды и безъ любви. Даже циники впадаютъ иногда въ меланхолію. Міръ въ теперешнемъ своемъ видѣ мало кому приходится по вкусу. Это хорошій признакъ. Конечно одна разочарованность насъ далеко не подвинетъ. Но эта почти поголовная неудовлетворенность уже много значитъ. Она представляетъ собою отрицательную форму стремленія къ лучшему положенію вещей. Это стремленіе становится сознательнымъ у тѣхъ, кто въ своей разочарованности спрашиваетъ себя, не сбились ли мы съ дороги. Съ нѣкоторыхъ поръ многіе, но преимущественно молодые люди, задаютъ себѣ этотъ вопросъ. Другіе, болѣе передовые, положительно утверждаютъ, что мы сбились съ пути. Для нихъ опытъ матеріалистической науки и реализма является самымъ убѣдительнымъ во всѣхъ областяхъ. Дерево судятъ по плодамъ и находятъ его дурнымъ. Мы изнемогаемъ духовно и тѣлесно потому, что нарушены великіе и святые законы. Но недостаточно быть только разочарованнымъ или желать перемѣны. Мы старались это доказать, говоря о реакціонной молодежи. Какую пользу принесли бы обществу внезапные переходы отъ одной крайности къ другой? Это все равно, что хотѣть вылечиться отъ увѣчья, изувѣчивъ себя инымъ способомъ. Міръ, въ которомъ реакція сулитъ намъ обновленіе, уже успѣлъ заявить себя фактами. Человѣчество не дождалось наступленія этого вѣка, чтобы убѣдиться,

что ему въ немъ тѣсно и душно. Невозможно, чтобы уроки исторіи были настолько позабыты образованной молодежью, чтобы она могла допустить возможность всеобщаго реакціонного движенія. Достаточно хорошенько приглядѣться ко всему окружающему, чтобы убѣдиться, что чисто реакціонныя наклонности, внѣ порождающей и поддерживающей ихъ среды, встрѣчаются очень рѣдко.

Независимые молодые люди, глубоко затронутые современными вопросами, ищутъ ихъ разрѣшенія въ менѣе узкомъ и призрачномъ смыслѣ. Иные, число которыхъ день ото дня увеличивается, начинаютъ понимать, что спасти насъ можетъ только приближеніе къ нормальной жизни, возвращеніе къ ея элементарнымъ основамъ, воспринятіе добра со всѣхъ сторонъ, отъ настоящаго и прошлаго, отрѣшеніе отъ личныхъ влеченій и партійныхъ интересовъ ради того, чтобы стать просто людьми.

На этомъ пути, избираемомъ частью нашей молодежи, у нея были предшественники. Порядокъ вещей, продолжавшійся въ теченіе стольких лѣтъ, долженъ былъ поразить нѣкоторые умы. Могли ли люди, мыслящіе и проникающіе въ глубину явленій, не замѣтить того, что научный матеріализмъ, индустріализмъ, милитаризмъ, утилитаризмъ, всѣ эти продукты, которые реакція желаетъ поставить на счетъ духу новѣйшаго времени, представляютъ собою лишь самое грубое отрицаніе его. Это не могло такъ оставаться. Произошло то, что и должно было произойти. Люди, въ душѣ ко-

торыхъ съ наибольшей силой отозвались противорѣчія вѣка, безпрерывно указывали на крайности въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ, преслѣдовали ихъ и въ дни тяжкихъ испытаній высоко держали знамя человѣческаго достоинства, святыни души, высшаго авторитета совѣсти, всего того, что такъ называемое положительное міровоззрѣніе и закоренѣлая авторитетность считаютъ химерой. Изъ цѣлаго ряда именъ я назову только два Эдг. Кинэ и Мишле — истинныхъ пророковъ духа нашего времени. Потокъ литературы всѣхъ оттѣнковъ заглушилъ ихъ голосъ; но сказанное ими не утратило своего значенія, и теперь, въ послѣднее время, они даже въ большей степени правы, потому что правда ярче выступаетъ по мѣрѣ преуспѣянія неправды. Эти люди, которыхъ менѣе всего можно заподозрить въ желаніи унизить науку или демократію, однако же не переставали указывать на злоупотребленія и заблужденія, возставая противъ стараго порядка авторитетнаго режима. Въ школѣ исторіи они научились уважать человѣческую душу, неприкосновенность ея стремленій и правъ, ея ненависть къ тираніи и ихъ слово звучитъ правдиво, потому что оно проникнуто внутренней гармоніей ихъ мысли. Среди колебаній общества между скептицизмомъ и слѣпой вѣрой, анархіей и деспотизмомъ они нашли прямую дорогу. Рѣшенія мучающихъ насъ вопросовъ слѣдуетъ искать въ намѣченномъ ими направленіи. Я говорю, разумѣется, объ общемъ направленіи.

Вотъ слова Эдг. Кинэ, въ которыхъ выражается его

10*

забота о будущемъ. «Пчела заранѣе готовитъ кормъ еще не развившейся личинкѣ. Возьмемъ примѣръ съ нея. У колыбели нарождающагося міра подготовимъ ему питательный матеріалъ». Въ томъ же сочиненіи (l'Esprit nouveau) мы читаемъ: «Когда я вижу, какъ ураганъ уноситъ современныя поколѣнія, какъ какое-то неистовство охватываетъ человѣческую душу, я не считаю особенной самонадѣянностью желаніе уравновѣсить расшатанные умы. Время, изобилующее такими страшными недугами, должно обладать и средствомъ противъ нихъ. Оно есть, и можетъ быть у насъ подъ руками.

«Морякъ во время бури велитъ привязать себя къ крѣпкой мачтѣ, чтобы не быть сброшеннымъ въ море. Я тоже привязалъ себя къ тому, что нашелъ около себя самаго прочнаго — къ идеямъ и истинамъ, которыя переживутъ насъ всѣхъ.

«Чего же намъ не хватаетъ теперь, чтобы окончательно выбраться изъ бездны? Момента искренности».

А вотъ еще страница изъ Мишле, которая кажется написанной не далѣе, какъ вчера, такъ вѣрно она опредѣляетъ настоящее положеніе.

«Несомнѣненъ фактъ, что одновременно съ ростомъ матерьяльнаго и интеллектуальнаго прогресса понизился уровень нравственности. Все идетъ впередъ и развивается, только одна душа оскудѣла.

«Въ торжественную минуту, когда сѣть электрическихъ проволокъ, раскинутая надъ всей землею, должна будетъ централизовать ея мысль и дать ей возмож-

ность познать себя, какую душу дадимъ мы ей? Что же будетъ, если старая Европа, на которую она возлагаетъ всѣ свои надежды, дастъ ей обнищавшую душу?»

«Европа стара и въ то же время молода, потому что постоянное обновленіе ея генія спасаетъ ее отъ порчи. Она одна знаетъ, видитъ и предвидитъ. Пусть она сохранитъ волю и все будетъ спасено».

Эта способность ее никогда не покидала и теперь начинаетъ съ новой силой проявлять себя въ системѣ народнаго образованія во всей его совокупности.

Тутъ происходитъ медленная и основательная работа, благопріятный результатъ которой все болѣе и болѣе выясняется.

Въ 1890 г. министръ народнаго просвѣщенія Л. Буржуа, охарактеризовавъ предварительно различныя старыя педагогическія системы, говорилъ между прочимъ слѣдующее:

«Наша педагогическая дѣятельность несомнѣнно должна расшириться. Ничто изъ прошлаго ей не безполезно и не чуждо. Надняхъ великій французскій мыслитель опредѣлилъ задачу нашего образованія такъ: оно должно проявить эволюцію всего человѣчества въ каждомъ отдѣльномъ умѣ.

«Послѣдовательный рядъ философскихъ положеній служилъ подготовкой современному состоянію человѣческаго ума; каждый отдѣльный культурный процессъ приноситъ свою долю пользы и наша задача заключается въ томъ, чтобы признать въ каждомъ изъ нихъ и оставить за собою то, чѣмъ онъ мо-

жетъ быть полезенъ образованію и развитію современнаго ума».

Рѣчь 1891 г. подтверждаетъ предыдущую, указывая на устойчивость и твердость даннаго направленія.

«Служите идеалу! Идеалъ не только бодрящая и живительная волна чистаго воздуха въ удушающей отмосферѣ человѣческаго эгоизма, поднимающая человѣка выше сомнѣній обыденной жизни, не только руководящій и спасительный свѣточъ, — онъ нѣчто большее: имѣть идеалъ значитъ не сомнѣваться въ смыслѣ жизни.

«Мм. гг., мы готовимъ юношество не для какой нибудь карьеры, а для жизни. Если мы признаемъ, что дать человѣку идеалъ значитъ дать направленіе его жизни, побудительную причину всѣхъ его поступковъ, то мы признаемъ въ этомъ конечную цѣль образованія и высшую обязанность учителя.

«Мм. гг. Годъ тому назадъ я пытался доказать вамъ, какъ важно для образованія французскаго юношества, чтобы университетъ обладалъ общностью мысли, единствомъ доктрины. Но насколько важнѣе это единство доктрины въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія, если университетъ хочетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть и чего отъ него требуетъ страна—средоточіемъ національнаго самосознанія, отражающагося въ каждомъ новомъ поколѣніи и импульсомъ въ жизни и совѣсти каждаго изъ своихъ питомцевъ.

«Когда я говорю объ единствѣ доктрины, долженъ ли я прибавить, что дѣло не въ томъ, чтобы внушить

умамъ философскую систему или обнародовать метафизическій догматъ происхожденія добра и зла?

«Республиканскій университетъ уважаетъ всѣ вѣрованія и подаетъ примѣръ терпимости самымъ ярымъ своимъ противникамъ. Но какого бы мнѣнія ни держались относительно проблемъ, вѣчно представляющихся человѣческому уму, идея добра существуетъ и, по выраженію одного великаго французскаго философа, эта идея— фактъ, а фактъ — сила. И съ тѣхъ поръ, какъ люди живутъ общественной жизнью, эта сила не переставала воздѣйствовать на нихъ, смягчая жестокость, сглаживая неровности, замѣняя произволъ справедливостью, притѣсненіе свободой, враждебность солидарностью, расширяя кругъ обязанностей каждаго добросовѣстнаго человѣка по отношенію ко всѣмъ и, вопреки возвратамъ къ прошлому, вопреки частнымъ пораженіямъ правды и права, вопреки временному торжеству произвола, — приближая человѣчество съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе къ высшему состоянію мира, равновѣсія и примиренія».

Въ этихъ словахъ выражается законная забота о будущемъ. При разрѣшеніи задачъ образованія мы легче, чѣмъ когда-либо, убѣждаемся въ пустотѣ нѣкоторыхъ доктринъ. Чтобы уяснить себѣ качество философской системы или даже какого-либо изъ принциповъ мышленія или поступковъ, достаточно отдать себѣ отчетъ въ ихъ воспитательномъ значеніи. Вполнѣ естественно, что люди, поставленные во главѣ народнаго образованія, задаются вопросами:

«Чѣмъ будутъ жить наши потомки, если они ни во что не будутъ вѣрить, ни на что не будутъ надѣяться, ничего не будутъ уважать? Что ихъ поддержитъ, успокоитъ, дастъ имъ силу жить и умереть въ мирѣ?»

Мы такіе же люди, какими были наши предки. Несмотря на всѣ внѣшнія измѣненія, у насъ тѣ же душевныя потребности. Можетъ ли исчезнуть съ лица земли все то, что вдохновляло ихъ? Конечно, формы понятій измѣнились, міровоззрѣніе стало иное. Въ силу опыта мы должны протестовать противъ нѣкоторыхъ вѣрованій. У насъ тоже есть свое *non possumus*. Но нѣтъ ли подъ обветшалыми формами прошлаго неизмѣнныхъ истинъ, которыми мы можемъ пользоваться? Ничто такъ не способствуетъ изобрѣтательности, какъ нужда и голодъ. Ужасающая захудалость нашей духовной жизни навела насъ на здравыя размышленія. Мы начали относиться къ прошлому не съ подобострастіемъ, но съ желаніемъ проникнуть въ его душу. И это прошлое, казавшееся исчезнувшимъ въ туманѣ, вдругъ озарилось новымъ свѣтомъ. Видя, какъ оно тоже ощупью и окольными путями подходило къ истинѣ, постепенно создавало себѣ духовную отчизну, мы его поняли лучше, чѣмъ тѣ, которые представляютъ намъ его общій обликъ, геральдическій и холодный. Подъ этими суровыми формами мы нашли жизнь, тепло, непосредственность. Такимъ образомъ, предки, вступивъ съ нами въ сношеніе черезъ посредство исторіи и будучи нашими духовными отцами, дали намъ наставленіе: *присоедините все лучшее изъ*

пріобрѣтеннаго вами ко всему лучшему изъ того, что мы вамъ оставили въ наслѣдство и вы будете жить, и воссоздадите себѣ духовную отчизну.

* * *

Лучшіе представители нашего молодого поколѣнія охвачены тѣми же заботами. Въ то время, какъ масса продолжаетъ отдаваться теченію реализма, нѣкоторые перемѣнили направленіе и обратили свой взоръ къ инымъ горизонтамъ. Мыслящихъ молодыхъ людей тяготитъ современная дѣйствительность. Въ ней столько разочарованій! На развалинахъ старины, посреди необработанныхъ матерьяловъ новаго зданія, столкновеній противоположныхъ теченій, окруженная соціальными бѣдствіями и проявленіями рабства, которое нашъ вѣкъ влачитъ за собою, какъ гнусное рубище подъ королевской мантіей, наше юношество рано познало страхъ за будущее. Зрѣлище позора, безумствъ, ограниченности, злоупотребленій грубой силы, столкновеній интересовъ, великой борьбы людей съ существующимъ порядкомъ вещей пробудило въ молодежи благородное отвращеніе и жажду справедливости и умиротворенія.

Въ интеллектуальномъ отношеніи эта жажда выражается живымъ интересомъ ко всякому проявленію человѣческаго ума. Случилось то, что весьма рѣдко случается съ молодыми людьми, но тѣмъ не менѣе составляетъ знаменіе времени,—они перестали вѣрить, чтобы истину можно было заключить въ формулу и ищутъ ее повсюду, гдѣ человѣкъ мыслилъ, работалъ и стра-

далъ. Конечно, такое стремленіе ума напоминаетъ многостороннюю любознательность диллетанта, но часто оно служитъ признакомъ скромной осторожности и жажды знанія. Въ своей рѣчи на банкетѣ ассоціаціи студентовъ, президентъ ея H. Béranger охарактеризовалъ это стремленіе словами, идущими въ разрѣзъ съ духомъ партіи.

«Наша ассоціація не изъ тѣхъ, члены которыхъ становятся подъ эфемерныя знамена интересовъ и страстей партіи. Она медленно, но вѣрно преслѣдуетъ задачу мира и науки. Она относится съ величайшимъ уваженіемъ къ личности, оставляетъ неприкосновенными личныя, нравственныя и политическія убѣжденія и религіозныя вѣрованія. Она не примыкаетъ ни къ какой партіи, ни къ какой сектѣ. Мы хотимъ остаться французами и студентами, вѣрными духу науки, т. е. духу беспристрастной терпимости и духу демократіи, т. е. духу справедливости и доброты. У насъ только двѣ заботы: о высшемъ умственномъ развитіи и улучшеніи соціальнаго быта, потому что одно вырабатываетъ индивидуальность, а другое очищаетъ ее. Надъ вѣрованіями, которыя разъединяютъ людей, возвышаются стремленія, которыя ихъ соединяютъ. Мы отдаемъ предпочтеніе послѣднимъ».

Чтобы яснѣе обрисовать главную черту этой молодежи, заключающуюся въ ея почтительной независимости, я скажу, что она любитъ науку, считаетъ ее одною изъ основъ человѣчества, знаетъ, чѣмъ мы ей обязаны и чего можемъ отъ нея ожидать. Она охотно

аплодируетъ словамъ М. де-Вогюэ, сказаннымъ имъ въ 1890 г. на банкетѣ ассоціаціи:

«Время разберетъ и, можетъ быть, совершенно отринетъ нѣкоторые результаты, достигнутые наукой; наши системы синтеза не будутъ, можетъ быть, долговѣчнѣе системъ нашихъ предшественниковъ. Но наши методы анализа, нашъ раціональный взглядъ на вещи, общее научное направленіе ума—вотъ пріобрѣтенія, которыя не могутъ погибнуть во всеобщемъ крушеніи цивилизаціи. Это убѣжденіе стало основой нашего разумѣнія; все, что мы возстановимъ, мы возстановимъ на незыблемомъ фундаментѣ».

Но въ то же время эта молодежь отдаетъ себѣ отчетъ въ силѣ и безсиліи науки: «прежде всего нужно признать,—говоритъ Беранже,—что наука и демократія, не руководимыя высшимъ примиряющимъ ихъ принципомъ, сами по себѣ ничто иное, какъ жестокія и слѣпыя силы. Наука не удовлетворяетъ сама себя. Къ чему въ самомъ дѣлѣ сводятся всѣ новѣйшія обобщенія науки, какъ не къ установленію существованія движенія, которое само по себѣ не понятно, если не будетъ установлено сокрытое (mystérieuse) существованіе силы, т. е. представленіе чисто психологическое? Въ основу современной науки легъ постулатъ, выработавшійся въ умѣ. Демократія тоже была бы только дикой борьбой интересовъ и классовъ, если бы надъ нею не господствовалъ духъ справедливости и человѣколюбія. Слѣдовательно, мы приходимъ къ окончательному выводу, что умъ долженъ руководить современной эволю-

ціей, а самый умъ долженъ руководствоваться самымъ высшимъ, дѣятельнымъ и плодотворнымъ началомъ—любовью».

Въ этихъ словахъ много искренности и правды. Многостороннія наблюденія надъ учащеюся молодежью, чтеніе разнообразныхъ литературныхъ произведеній молодыхъ писателей убѣдили меня въ томъ, что эти стремленія не имѣютъ единичнаго характера. Выясняется новое направленіе. Нерѣдко теперь молодые люди, занимающіеся интеллектуальными вопросами посмѣиваются надъ двумя грозными божествами: анализомъ и критикой. Это не значитъ, что они утратили познавательныя способности и, отрицая таинственнность, впали въ противоположную крайность, не признавая правъ разума и сужденія. Но они убѣдились, что критика, основанная на точкѣ зрѣнія положительныхъ наукъ и примѣняемая безъ разбора во всѣхъ областяхъ ума—заблужденіе. Примѣнять сужденіе въ этомъ смыслѣ, значитъ вовсе не имѣть сужденія. Каждый замокъ отпирается подходящимъ къ нему ключомъ. Извѣстнаго сорта критика могла бы прямо упразднить исторію своимъ способомъ пониманія исторической вѣрности, какъ она упраздняетъ явленія духовнаго міра, упрямо признавая за фактъ только то, что имѣетъ матерьяльное значеніе. Эта великая истина, такъ громко провозглашенная Г. Лотце: *роль механизма во вселенной столь же универсальная, какъ и абсолютно подчиненная* *)—медленно

*) H. Lotze: Microkosmos.

выясняется въ умахъ.—Чрезмѣрный анализъ, породившій въ средѣ молодежи серьезные недуги, теряетъ свой престижъ. И несмотря на то, что онъ называетъ себя неумолимымъ, онъ для многихъ утратилъ свое очарованіе. Они видятъ передъ собою уже не стоглазое чудовище, всевидящее и изслѣдующее ихъ мозгъ и кости, но неосновательное и подъ-часъ даже смѣшное притязаніе. Ихъ непочтительность доходитъ до того, что математически точные анализы того, изъ чего мы состоимъ, какъ мы чувствуемъ, думаемъ, живемъ, по ихъ мнѣнію, въ большинствѣ случаевъ ничто иное, какъ кромсанье и фокусничество. Такъ наши дѣти потрошатъ своихъ полишинелей, а искусные фокусники вытаскиваютъ цѣлыя груды вещей изъ одной шляпы. Чтобы имѣть право сказать, что насъ анализировали, надо мочь насъ разобрать по частямъ и снова собрать.

Прошло то время, когда достаточно было краткихъ свѣдѣній о нашемъ матеріальномъ «я», чтобы объяснить себѣ, что такое человѣкъ. Явились вопросы, о которыхъ тѣ, кто называетъ мысль выдѣленіемъ мозга, не имѣли представленія и въ которыхъ не сомнѣваются умы, не отдѣляющіе психологію отъ физіологіи. Выраженіе: *я знаю,* прежде столь самонадѣянное, встрѣчаетъ повсюду недовѣріе. Чувство таинственнаго, которое есть въ сущности ничто иное, какъ одна изъ формъ чувства дѣйствительнаго, пробудилось и пошло навстрѣчу неизвѣстному. Людей мыслящихъ теперь поражаетъ то, что никто не можетъ объяснить процессъ жизни, перекинуть мостъ черезъ пропасть, от-

дѣляющую вещественное движеніе отъ мысли, даже отъ простого ощущенія, что въ кругу повседневныхъ явленій, въ которомъ мы такъ легко вращаемся, существуютъ тайны безъ числа. Этимъ не подрывается уваженіе къ наукѣ, но поддерживается уваженіе къ человѣку, къ неосязаемымъ и невидимымъ явленіямъ.

* * *

Разумѣется, было бы безразсудно черезчуръ легко предаться надеждѣ. Трудно взбираться на гору, съ которой мы такъ быстро скатились. Но теченіе существуетъ, обладаетъ положительнымъ свойствомъ и увлекаетъ не одну только молодежь. Повсюду люди ищущіе и мыслящіе стараются приподнять свинцовый навѣсъ, подъ тяжестью котораго люди не могутъ примириться съ жизнью.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ симптомовъ исканія предстоящихъ путей выражается въ исключительномъ вниманіи, съ которымъ самые разнородные умы относятся къ религіозному чувству, остававшемуся прежде въ такомъ пренебреженіи. Въ этой области замѣчается большое разнообразіе взглядовъ и часто полное отсутствіе исторической компетентности. Одни смѣшиваютъ католицизмъ съ христіанствомъ и въ будущемъ видятъ спасеніе въ немъ, другіе говорятъ о возрожденіи Евангелія въ духѣ времени, третьи увлекаются эзотеризмомъ, теософіей, сравнительнымъ изученіемъ религій, четвертые убѣждены въ томъ, что откроются новые горизонты, столь обширные, что мы увидимъ наконецъ

такъ неустанно преслѣдуемый синтезъ всего прошлаго и настоящаго. «Одна изъ особенностей нашей молодежи, — я подразумѣваю молодежь мыслящую, — это тоска по Богѣ» (Lavisse, la génération, 1890). Мы съ удовольствіемъ приводимъ это свидѣтельство. Какъ бы ни были несовершенны сами по себѣ эти проявленія, съ ними можно поздравить: важно состояніе ума, порождающее ихъ. Интересно прослѣдить, какое вліяніе оказываетъ оно на разработку исключительно религіозныхъ вопросовъ. Тутъ мы все чаще и чаще встрѣчаемся съ молодыми людьми, отрѣшившимися отъ крайностей. Въ то время, какъ ихъ предшественники замкнулись въ ортодоксальность и раціонализмъ и эти архаическіе ярлыки продолжаютъ служить массѣ, мы видимъ какъ рѣшительно они пробиваютъ себѣ новую дорогу. Они пошли дальше точки зрѣнія непримиримыхъ правовѣрій и дальше точки зрѣнія отрицательной критики — два преувеличенія, одинаково безсильныя въ духовныхъ вопросахъ. Они задались цѣлью ничего не утратить изъ преданія, не жертвовать правами настоящаго, брать истину всюду, гдѣ бы она ни оказалась, воздавать ей хвалу и переводить ее на общедоступный и всѣмъ понятный языкъ. Имъ ненавистенъ духъ партіи, столь долгое время руководившій людьми, близко стоящими къ этому дѣлу и, увы, продолжающій искушать ихъ.

* * *

Очень молодая литература постепенно принимаетъ все новые и новые оттѣнки. Мистицизмъ, то здоровый, то болѣзненный, постоянно контрастируетъ съ реализмомъ предшествовавшаго періода и проявляется во множествѣ поэтическихъ и другихъ литературныхъ произведеній. Нерѣдко мы встрѣчаемъ у молодыхъ писателей страницы, которыя еще недавно показались бы странными, даже невозможными и которыя подготовляютъ почву для новой литературной флоры. Броженіе распространяется и становится все сильнѣе. Не зная другъ друга, не сговариваясь, занимающіеся наукой молодые люди сходятся въ однородности стремленій и часто выражаютъ ихъ въ одинаковой формѣ. Словомъ, въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то новымъ.

* * *

Но еще болѣе, чѣмъ проявленія мысли, ищущей новыхъ законовъ и основъ нравственности, мы привѣтствуемъ другое движеніе, обозначающееся съ нѣкотораго времени въ средѣ молодежи. Оно еще очень слабо, если судить по практическимъ результатамъ (они начинаютъ оказываться), но вполнѣ реально.

Я говорю о соціальномъ движеніи. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ это движеніе станетъ рычагомъ человѣческой мысли и дѣйствій. Въ этой исключительной формѣ найдутъ себѣ временное разрѣшеніе философскія, религіозныя, научныя и международныя задачи, занимающія современные умы. Онѣ всѣ сводятся, какъ отдѣльныя части одной

великой задачи человѣчества, къ одному вопросу устройства жизни. Всѣ сферы моральнаго и матеріальнаго направленія современной жизни въ наше время должны считаться съ соціальными вопросами. Они такъ разрослись, что становятся передъ великими и малыми міра сего. Самыя стародавнія духовныя и матеріальныя могущества, наиболѣе привыкшія не обращать вниманія на мнѣніе большинства, на его счастье или несчастье, и творить свою волю, начали вдругъ прислушиваться къ столь презираемымъ прежде вопросамъ. Еще разъ повторилось, что камень, отброшенный строителями, сталъ камнемъ угла. Люди, привыкшіе видѣть учащуюся молодежь впереди всякаго новаго движенія, удивлялись, видя ее бездѣйствующей и безстрастной передъ лицомъ соціальныхъ вопросовъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ они для многихъ не существовали. Къ счастью, теперь они охватили многіе молодые умы и находятся въ надежныхъ рукахъ. Молодежь ихъ беретъ въ ихъ широко-гуманномъ смыслѣ, въ какомъ они и должны быть взяты. Они много пострадали отъ того, что къ нимъ относились иначе. Корыстные интересы, недостойное властолюбіе слишкомъ часто овладѣвали соціальными вопросами, эксплуатировали ихъ и лишали значенія. Для толпы эти вопросы очень легко принимаютъ чисто матеріальный характеръ. Наша учащаяся молодежь можетъ способствовать должному развитію и расширенію этихъ вопросовъ и выяснить элементы соціальной задачи въ смыслѣ всеобщей задачи человѣчества. Я еще

вернусь къ этому предмету, а пока отмѣчу, какіе прекрасные плоды принесло соціальное движеніе въ средѣ молодежи. Оно пробудило въ ней духъ единства и солидарности, сплотило и обосновало ее. Оно уничтожило разстояніе между профессорами и студентами. Сходясь въ дружескихъ собраніяхъ, о которыхъ они сохранятъ на всю жизнь добрую память, они напали на счастливое открытіе, что они между собою братья, члены одного общества. Мудрено вообразить себѣ, что люди могутъ жить и умирать не познавъ этой старой и святой истины!

Я считаю учрежденіе нашей *общей ассоціаціи студентовъ* и другихъ подобныхъ обществъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ средѣ современнаго юношества. Одновременно съ ихъ возникновеніемъ, учащуюся молодежь потянуло къ народу. Они еще не знаютъ другъ друга, но достаточно желанія сблизиться съ одной стороны для подготовки этого сближенія. Честные и дѣятельные люди видятъ въ этомъ вѣрное указаніе будущаго направленія предстоящаго намъ пути. Я не могу не привести здѣсь словъ Ж. Ферри, произнесенныхъ имъ на банкетѣ ассоціаціи студентовъ въ 1890 г. «Вамъ должны быть дороги эти великія страданія, о которыхъ такъ краснорѣчиво говорилъ сейчасъ вашъ президентъ; вы должны любить этотъ пролетаріатъ, отъ котораго мы всѣ стоимъ, можетъ быть, слишкомъ далеко — не по симпатіямъ, потому что мы ему горячо сочувствуемъ, не по дѣламъ, потому что мы много для него сдѣлали, гораздо больше, чѣмъ

онъ думаетъ, чѣмъ сколько ему даютъ это понять, но мы не оказываемъ ему личнаго содѣйствія, не входимъ съ нимъ въ непосредственныя личныя сношенія».

Молодежь выражаетъ свои соціальныя заботы стремленіемъ къ дѣятельности, склонностью къ людямъ дѣла и писателямъ, которые, подобно М. де-Вогюэ, въ своихъ произведеніяхъ проводятъ бодрый взглядъ на жизнь и указываютъ на новыя причины для борьбы и надежды.

Извѣстныя настроенія умовъ, къ которымъ прежде относились съ такимъ уваженіемъ, считаются теперь нерадивостью и дезертирствомъ. Человѣкъ долженъ самолично участвовать въ общемъ дѣлѣ. Мы снова начинаемъ вѣрить въ значеніе усилія, въ нравственную силу и ея преобладаніе надъ всякой иной силой. Оптимисты смѣняютъ пессимистовъ, а соціологи эготистовъ. Но каковы бы ни были причины настоящаго преобразованія — ему слѣдуетъ порадоваться. Откуда бы ни вернулось довѣріе въ молодые умы — оно желанный гость. Я знаю, что молодые люди строги, даже до несправедливости, къ своимъ предшественникамъ. Тѣ, которые нынче не безъ гордости носятъ на головѣ украшенный развѣвающимися перьями шлемъ политики, были бы очень удивлены, если бы услыхали, какъ ихъ будутъ судить ихъ ближайшіе преемники, въ глазахъ которыхъ они — представители другой эпохи, какъ бы даже другой фауны. Доктрины партій, тонкости различій между нѣкоторыми изъ нихъ, множество современныхъ вопросовъ, всѣ эти столкновенія изъ-за пустя-

11*

ковъ, и въ то же время, эта неспособность къ обновленію,— все это будетъ для нихъ явленіями давно минувшей цивилизаціи. Молодые романтики 1830 г. съ меньшимъ сарказмомъ относились къ классикамъ, чѣмъ наши соціологи относятся къ политикамъ.

«Житейская практика исправитъ эти крайности; но очень утѣшительно видѣть, что молодые люди хотятъ быть полезными въ жизни; что они относятся къ ней серьезно; что они ясно видятъ свои обязанности; что ихъ занятія и мышленіе направлены къ отысканію новыхъ путей и средствъ къ выполненію ихъ задачъ; что ихъ молодой разсудокъ согрѣтъ чувствомъ и что умственный взоръ ихъ устремленъ вдаль» *).

Какая же причина этой перемѣны теченія? Не слѣдуетъ ли видѣть въ ней лишь естественную реакцію, вызванную стремленіями предшествовавшаго періода? Разумѣется, это въ значительной степени такъ, но не удивительно ли, что между двумя ближайшими поколѣніями наблюдается такой контрастъ? Что до меня касается, то я не могу не воздать хвалы моему отечеству за это новое направленіе (l'esprit nouveau). Возрожденіемъ вѣры въ энергію мы обязаны той силѣ энергіи, въ которой сосредоточилось столько доброй воли и упорныхъ надеждъ, при помощи которыхъ мы достигли того, что называютъ нашимъ возстановленіемъ (relèvement). Этотъ фактъ уже самъ по себѣ служитъ опроверженіемъ рокового могущества грубой силы и подтвержденіемъ

---

*) Lavisse: La génération de 1890.

духа времени. Нѣтъ ничего удивительнаго, что молодежь воспользовалась этимъ урокомъ. Для всякаго, кто не слѣпъ, этотъ урокъ представляется величайшимъ изъ всѣхъ. Онъ повліялъ не на одну молодежь. Не наблюдаемъ ли мы параллельно съ пробужденіемъ вѣры въ таинственное, въ человѣческое достоинство и общественную справедливость, другое движеніе, намѣчающееся далеко за этими предѣлами? Душа человѣческая начинаетъ содрогаться подъ тяжкимъ ярмомъ матеріализма въ области идей и грубой силы въ области фактовъ. Право крѣпнетъ, сила слабѣетъ. Повсюду колеблется вѣра въ чисто матеріальную силу. Въ концѣ переживаемаго нами періода, когда казалось, что справедливость и любовь навѣки заглушены, наше сердце вдругъ затрепетало при одномъ ихъ имени. Поразительное знаменіе времени! *Въ Европѣ оттепель и молодежь чувствуетъ приближеніе весны.* Въ данную минуту, когда иные еще упорствуютъ въ восхваленіи прежняго режима въ ущербъ духу времени и обѣщаютъ намъ взамѣнъ нашей свободы исцѣленіе отъ всѣхъ недуговъ, я вижу ясно, что звѣзда демократической Франціи, временно помраченная грубой силой и завистливо осмѣянная сектантами стараго деспотизма или новаго варварства, восходитъ на горизонтѣ, какъ предвѣстница лучшихъ дней.

* * *

Но какое вліяніе можетъ оказать это движеніе на простонародную молодежь? Это трудно опредѣлить въ

данный моментъ. Принципіально можно утверждать, что старина дольше всего держится въ народѣ. Виргилій говоритъ:

.... — Extrema per illos
Justitia excedens terris vestigia fecit.

Въ народѣ мы встрѣчаемъ годами, вѣками позже слѣды исчезнувшихъ добрыхъ старыхъ обычаевъ. Тутъ мы находимъ и допотопныя моды, и старыя книги, которыхъ уже никто больше не читаетъ, и старыя разсужденія, потерявшія свою убѣдительность. Слѣдуетъ приготовиться къ тому, что идеи, пробужденіе которыхъ мы только что отмѣтили, будутъ проникать въ народъ крайне медленно. Но онѣ проникнутъ туда, какъ проникли отрицанія: силою примѣра и лучеиспусканія. Онѣ бы легче овладѣли умами молодежи, а черезъ ея посредство и всей народной массы, если бы состоялось желанное сближеніе образованной молодежи съ простонародной. Теперешняя Франція должна все съ большей твердостью и предусмотрительностью вырабатывать демократическій идеалъ и прививать его къ общественному уму. Безъ этого идеала, несмотря ни на какія преимущества и свободу, демократія быстро падаетъ до степени режима злоупотребленій и приближается путемъ распущенности къ рабству. Въ ожиданіи того, что молодежь примется за дѣло и пойметъ свой долгъ посредницы между вершинами интеллектуальнаго развитія и народомъ, мы возлагаемъ надежды на хорошую прессу, хорошія книги, на всѣ хорошія вліянія и, въ особен-

ности, на новую вспомогательную силу, имѣющую громадное значеніе по отношенію къ простонародной молодежи: на школу. Въ силу чрезвычайной важности предмета, я прошу позволенія заняться имъ подробнѣе.

* * *

Существуютъ учрежденія, напоминающія собою древняго козла отпущенія, на котораго Израиль взваливалъ всѣ беззаконія, который наконецъ вырывался изъ рукъ, проклинаемый, избитый, бѣжалъ въ пустыню, преслѣдуемый и подстрекаемый въ своемъ смертельномъ бѣгѣ ужасающимъ эхомъ воплей и проклятій цѣлаго народа. Къ числу подобныхъ учрежденій принадлежитъ свѣтская школа. Для нѣкоторыхъ терминъ «свѣтская» равняется по своему значенію — діавольской. Для нихъ свѣтская школа преддверіе каторги. Вмѣсто молитвы, учителя въ ней, безъ сомнѣнія, расточаютъ проклятія а во время своихъ пресловутыхъ уроковъ должны преподавать возмутительныя вещи.

Однимъ изъ правилъ осторожности въ наше время, такъ легко искажающее факты, должно быть наведеніе самыхъ точныхъ справокъ объ учрежденіяхъ и личностяхъ, на которыхъ ожесточеннѣе всего нападаютъ. Я, въ интересахъ справедливости, давно руководствуюсь этимъ правиломъ и очень часто убѣждался, что объ лучшихъ вещахъ говорятъ хуже всего. Мой методъ предписывалъ мнѣ посѣщеніе начальной школы. Изъ-за чего столько криковъ, обвиненій, упрямой ненависти?

Отнесемся къ дѣлу честно и разберемся въ немъ какъ слѣдуетъ!

Лучшимъ способомъ для меня было бы поступить ученикомъ въ такую школу. Но я уже вышелъ изъ школьнаго возраста. Ктому же я нѣсколько лѣтъ просидѣлъ на школьной скамьѣ. Правда, въ мое время заставляли учить катехизисъ, но такъ мало и такъ плохо, что лучше было бы его учить внѣ школы. Но помимо уроковъ катехизиса, учитель былъ честный человѣкъ, вполнѣ здравомыслящій, тактичный, и я до сихъ поръ помню все, что онъ говорилъ. Многое, конечно, должно было измѣниться съ тѣхъ поръ. Чтобы лучше ознакомиться съ дѣломъ, я принялся за изученіе программъ, методовъ преподаванія, старался ознакомиться съ персоналомъ преподавателей, слѣдуя по іерархіи, чтобы увидать въ употребляемыхъ имъ пріемахъ, въ его организаціи и духѣ элементы нравственной порчи. Не довольствуясь знакомствомъ съ учителями, я сталъ присматриваться къ ученикамъ. Я пріобрѣлъ довѣріе моихъ юныхъ паціентовъ, я заглядывалъ имъ въ душу, щупалъ пульсъ, выслушивалъ сердце, чтобы лучше слѣдить за дѣйствіемъ даваемаго имъ образованія. Наконецъ, я считаю мои наблюденія вполнѣ достаточными и вотъ что я думаю по поводу этого предмета.

Свѣтская школа—это одинъ изъ уголковъ, гдѣ въ теченіе 20 лѣтъ безшумно совершается большое дѣло. Она настоящій органъ народнаго образованія, скромная, но имѣющая неизмѣримо важное значеніе, посредница

между вершинами, гдѣ вырабатывается современная мысль, въ высшемъ значеніи этого слова, и народомъ. Какъ посредница серьезная, осмотрительная, безкорыстная, она стремится выразить все человѣческое въ нѣсколькихъ простыхъ данныхъ, могущихъ стать основами общественнаго ума и его направленія въ практической жизни, какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Но она не права — я признаю это—въ томъ, что хочетъ служить всѣмъ, оставаясь въ границахъ общей справедливости и человѣческаго единства, что ее дѣлаетъ вполнѣ неспособной угодить духу партіи. Она не только не можетъ служить ему, но она способна помрачить его и ослабить.

Пусть школа будетъ свѣтской, не связанной ни съ какой религіей, словомъ, независимой съ точки зрѣнія вѣроисповѣданій — это большое благо. Вы чувствуете потребность сказать дѣтямъ еще на школьной скамьѣ, что есть различные способы вѣрить и покланяться, что между людьми существуютъ глубокія различія, на которыя слѣдуетъ указать, чтобы не пришлось потомъ объ нихъ умалчивать. Я лично чувствую совсѣмъ другую потребность: оставить ихъ какъ можно дольше въ невѣдѣніи подобнаго положенія вещей и воспитывать ихъ сперва какъ братьевъ. Устанавливая такимъ образомъ одну общечеловѣческую благоговѣйную основу, развивается чувство, которое побуждаетъ людей произносить: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ.* Давая же дѣтямъ изолированное воспитаніе ради того, чтобы отдѣльно преподавать каждую религію, мы рискуемъ

укрѣпить въ нихъ чувства, заставляющія говорить: *Благодарю Тебя, Боже, за то, что я не такой, какъ другіе.* Я настаиваю на необходимости свѣтской школы, *съ тѣмъ однако же условіемъ*, чтобы она не принадлежала ни къ какой антирелигіозной сектѣ. Впрочемъ подобное явленіе, въ силу чрезмѣрнаго рвенія свѣтскихъ фанатиковъ и злонамѣренной эксплоатаціи, стало вполнѣ невозможнымъ. Нѣтъ, свѣтская школа *не атеистическая* школа. Она оторвалась отъ почвы партикуляризма, чтобы подняться въ болѣе обширныя сферы. Изучаемыя въ ней явленія духовнаго міра имѣютъ всеобъемлющее значеніе, они касаются братской любви, ставя ее выше всякихъ различій вѣроисповѣданія. Въ вопросахъ религіи и политики, личной и общественной нравственности свѣтская школа прежде всего *человѣчна.* Мы живемъ въ такое время, когда нужно имѣть общія убѣжденія, чтобы, опираясь на нихъ, идти рука въ руку навстрѣчу будущему. Какова бы ни была исповѣдуемая нами религія, и если даже мы не исповѣдуемъ никакой религіи, мы всѣ: полководцы и солдаты должны исповѣдывать гуманность. Вотъ высшее стремленіе лучшихъ людей въ наше истерзанное и тревожное время. Это новое обширное стремленіе къ справедливости и правдѣ отразилось и въ начальной школѣ. Пусть же оно въ ней развивается и крѣпнетъ! Съ тѣхъ поръ, какъ я это знаю, смиренная кровля школы, ея стѣны, скамьи, картины, скромныя и прилежныя занятія ея учителей и учениковъ пріобрѣли въ моихъ глазахъ большое значеніе. При видѣ всѣхъ бѣдствій французскаго народа,

разъединяющихъ его страстей, переживаемыхъ имъ кризисовъ, словомъ, всего, чего только можно бояться, любя свой народъ, любя людей, я возлагаю надежду на маленькую народную школу. Мы должны ее любить, уважать и поддерживать. Мы бы всѣ должны были ее посѣщать въ раннемъ дѣтствѣ, чтобы подъ ея вліяніемъ въ глубинѣ нашего существа могла образоваться общая твердая основа, которая не поколеблется во всю жизнь, даже и тогда, когда мы разойдемся по разнымъ дорогамъ стремясь къ самымъ далекимъ горизонтамъ!

Чтобы подготовить путь примиряющимъ идеямъ и новой жизни, которая должна насъ спасти отъ терзающихъ насъ золъ, мы имѣемъ союзника въ сердцѣ народа. У народа великодушное сердце и оно у него болитъ. Ни его великодушіе, ни его страданіе не смогутъ надолго примириться съ безсердечностью, которую породилъ реализмъ. Чѣмъ больше онъ преуспѣваетъ, тѣмъ поразительнѣе становится его безобразіе и гнусность. Народъ уже начинаетъ смутно сознавать, что, теряя надежду, достоинство, вѣру въ свое назначеніе, онъ теряетъ драгоцѣннѣйшее сокровище, и что, теряя уваженіе, онъ способствуетъ своей гибели. Будемъ вѣрить въ добро, бороться за него, жить для него и оно овладѣетъ массами, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ мы смѣемъ надѣяться.

Я кончаю: не смотря на тяжелыя тучи, все еще затемняющія нашъ горизонтъ, на всѣ наши бѣдствія и заблужденія, ошибки, отъ послѣдствій которыхъ мы страдаемъ, есть основаніе надѣяться и не терять му-

жества. Въ сердцѣ нашей молодежи затеплилось что-то новое. «Подготовляется эволюція, еще скрытая, но уже близкая и, быть можетъ, грандіозная» *). Неусыпные наблюдатели, тревожнымъ взоромъ испытующіе горизонтъ, наконецъ вздохнули свободно. Мы словно просыпаемся отъ тяжелаго кошмара. Стоя на краю бездны отрицанія (du néant), мы измѣрили ея глубину. Мы чувствовали, какъ въ насъ умирала надежда и увѣренность; но сонъ кончается и вотъ, «на востокѣ, въ проясняющейся ночи» (du côté de la nuit qui paraît transparent) забѣлѣлась полоска загорающейся зари. Это пока еще только полоска, тонкая серебристая бахромка темной тяжелой ночной мантіи, но она пробуждаетъ надежду: еще есть будущее, еще можно любить и надѣяться! Будемъ смѣлы, воспрянемъ духомъ. Ополчимся противъ грубаго и на все посягающаго эгоизма, противъ софизмовъ, проникнувшихъ въ идеи и въ жизнь, вооружимся справедливостью, правдой и простотой. Но, чтобы стать крѣпче и видѣть яснѣе—такъ какъ будущее принадлежитъ вѣрующимъ и обладающимъ ясностью взгляда на вещи,— возстановимъ свои силы у источниковъ и поднимемся къ вершинамъ.

---

*) H. Béranger: *La jeunesse intellectuelle et le roman français contemporain.*

КНИГА ТРЕТЬЯ

ИСТОЧНИКИ И ВЕРШИНЫ

Lucem in alto quaerens, vitam in profundis.

I.

Старъ ли міръ.

Je suis venu trop tard dans un monde trop vieux.

A. de Musset.

(Я пришелъ слишкомъ поздно въ міръ слишкомъ старый).

Die unbegreiflich hohen Werke
Sind herrlich wie am ersten Tag.

Goethe.

Старъ ли міръ?

Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, — говоритъ Екклесіастъ, и чувство, выраженное этими словами, гулкимъ эхомъ отдается въ кончающемся вѣкѣ и истощенной жизни. Все старо: все было сказано и пересказано, видѣно и перевидѣно. Ничего не осталось нетронутаго и невысказаннаго. Слова: *удивительно, непредвидѣнно, замѣчательно,* или просто: *ново,* вышли изъ употребленія. То, что они выражаютъ, перестало существовать. Старо это солнце; стары эти горы, эти скалы; стара человѣческая жизнь и все, что она не-

сетъ съ собою; стара нужда, стара любовь; стары всѣ наши дѣла; искусство, литература — подновлене старье. Общество такъ старо, что новые его члены уже родятся стариками. Они отжили не живя, устали не трудясь; на ихъ челѣ лежитъ печать дряхлости. И это впечатлѣніе старчества и обветшалости нашъ вѣкъ еще болѣе усилилъ своими излишествами, своей лихорадочной жизнью, своей страстью все видѣть, все классифицировать, всему давать названія. Всѣ дороги избиты. Вездѣ мы идемъ по чьему нибудь слѣду. Земной шаръ и исторія, внѣшній и внутренній міръ — все изслѣдовано! И когда, желая избавиться отъ ужаснаго сознанія, что мы живемъ подогрѣтыми впечатлѣніями, мы пробуемъ уйти въ глубь прошлаго, древнія религіи пробуждаютъ въ насъ то же самое чувство въ еще болѣе ясной формѣ. Для нихъ, дѣйствительно, все съ незапамятныхъ временъ извѣстно, установлено и удостовѣрено. Мы въ десяти-тысячный разъ переживаемъ ту же жизнь и должны повторять тѣ же формулы, которыя другіе повторятъ въ свою очередь послѣ насъ, и такъ будетъ до скончанія вѣка. Программа безконечности намѣчена. Не предстоитъ больше никакихъ открытій, никакихъ откровеній, потому что самъ Богъ, и въ особенности Онъ, старъ; онъ уже давно пересталъ творить.

* * *

Не вѣрьте ни единому слову изъ всего этого. Это разсужденія и впечатлѣнія людей, обобщающихъ весь міръ съ своимъ жалкимъ существованіемъ.

«Бываютъ эпохи, въ которыя люди старятся скорѣе, чѣмъ въ другія. Въ эпохи скептицизма душа быстро старится, потому что она не знаетъ, гдѣ ей почерпнуть силу. Ни задушевнаго слова, ни вдохновенія свыше! Человѣкъ превращается въ прахъ задолго до своей смерти и не замѣчаетъ этого. Вотъ въ чемъ выражается нравственная сухость и что грозитъ человѣку опасностью. Поищемъ же новыхъ источниковъ для утоленія нашей жажды, пока мы еще ее чувствуемъ» (Edg. Quinet: L'Esprit nouveau).

Разумѣется, есть вещи, изъ которыхъ однѣ заслуживаютъ уваженія по своей давности, другія — потому что часто повторялись; но если это справедливо только относительно, то абсолютно справедливо то, что ничто не старо подъ солнцемъ, не старо даже и само солнце. И, можетъ быть, новѣе всего тѣ заурядныя вещи, которыя во всѣ времена наполняли человѣческую жизнь и передъ которыми новости дня, такъ быстро увядающія, значатъ такъ же мало, какъ минута, убѣгающая въ вѣчность. Такъ, значитъ, все старо, повторено, извѣстно-переизвѣстно? Нужно быть крайнимъ невѣждой, чтобы говорить такъ. У насъ только намеки (vestiges) знаній, за предѣлами которыхъ простирается безпредѣльная безконечность, то и дѣло поражающая насъ самыми удивительными неожиданностями. Одновременно съ нѣсколькими торными колеями существуютъ безгра-

ничныя неизслѣдованныя пространства. Во внѣшнемъ мірѣ, какъ и въ жизни души и человѣческаго общества эти дѣвственныя пространства такъ необъятны, что по сравненію съ ними извѣстныя намъ области кажутся почти ничтожными.

Да еще вопросъ: на сколько онѣ намъ извѣстны? Что представляетъ собою въ безпредѣльности пространствъ и міровъ количество земли, обработанной человѣческими руками? То же, что представляютъ собою наше знаніе и наша опытность по сравненію съ *сущностью вещей*. Всѣ пройденныя нами пространства — шагъ ребенка въ неизмѣримой безконечности. Наши пороки, даже самые ужасные, не могутъ осквернить вселенную. Что значитъ небольшое количество испорченнаго воздуха, въ которое мы заключили наше анормальное существованіе, передъ дыханіемъ жизни, охватывающимъ снѣжныя вершины и вѣющимъ надъ морями?

Слишкомъ часто повторялись наставленія Экклесіаста. Молодежь ихъ усвоила. Первое условіе возрожденія къ истиной жизни — отказаться отъ мнѣнія все извѣдавшаго и отъ всего отрѣшившагося 80-ти-лѣтняго старца. Счастливъ тотъ, кто въ состояніи это понять: онъ близокъ къ спасенію. Къ сожалѣнію, есть люди, утратившіе способность такого пониманія. Для нѣкоторыхъ положительно все старо въ мірѣ: для обществъ наканунѣ ихъ распаденія, для людей, готовыхъ превратиться въ прахъ и ничтожество (le néant). Все это предвѣстіе смерти, предзнаменованія близкой ката-

строфы! Оставимъ говорить такъ тѣхъ, кто доживаетъ эпоху, и смѣло усвоимъ девизъ тѣхъ, кто начинаетъ новую!

Первое благо и первый долгъ молодого человѣка — быть молодымъ. Для истинно-молодыхъ все молодо. Свѣжесть ихъ души и ихъ жизни даетъ имъ возможность открывать новизну и свѣжесть міровой жизни. Они всѣмъ интересуются, ихъ все поражаетъ, тѣло и душа окружены для нихъ ореоломъ, въ сіяніи котораго они провидятъ въ конечномъ безконечное. Жизнь — откровеніе. Великое откровеніе, какъ всему человѣчеству, такъ и каждому отдѣльному существу. Въ самосознаніи (la conscience) человѣчества и нашемъ собственномъ намъ открывается міръ. Сколько бы люди ни страдали, ни любили, ни ненавидѣли, ни молились, ни искали, ни страдали, ни умирали въ теченіе вѣковъ, для того, кто самъ проходитъ черезъ все это, кто живетъ своею жизнью, а не по чужому полномочію, для того любовь, ненависть, молитва, исканія, страданія и смерть новы, какъ въ первый день творенія. Приняты мѣры, чтобы эти вещи не старѣлись. Всѣ мерзости, преступленія, обманы, вся человѣческая ложь никогда не могутъ помѣшать людямъ любить, вѣрить, находить счастье въ изученіи и изслѣдованіяхъ, какъ будто раньше ихъ никто не испыталъ всего этого. Вселенная дивно богата. Чтобы находить ее бѣдной, надо быть самому безплоднымъ. Къ такому результату приводитъ анормальная и искусственная жизнь. Но сколько бы люди ни говорили, ни писали, ни печатали,

12*

ни пѣли, ни плакали разсказывая на всѣ лады, что міръ старъ, изношенъ, пошлъ — птицы щебечутъ совсѣмъ другое, океанъ реветъ свое опровержение, а солнца и міры, будучи одного съ ними мнѣнія, заявляютъ его еще громче. И выводъ изъ всего этого тотъ, что сущность вещей есть вѣчное достиженіе (l'éternel devenir) и вѣчная молодость.

II.

Жизнь.

Какъ нужно къ ней относиться.

Что такое жизнь?

Нѣкоторые поэты говорили, что она сонъ. Прекрасный для однихъ, дурной для другихъ, но только сонъ. Называли ее также бременемъ и борьбою. Матеріалистическая наука хотѣла объяснить ее послѣдовательностью соединенія (assimilation) и разъединенія (désassimilation), для нея жизнь—явленіе (phénomène), относящееся къ области органической химіи. Философы доискиваются метафизическихъ причинъ, а религіозные люди—религіозныхъ: *Cur simus conditi* (Melanchthon). Въ сущности же, никто ее еще не объяснилъ и никогда не объяснитъ. Библія говоритъ на своемъ неподражаемомъ языкѣ: *Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю.* Но она не указываетъ: какъ, зачѣмъ и почему. *Несмотря на это, мы живемъ.* Мнѣ не приходилось видѣть, чтобы даже

самые любознательные дожидались открытія тайны существованія для того, чтобы продолжать свою жизнь. Разумнѣе всего относиться къ этому вопросу по-человѣчески, просто. Жизнь—*фактъ*. Этотъ фактъ предшествуетъ нашему разуму. Мы живемъ раньше, чѣмъ можемъ сознавать и констатировать это. Мы замѣчаемъ, что живемъ, когда фактъ уже давно совершился и нѣтъ надобности къ нему возвращаться. Въ дѣйствительности, человѣкъ столько же неспособенъ создать себя, какъ и разрушить. Небытіе (le néant), какъ и бытіе (l'être), не въ его власти. Но разъ мы сознали, что живемъ, необходимо поразмыслить объ этомъ фактѣ, чтобы отдать себѣ въ немъ отчетъ. Если не объяснять его значенія, то является тысяча причинъ уважать или неуважать жизнь, пользоваться ею или злоупотреблять.

Жизнь, которую мы носимъ въ себѣ, представляется намъ цвѣтомъ жизни на земномъ шарѣ, а жизнь на земномъ шарѣ, во всѣхъ фазисахъ ея эволюціи—высшимъ результатомъ безвѣстнаго труда, энергіи и дѣятельности. Жизнь—результатъ несмѣтнаго количества усилій. Чтобы сообщить намъ это, геологическіе слои земли открываютъ намъ свои тайны и говорятъ намъ послѣдовательностью своихъ образованій о постоянной ихъ наклонности къ высшему совершенствованію. Въ архивахъ исторіи человѣчества мы находимъ тѣ же усилія, но въ болѣе совершенной и поразительной формѣ, потому что они намъ ближе. Слѣдовательно, наша жизнь есть результатъ; но невозможно постигнуть умомъ его

безконечный путь, уходящій въ тьму вѣковъ, не желая продлить его въ будущемъ. Жизнь—самое краснорѣчивое выраженіе человѣческихъ намѣреній и стремленій. Не имѣя власти надъ своею жизнью, мы носимъ въ себѣ результатъ борьбы, въ которой не принимали участія, и залогъ будущаго совершенствованія. Всецѣло увлеченные теченіемъ, которое, смотря по обстоятельствамъ, поражаетъ насъ своею быстротою или медленностью, мы какъ бы проникнуты первобытной волей, преобладающей въ основѣ вещей, дѣлающей ихъ таковыми, каковы онѣ есть, и которая подвергаетъ ихъ всевозможнымъ измѣненіямъ, ведя ихъ къ цѣли, указанной самою ихъ сущностью. Мы чувствуемъ, что можемъ въ извѣстной мѣрѣ присоединиться къ этой волѣ или отдѣлиться отъ нея. Мы по своей природѣ пользуемся въ извѣстной степени ограниченнымъ правомъ выбора, устанавливающимъ основу нашей свободы и отвѣтственности.

Словомъ, наша жизнь—результатъ долгаго труда и обѣтъ будущаго. Мы можемъ принять участіе въ этомъ трудѣ и способствовать будущему или противиться тому и другому. Если мы поднимемся на высоту религіознаго міровоззрѣнія, мы выразимъ эту увѣренность въ слѣдующей формѣ: наша жизнь—великій соединенный трудъ Бога и человѣчества и ихъ великое упованіе (attente). *Человѣкъ надежда Бога.* Говоря это, мы удостовѣряемъ цѣнность жизни передъ лицомъ презирающихъ и обезцѣнивающихъ ее. Мы удостовѣряемъ ее не только передъ лицомъ адептовъ отрицанія (disciples du

néant), но и передъ лицомъ нѣкоторыхъ религiозныхъ аскетовъ, смѣшивающихъ въ изреченiи: *«суета мiрская»* искусственную жизнь, представляющую результатъ нашихъ ошибокъ и заблужденiй, съ самою жизнью. Съ ихъ мрачнымъ взглядомъ на презрѣнное существованiе, которое мы влачимъ, они имѣютъ видъ настоящихъ кредиторовъ Господа Бога, объявляя мiръ несостоятельнымъ. По ихъ мнѣнiю, земля представляетъ собою нѣчто въ родѣ неудачно организованной и приносящей убытокъ колонiи, не дѣлающей чести своему основателю.

Я продолжаю настаивать на такомъ отношенiи къ жизни и хочу убѣдить, что она продуктъ не фантазiи, а самой природы вещей.

Ла-Фонтэнъ сказалъ:

«Мы часто нуждаемся въ комъ-нибудь, кто бы былъ поменьше насъ».

Для того, чтобы оцѣнить жизнь, человѣкъ нуждается въ комъ-нибудь, кто меньше его. Тѣмъ болѣе: человѣкъ цивилизованый, ученый, любознательный юноша, привыкшiй работать головою и искать разумнаго основанiя вещей, нуждаются въ меньшихъ, чѣмъ они, для того, чтобы познать цѣнность бытiя. Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ подвергаетъ свою жизнь анализу и рацiональному изслѣдованiю, у него является наклонность обобщить ее съ тѣмъ, что онъ въ ней понялъ, и не находитъ въ ней ничего, кромѣ того, что онъ въ ней видѣлъ или воображалъ, что видитъ. Что-

бы проникнуться фактомъ жизни, ея силой, ея упорствомъ, ея непобѣдимой увлекательностью (son invincible entrain), нужно наблюдать ее среди существъ простыхъ, привязывающихся къ ней со всею силой безсознательности (avec toute l'énergie de l'inconscience).

Если мы, вступая въ жизнь, устанавливаемъ какой нибудь силлогизмъ и опредѣляемъ по нѣкоторымъ даннымъ цѣль бытія—мы ввѣряемся крайне шаткой основѣ. Не приходилось ли вамъ видать, какъ дѣти, играя у подножія скалъ, подпираютъ ихъ пучками соломы или палочками? Жизнь опирается на нашихъ основахъ, какъ скалы на этихъ хрупкихъ подпоркахъ. Если бы у нея не было иной поддержки, она бы давно погрузилась въ бездну отрицанія (dans le néant) и отчаянія. Человѣкъ всегда объясняетъ смыслъ жизни неудовлетворительно. Необходимо самому себѣ въ этомъ сознаться. Это будетъ доказательствомъ не слабости, а силы. Жизнь требуетъ, чтобы мы къ ней относились, какъ къ скаламъ, къ горамъ, къ звѣздамъ небеснымъ, т. е. какъ ко всѣмъ реальнымъ явленіемъ (réalités), противъ которыхъ, слава Богу, мы ничего не можемъ подѣлать и которыя существуютъ независимо отъ нашей воли. Такъ къ ней и относятся тѣ меньшіе, о которыхъ я только что говорилъ—животныя, дѣти, здоровые и могучіе представители народа, которые хранятъ въ себѣ запасъ жизни, какъ ледники хранятъ запасъ воды горныхъ потоковъ. Мы привыкли говорить, что эти существа живутъ подъ впечатлѣніемъ минуты, что ими руководитъ настоящее. Еще съ большимъ основаніемъ мы

могли бы сказать, что въ моменты воспріятія ими сильныхъ впечатлѣній для нихъ не существуетъ ни прошедшаго, ни настоящаго, ни будущаго. Они обладаютъ жизнью *sub specie aeterni*. Я говорю тутъ исключительно о дѣтяхъ и о народѣ, какимъ я его только что представилъ и какимъ онъ, надо сознаться, является рѣдко. Это дѣйствительно живые люди, потому что они испытываютъ чрезвычайно сильныя впечатлѣнія и такъ же сильно выражаютъ ихъ. Для нихъ все реально и устойчиво. Припомните свое дѣтство, родительскій домъ, лица отца и матери, какое нибудь деревцо, камешекъ, въ особенности вашъ тогдашній нравственный міръ и эту увѣренность и категоричность въ различіи добра и зла, которыя характеризуютъ ребенка, часто къ стыду взрослыхъ. Позже на насъ вліяетъ время, отношеніе вещей, сравненіе, множество воспоминаній, омрачающихъ наши впечатлѣнія; но въ дѣтствѣ все, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ, имѣетъ опредѣленный характеръ. Бытіе (l'être), съ его опредѣленностью, неотложностью, выпуклой реальностью представляется ребенку и человѣку, оставшемуся простымъ, въ каждомъ ихъ чувствѣ и ощущеніи откровеніемъ вѣчности. Поэтому ихъ отчаяніе и слезы такъ трогательны и такъ искренни, и смѣхъ ихъ такъ веселъ. Не ребенокъ, не народъ могли назвать жизнь сномъ. Состояніе ихъ души можно вполнѣ опредѣлить только слѣдующими словами: *она не знаетъ ни сомнѣнія, ни отрицанія*. Тотъ, кто жилъ человѣческою жизнью въ высшемъ значеніи этого слова, сказалъ: *Я есмь жизнь*. Не говорилъ ли Онъ:

взгляните на птицъ небесныхъ, посмотрите на полевыя лиліи? И не говорилъ ли Онъ: будьте, какъ дѣти? Отсюда вытекаетъ отвѣтъ на вопросъ: какъ надо относиться къ жизни?—Жизнь надо брать, какъ фактъ, предшествующій всему остальному и имѣющій неоспоримо важное значеніе. Къ ней надо относиться такъ же серьезно и непосредственно, какъ относится къ ней здоровый и сильный ребенокъ, какъ относится къ ней народъ, не испытавшій колебаній и сомнѣній, извращающихъ нашъ умъ. Только при этихъ условіяхъ мы можемъ быть сильны и молоды. Только тогда мы почувствуемъ почву подъ своими ногами.

III.

Идеалъ.

Инстинктивная любовь къ существованію можетъ заблуждаться. Она доходитъ до такихъ крайностей, что превращается въ порокъ. Говоря, что надо любить жизнь, привязаться къ ней всѣмъ сердцемъ и считать ее за величайшее изъ всѣхъ благъ, мы имѣемъ въ виду не ту малодушную и эгоистическую любовь, которая цѣпляется за личное существованіе и радости личной жизни. Мы подразумѣваемъ всю общую совокупность жизни, со всѣмъ, что она собою представляетъ. Можно любить существованіе по-скотски, сводя его къ способности ѣсть, пить, спать и наслаждаться. Можно ее любить, какъ любитъ трусъ, боящійся страданій и руководимый во всѣхъ своихъ поступкахъ однимъ страхомъ. Такъ любить жизнь—подло. Это не значитъ знать жизнь, но скользить по ея поверхности не измѣряя глубины. Хотя, къ несчастію, и многіе такъ

поступають, но большинство никогда не раздѣляло подобнаго взгляда на жизнь. Всегда находились люди, любившіе жизнь за то добро, которому можно посвятить ее, словомъ, за то, что можно изъ нея сдѣлать. Въ этомъ смыслѣ греки, клеймя низменную любовь къ существованію, придавали позорный оттѣнокъ прилагательному φιλόψυχος. Въ этомъ смыслѣ Шиллеръ сказалъ:

> Der Güter grösstes ist nicht dieses Leben,
> Der Uebel grösstes aber ist die Schuld.

«Не эта жизнь есть высшее благо, но проступокъ есть величайшее зло». Этими словами поэтъ не проповѣдуетъ презрѣнія къ жизни. Напротивъ. Если духъ преданности и самоотреченія существуетъ (чему человѣчество являло и ежедневно являетъ неоспоримыя доказательства), если человѣкъ можетъ отдаться дѣлу, это происходитъ не потому, что онъ презираетъ жизнь, а потому, что онъ проникнутъ высшимъ разумѣніемъ ея и иной любовью, а не той, которую мы отрицаемъ. Низменная любовь къ существованію губитъ нашу жизнь, заключая насъ въ сферу того, что составляетъ лишь внѣшнюю ея оболочку, высокая любовь, напротивъ, спасаетъ намъ жизнь и побуждаетъ насъ жертвовать даже ею.

Въ итогѣ все это очень просто, хотя и составляетъ величайшую въ мірѣ и самую трудную задачу. Жизнь, какою ее любятъ эгоисты и трусы, не вся жизнь, а частичка ея. Они общую жизнь замѣняютъ личной

жизнью и въ этой личной жизни для своей исключительной привязанности выбираютъ самое узкое и самое хрупкое. Что же удивительнаго, если подобная любовь приводитъ къ отрицанію и пресыщенію (le néant et le dégoût)? Напротивъ, любя всю великую человѣческую жизнь, часть которой составляетъ наша жизнь, а за предѣлами человѣческой жизни ту жизнь, откровеніемъ которой, въ свою очередь, является человѣчество — любя доброту, истину, справедливость, мы возвышаемся надъ своимъ личнымъ бытіемъ и становимся наслѣдниками жизни болѣе благородной и болѣе достойной обладанія. Мы переступаемъ за предѣлъ преходящаго, чтобы вступить въ область пребывающаго и, можно сказать, что живутъ наиболѣе полной жизнью тѣ, кто наиболѣе способны жертвовать собою и даже умереть за другихъ. Величайшая историческая истина та, что человѣчество живетъ страданіемъ, самопожертвованіемъ и смертью лучшихъ своихъ дѣтей. Какъ справедливо то, что эти умершіе наиболѣе живутъ жизнью среди насъ! Жизнь не хлѣбъ, который мы ѣдимъ, не воздухъ, которымъ мы дышемъ, не кровь, которая течетъ въ нашихъ жилахъ. Все это лишь скудельный сосудъ, утлая ладья, несущая насъ къ берегамъ красоты, истины, справедливости и силы. Тотъ, кто привѣтствовалъ берега этой великой жизни, можетъ сказать той, другой: *nunc dimittis*. Тотъ же Экклесіастъ, считавшій міръ такимъ старымъ, говорилъ, что псу живому лучше, чѣмъ мертвому льву. Ни въ одной книгѣ во всемъ мірѣ реализмъ не найдетъ себѣ

лучшаго девиза. Убѣдись въ противномъ, молодой другъ мой. *Одинъ мертвый левъ стоитъ больше всѣхъ живыхъ псовъ.* Наполни свою душу этой истиной, и ты будешь въ силахъ создать себѣ идеалъ.

* * *

Идеалъ не фантастическій міръ на недосягаемыхъ облакахъ, настолько отличающійся отъ дѣйствительности, что нѣтъ надежды когда либо его достигнуть. Идеалъ — живое воплощеніе истины, зачатки которой мы въ себѣ носимъ. Въ зародышѣ растеній и живыхъ существъ можно разсмотрѣть подъ микроскопомъ нѣжныя, едва намѣченныя начертанія образованій будущихъ органовъ. Точно также и въ душѣ человѣка намѣчено то, чѣмъ онъ долженъ стать, если захочетъ подчиниться своей судьбѣ и волѣ, представляющей собою сущность жизни. Жить всецѣло, всѣми частями нашего «я», осуществить доступное намъ, дѣлать то, что мы въ силахъ, *становиться тѣмъ, чѣмъ мы можемъ стать—вотъ цѣль жизни.* Въ этомъ наше назначеніе, остальное намъ не принадлежитъ. *Fac tua, sua Deus faciet.* Идеалъ человѣка долженъ скромно соотвѣтствовать человѣческой природѣ. Будьте увѣрены, что въ этомъ смиреніи много величія. Если бы зерно, брошенное въ землю, обладало сознаніемъ, ему бы грезилось въ темной бороздѣ чудное золотистое поле, на которомъ подъ солнечными лучами склоняются тысячи колосьевъ; если бы яйцо, неподвижное и подобное

камню, знало, какія скрытыя силы заключены въ немъ его идеаломъ стала бы вольная птица, парящая въ необъятномъ лазурномъ пространствѣ. Пусть же человѣкъ смолоду познаетъ себя, станетъ лицомъ къ лицу съ самимъ собою, и человѣчество предстанетъ передъ нимъ во всей своей величественной красѣ. Его путь будетъ намѣченъ самою природой его, его радостями и страданіями, всѣмъ тѣмъ, что онъ есть и что онъ испытываетъ.

* * *

Въ эпоху, подобную нашей, когда люди больше всего страдаютъ отъ разрозненности и разъединенія, внѣшнихъ и внутреннихъ, люди должны больше всего стремиться къ гармоніи и единству. Отсутствіе равновѣсія есть величайшее индивидуальное и соціальное зло. Стремленіе къ установленію равновѣсія въ насъ самихъ и внѣ насъ должно стать лозунгомъ нашей жизни.

Человѣкъ прежде всего существо индивидуальное. Утверждать, что индивидъ — ничто, такъ же несправедливо, какъ утверждать, что онъ—все... То, что мы такъ прочно прикованы къ нашему личному существованію, указываетъ намъ, что индивидуальность не иллюзія. Въ каждую минуту жизни все, что человѣкъ испытываетъ, радость или горе, напоминаетъ ему, что онъ на своемъ мѣстѣ, что онъ нѣкто, самостоятельная личность. Отсюда самымъ законнымъ образомъ вытекаетъ забота объ индивидуальномъ развитіи. Каждый

изъ насъ въ молодости представляется самому себѣ человѣкомъ неоконченнымъ, котораго необходимо додѣлать во всѣхъ отношеніяхъ. Въ этомъ и состоитъ воспитаніе человѣка.

Наша жизнь, внутренняя или внѣшняя, дѣлится въ общемъ на двѣ части: *воспріимчивость* (réceptivité) и *дѣятельность* (l'activité), равновѣсіе которыхъ представляетъ собою вопросъ величайшей важности. Воспріимчивость стоитъ въ зависимости отъ умственныхъ способностей, чувствъ, вліянія климата и среды, физическаго и нравственнаго питанія. Она—сложный органъ, посредствомъ котораго на насъ вліяетъ міръ, все то, что не мы сами. Дѣятельность подразумѣваетъ движеніе, усиліе, трудъ, затрату энергіи, всякое проявленіе нашей воли. Она—отвѣтъ на внѣшнее воздѣйствіе (l'action extérieure), наша личная реакція, наша дань міровой жизни (au vaste domaine de la vie).

До сихъ поръ мы наблюдали, что болѣе или менѣе вездѣ и во всемъ, не смотря на огромную затрату силъ, въ человѣкѣ больше развивалась воспріимчивость, нежели энергія. Все наше воспитаніе сосредоточилось на образованіи, а это послѣднее направлено къ развитію чисто внѣшней стороны ума въ ущербъ его культурѣ и развитію его самобытности. На дѣлѣ, наше исканіе счастья выражалось въ стремленіи къ удовлетворенію впечатлѣніями и наслажденіями душевными и тѣлесными, болѣе нежели дѣятельностью.

Это заблужденіе настолько распространилось, что стало повсемѣстнымъ явленіемъ. У шведскаго поэта Ибсена («Лига юношества») мы читаемъ: «Величайшая ошибка нашего воспитанія въ томъ, что мы сосредоточили его на томъ, что мы *знаемъ*, а не на томъ, что мы *есть*. И мы видимъ результаты этого. Примѣромъ этому служатъ сотни способныхъ людей, которымъ не хватаетъ равновѣсія, чувства и намѣренія которыхъ идутъ въ разрѣзъ съ ихъ поступками!».

Мы отодвинули энергію и волю на второй планъ. Человѣкъ представлялъ собою умъ, голову вмѣсто характера. Этотъ пробѣлъ замѣчается даже въ психологіи, гдѣ все, касающееся ума, гораздо болѣе разработано, чѣмъ все то, что касается воли. Это огромный пробѣлъ. Къ чему служитъ умъ и разумъ, когда отсутствуетъ регуляторъ, называемый волей? Воля стоитъ у руля; если она колеблется и смущается, то какъ бы ни было прочно судно, оно можетъ потерпѣть крушеніе. Пусть юношество обратитъ свое вниманіе въ эту сторону. *Пусть оно горячо преслѣдуетъ исключительную цѣль развитія личной энергіи, дѣятельности, физической и нравственной силы.*

Дѣятельность выражается въ столькихъ же формахъ, какъ и впечатлительность. Тотъ, кто слѣдитъ за собою, видитъ, что міръ и люди производятъ на него впечатлѣніе различнаго свойства: физическое, интеллектуальное, моральное, эстетическое, религіозное, смотря по тому, на какую форму его чувствительности они вліяютъ. И хотя эти различныя формы должны имѣть об-

щій корень, невозможно ихъ смѣшивать или замѣнять одну другою, не заблуждаясь грубѣйшимъ образомъ. Человѣкъ только тогда бываетъ истинно человѣкомъ, когда отдаетъ должное каждому изъ элементовъ своего естества. Наше религіозное и нравственное чувство оставалось въ пренебреженіи и загонѣ. Теперь, мы начинаемъ замѣчать, что оно составляетъ естественную часть нашей воспріимчивости, также, какъ напр. эстетическое чувство. Пренебречь имъ — значитъ изуродовать себя, отрицать его — значитъ возставать противъ неоспоримыхъ фактовъ. Все это не можетъ не отозваться на дѣятельности, служа для нея новыми побудительными причинами. Человѣкъ нравственный и религіозный повинуется побужденіямъ, которыя перестаетъ признавать тотъ, кто не воспитываетъ въ себѣ чувства добра и святыни. Ниже, я буду особенно настаивать на томъ, что легко можно позабыть и что необходимо себѣ усвоить. Я буду говорить объ образованіи, научныхъ изслѣдованіяхъ, изученіи, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, объ интеллектуальной и эстетической культурѣ во всемъ ея объемѣ. Обо всемъ этомъ говорили спеціалисты. Но тѣмъ болѣе я остановлюсь на воспитаніи воли, на значеніи дисциплины, труда, равно какъ и на томъ, что составляетъ ихъ противуположность — на досугѣ и развлеченіяхъ. Я думаю, что имѣю право по поводу всего этого высказать свой личный взглядъ. Религіозному чувству я предоставляю почетное мѣсто.

* * *

Человѣкъ не только индивидъ. Чѣмъ лучше онъ знаетъ свое происхожденіе, безчисленныя узы, связывающія его съ его предками и современниками, тѣмъ яснѣе онъ сознаетъ, что онъ часть цѣлаго. То, чѣмъ онъ обладаетъ, и то, что онъ есть, въ значительной мѣрѣ перешло къ нему отъ другихъ. Онъ какъ бы отдѣльная петля сѣти, самостоятельная, но неразрывно связанная съ цѣлымъ. Однимъ словомъ, человѣкъ соціальный индивидъ. Солидарность окружаетъ и проникаетъ его до такой степени, что съ того момента, какъ ему станетъ яснымъ этотъ всеобъемлющій фактъ, онъ ничего больше не видитъ. Слѣдовательно, нужно, чтобы онъ постепенно поднимался до нея по ступенямъ семьи, дружбы, любви, отечества. И только при этомъ условіи онъ можетъ назваться человѣкомъ.

Далѣе мы постараемся опредѣлить исключительныя черты этого идеала, чтобы показать все богатство проникнутой имъ жизни.

IV.

Дисциплина.

Esto vir!

Я имѣю столько причинъ призывать молодыхъ людей къ дѣлу, что отчаиваюсь даже ихъ всѣ и перечислить. Но вотъ первая изъ нихъ: слово утратило свою цѣну. Я далекъ отъ мысли презирать его. Но надо поставить себя передъ лицомъ правды. Слово, которое по преимуществу служитъ къ сближенію людей, великое оружіе и орудіе ума, потеряло свою силу, потому что служило орудіемъ лжи. Мы не вѣримъ ни одному слову. Кто поручится намъ, что оно искренно? а если оно и искренно, то кто поручится, что на него можно положиться? Искусные жонглеры такъ исказили слово и мысль, что термины потеряли всякое значеніе. Намъ предлагали столько системъ и ученій, что мы наконецъ извѣрились въ нихъ. На эту удочку насъ больше не поймаютъ. Какимъ же способомъ объявить то, что въ насъ таится, распространить наши идеи, стать апостолами правды и идеала, который составляетъ благо-

роднѣйшую потребность людей, обладающихъ сердцемъ? Я отвѣчаю: меньше говорить и больше дѣлать. Арабы презираютъ человѣка, который много говоритъ, и выводятъ заключеніе, что онъ мало думаетъ и слабъ умомъ. Серьезный человѣкъ, по ихъ мнѣнію, долженъ быть очень скупъ на слова. У насъ слово въ большой чести. Пространно и хорошо разсказать что нибудь или описать — важная заслуга. Рыцари пера и слова стоятъ на ряду съ рыцарями меча и орудія, а часто и выдвигаются впередъ. Но мы слишкомъ умны для того, чтобы относиться къ нимъ серьезно. Мы видимъ, какъ словесная шпага описываетъ въ воздухѣ ослѣпительный кругъ, и остаемся цѣлы и невредимы. И сколько въ то же время было сказано хорошихъ словъ совершенно напрасно! Нужно, стало быть, прибѣгнуть къ другому средству. Если шарлатаны испортили ремесло честныхъ людей, то нужно какъ можно меньше вкладывать свою душу въ книги и рѣчи, гдѣ она рискуетъ быть погребенной. Примемся за дѣло, возьмемъ въ руки лопату, молотокъ, дубину, бичъ и вмѣсто того, чтобы выводить буквы на бумагѣ, запечатлѣемъ ихъ въ живыхъ сердцахъ. Вмѣсто того, чтобы кричать: впередъ! въ огонь! ринемся первые въ атаку! Полководцу, кидающемуся на приступъ, нѣтъ надобности заботиться о красотѣ своего слога или цитировать Цезаря; достаточно одного его возгласа, жеста, чтобы цѣлый полкъ заразился его примѣромъ и ринулся вслѣдъ за нимъ. Подражайте такому полководцу. Когда вы будете знать что нибудь прекрасное, хорошее, справе-

дливое, честное — не разглагольствуйте, но дѣлайте, осуществляйте! И не въ продолженіе какого нибудь одного дня, но постоянно, терпѣливо, настойчиво. И когда вы увидите что нибудь несправедливое, нечестное, дурное, не теряйте времени, воздѣвая руки къ небу и возбуждая негодованіе въ другихъ, но не двигаясь съ мѣста. Нѣтъ, хватайте сами быка за рога и дѣйствуйте сами. Подкрѣпленіе явится само собою!

Но прежде чѣмъ приступать къ какому нибудь дѣлу, нужно убѣдиться въ необходимости дисциплины. Всякую силу, какая бы она ни была, можно приравнять къ водѣ и огню. Я не знаю, хороша она или дурна — все зависитъ отъ дисциплины. Она можетъ сдѣлаться опустошительнымъ бичомъ и стать спасительной энергіей, смотря по тому, дана ли ей воля или на нее накинута узда. Она можетъ быть потрачена даромъ или принести обильные плоды, смотря по тому, будетъ ли она безпорядочна и капризна или послушна и постоянна.

Относительно дисциплины мнѣнія сильно расходятся и дѣлятся на двѣ главнѣйшія категоріи.

Съ одной стороны, подъ дисциплиной подразумѣваютъ совокупность средствъ, при помощи которыхъ можно изнурить жизнь и сдѣлать ее пассивнымъ орудіемъ посторонней воли.

Съ другой стороны, подъ дисциплиной подразумѣваютъ цѣлую серію средствъ, при помощи которыхъ достигаютъ того, что жизнь становится сильной, способной управлять собою и установить равновѣсіе и со-

гласіе между противорѣчащими другъ другу силами. Эта второго рода дисциплина приводитъ человѣка къ самообладанію и самоуправленію въ виду цѣли, опредѣляющей его жизнь и которой онъ постепенно посвящаетъ всего себя.

Мы не будемъ говорить здѣсь о дисциплинѣ перваго рода. Она не достойна занять мѣста въ воспитаніи человѣка—она нечеловѣчна. При помощи подобной дисциплины преподаютъ высшую школу лошадямъ, укрощаютъ природную прожорливость собакъ и учатъ ихъ приносить дичь. Это уже не дисциплина, а *дресировка*. Такая дисциплина порабощаетъ волю и дѣлаетъ изъ человѣка вещь. Она не осуществляетъ цѣли жизни, а, напротивъ, совершенно упраздняетъ ее, и лучше перестрадать и перенести все на свѣтѣ, чѣмъ подчиниться ей.

Но не надо отвергать дисциплину вообще, какъ это часто дѣлается подъ предлогомъ свободы и человѣческаго достоинства. Человѣкъ, не признающій ни закона, ни уваженія, ни узды, ни послушанія, не сознающій авторитета законовъ, которые управляютъ сущностью вещей, и должны отражаться въ совѣсти—ниже животнаго. Имѣя передъ глазами плачевное зрѣлище раздоровъ, представляемое человѣческою жизнью, случается ловить себя на желаніи, чтобы люди, живущіе подобнымъ образомъ, подвергались строгой дресировкѣ. Бываютъ дни, когда человѣческое зло и позоръ кажутся такими ужасными, что хочется прибѣгнуть къ насилію, чтобы призвать ихъ къ порядку или по крайней мѣрѣ

помѣшать имъ хвастаться своимъ позоромъ! Но это было бы все равно, что попасть изъ Харибды въ Сциллу.

* * *

Дисциплина въ хорошемъ значеніи слова всегда была нужна и полезна. Ни въ государствѣ, ни въ арміи, ни въ школѣ, ни въ семьѣ безъ нея никогда не удавалось основать ничего прочнаго. Дисциплина для энергіи столь же необходима, какъ логика для ума, экономія для финансовъ. Надо пройти черезъ ея школу и постоянно повиноваться ей, чтобы не впасть въ безпорядочность, непослѣдовательность и непроизводительность. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ проникнуты этимъ сознаніемъ. Между молодыми людьми есть много вольнодумцевъ, воображающихъ, что можно, не прибѣгая къ простымъ способамъ, достигнуть вершины горы, не утомляя себя восхожденіемъ на нее шагъ за шагомъ. Недостатокъ настоящей дисциплины—бичъ нашего времени. Съ одной стороны передъ нами своевольство и распущенность, съ другой—мрачная суровость авторитетныхъ системъ. Но очень немногіе сознательно подчиняются той дисциплинѣ, которую можно назвать матерью свободы. Я бы хотѣлъ дать почувствовать каждому юношѣ то состояніе растлѣнія и жалкаго ничтожества, въ которое впадаетъ малодушный человѣкъ, боящійся всякаго мужественнаго поступка, не умѣющій себѣ ни въ чемъ отказать, ни передъ чѣмъ устоять, дѣйствующій подъ впечатлѣніемъ страсти или случай-

наго каприза, своего или чужого, или подъ вліяніемъ обстоятельствъ и чужой воли. Можетъ быть тогда онъ захотѣлъ бы подчиниться благотворной строгости.

Хотя эта строгость и пугаетъ, но она ведетъ къ прекраснымъ результатамъ. Энергія такое великое благо, что слѣдуетъ предпочесть ударъ бича, пробуждающій ее, ласкѣ, ее усыпляющей. Несмотря ни на что, мы не перестаемъ сознавать ея значеніе. Даже люди малодушные и нравственно опустившіеся восхищаются ею. Человѣкъ, умѣющій владѣть собою—это маякъ въ моральной области.

Ничто такъ не говоритъ за себя и не внушаетъ къ себѣ довѣрія, какъ сила души. Вы чувствуете, что это могущество и что-то въ глубинѣ вашей души заставляетъ васъ желать обладанія этимъ могуществомъ. Зрѣлище униженія воли возбуждаетъ въ насъ отвращеніе къ другимъ и къ самимъ себѣ. Бываютъ дни, когда насъ подавляетъ всеобщая гнусность. Примѣры мужества, напротивъ, ободряютъ насъ. Достаточно, чтобы его ясный лучъ хоть разъ озарилъ наше сознаніе чтобы мы о немъ всю жизнь помнили. «Въ такой-то день и при такихъ-то обстоятельствахъ я видѣлъ человѣка, который исполнилъ долгъ мужества и былъ при этомъ такъ хорошъ, что я бы отдалъ все на свѣтѣ, чтобы походить на него»... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы наши молодые современники такъ думали! Какъ пріятно видѣть живого и предпріимчиваго ребенка, не обращающаго вниманія на боль, такъ же пріятно встрѣтить юношу, идеалъ котораго—быть сильнымъ и стре-

мящагося прежде всего къ тому, чтобы не бояться ничего, кромѣ низости. Такому юношѣ, конечно, придется прибѣгнуть къ дисциплинѣ и не пренебрегать ея мелкими средствами, потому что съ нихъ слѣдуетъ начать. Надо хорошенько убѣдиться въ томъ, что энергія, какъ и всѣ человѣческія способности, подчинена законамъ развитія. У нея есть своя культура, какъ и у ума, подобно которому она переходитъ отъ простѣйшихъ дѣйствій къ самымъ сложнымъ. Прогрессивное развитіе энергіи представляетъ большую аналогію со школой военнаго искусства. Солдатъ человѣкъ дисциплинированный, умѣющій переносить страданія и сражаться. Онъ подготовленъ цѣлымъ рядомъ упражненій. Эдг. Кинэ говоритъ, что сущность войны дѣлится на двѣ половины: одна—сторона человѣческая, другая—сторона божественная. Человѣческая сторона—это совокупность всего механическаго матерьяла; божественная сторона—это духъ, вдохновляющій солдатъ, дѣло, которое они отстаиваютъ. Въ великой войнѣ, къ которой готовитъ себя человѣкъ, мы наблюдаемъ то же самое. Тутъ мелкія средства представляютъ собою совокупность способовъ, смягчающихъ и укрѣпляющихъ оружіе—*волю*. Ихъ всѣ можно подвести подъ одинъ принципъ: во всѣхъ мелочахъ жизни надо стараться быть болѣе активнымъ, нежели пассивнымъ. Ѣсть, пить, спать, развлекаться, дѣлать что бы то ни было можно вполнѣ пассивно. Я могу лежать, потому что такъ надо и потому что я этого хочу; но я могу лежать также и потому, что меня одолѣваетъ лѣнь. Всѣмъ это извѣстно.

И во всѣхъ житейскихъ поступкахъ это такъ, въ чемъ очень легко убѣдиться.

Трудъ, который можетъ въ особенности считаться дѣломъ, часто имѣетъ тоже пассивный характеръ, отнимающій почти все его моральное значеніе. Работать, потому что къ этому вынуждаетъ голодъ, значитъ быть пассивнымъ. Побужденіемъ намъ служитъ нашъ голодъ, мы же подчиняемся импульсу.

Жизнь нужно завоевывать во всѣхъ ея проявленіяхъ, побѣждать случайности, постороннія вліянія, желанія, вожделѣнія, страсти, силу инерціи, которыя есть во всѣхъ насъ.

Сколько людей жили и умирали, никогда и не подозрѣвая, что великая задача человѣческой жизни состояла въ томъ, чтобы жить своей жизнью, а не позволять ей увлекать себя или господствовать надъ собою! Вотъ это-то именно я и рекомендую молодымъ новобранцамъ, поступающимъ въ эту военную школу. Нужно овладѣть своей жизнью, слѣдить за собою, отбиваться по мѣрѣ силъ отъ пассивности, нападающей на насъ и связывающей насъ по рукамъ и по ногамъ, какъ только задремлетъ наша внутренняя стража. Хорошее средство для пробужденія неусыпной дѣятельности, подчиняющее мало-по-малу нашу жизнь господству нашей разумной воли—это укрѣплять себя вообще, развивая свое мужество въ практической жизни. Испытать нужду, лишенія, даже страданія необходимо въ извѣстной мѣрѣ для того, чтобы закалить себя. Всѣ сильные характеры прошли черезъ борьбу и трудности жизни. Событія со

здавали для нихъ суровую и полезную школу. Послѣдуемъ этому указанію жизни и будемъ строги къ самимъ себѣ. Не будемъ избѣгать усталости, усилій, всего, что развиваетъ мускулы, укрѣпляетъ кости, ярче окрашиваетъ кровь, всего, что требуетъ терпѣнія и выносливости, въ чемъ бы все это ни выражалось. Будемъ соблюдать при этомъ постепенность, подобно тому, какъ достигаютъ мало-по-малу того, что поднимаютъ тяжести, которыя безъ упражненія не хватило бы силы сдвинуть съ мѣста. Физическія упражненія—одно изъ условій нравственной силы. Монтэнь говоритъ: «чтобы закалить ихъ душу, надо укрѣпить ихъ мускулы». Для человѣка, стремящагося къ самоуправленію, притупленіе способностей должно быть невыносимо. Онъ считаетъ своею обязанностью поддерживать всѣ свои силы, какъ тѣлесныя, такъ и духовныя, постоянно заботиться объ ихъ развитіи, ежедневно отшлифовывать ихъ, какъ драгоцѣнное оружіе, чтобы ихъ не коснулась ни пыль, ни ржавчина. И если этимъ мужественнымъ путемъ человѣкъ добьется господства надъ самимъ собою, человѣческія условія борьбы будутъ имъ выполнены. Тогда вопросъ коснется ея божественной стороны, т. е. духа, руководящаго ею и во имя котораго мы поднимаемъ оружіе. Пусть человѣкъ служитъ только одному господину — волѣ. Это главное условіе. Мы служимъ волѣ, которая заключается въ сущности вещей, проникаясь цѣлями, которыя она намъ открываетъ въ жизни человѣчества. Способствовать росту и преуспѣянію жизни, тому, чтобы она становилась справедливой, сильной,

чистой, здоровой, веселой, любить ее и доказывать ей свою любовь, служа ей—вотъ цѣль человѣка. Но если мы любимъ въ жизни ея божественную сущность и ея цѣлостность, то не должны ли мы многое *ненавидѣть?* Я отвѣчу такъ: дисциплина должна воспитать, смягчить, приручить нашу природу настолько, чтобы она со всѣми своими силами и способностями превратилась въ послушное и доблестное оружіе на защиту жизни, которую нужно любить и охранять отъ всѣхъ ея враговъ, которыхъ слѣдуетъ ненавидѣть, съ которыми надо сражаться, на которыхъ надо нападать не давая имъ собраться съ силами. Ненависть къ злу—необходимое дополненіе любви къ жизни. Кто не умѣетъ ненавидѣть, тотъ никогда не умѣлъ любить. Кто говоритъ: *я люблю*, и не лжетъ, тотъ этими же словами говоритъ: *я ненавижу*. Эти высокія и сильныя чувства—душа борьбы. Эти чувства знали всѣ великіе друзья человѣчества, потому что они были изъ одного куска, какъ гранитная скала, на которой можно воздвигнуть зданіе и объ которую можно разбить голову.

Любить и ненавидѣть всѣми силами души, до самопожертвованія, до смерти—вотъ высшая ступень мужественной дисциплины. Скромно проявляя себя вѣрностью въ маломъ, разумное повиновеніе стало высшей свободой, скажу больше, самымъ высокимъ и чистымъ счастьемъ.

Пусть сгинетъ это трусливое, пассивное счастье, которое изнѣживаетъ и обезоруживаетъ человѣка, дѣлая его неспособнымъ отразить даже самый слабый

ударъ! Какое ничтожество такое счастье! Истинное счастье въ дѣятельности, въ борьбѣ. Жить, бороться, страдать за все, что мы любимъ, чему поклоняемся! За правду, свободу, отечество, за унижаемыхъ и оскорбляемыхъ! быть мужественнымъ, человѣчнымъ; быть оплотомъ (rempart), какъ говорили греки, незыблемымъ краеугольнымъ камнемъ; быть вѣрнымъ въ своемъ словѣ, будетъ ли оно «да» или «нѣтъ», чтобы на него могли разсчитывать, какъ на восходящее солнце; присоединиться къ безсмертной фалангѣ, подвигающейся впередъ по полю чести, озаренному лучами солнца! Молодой другъ мой, читая эти строки и представляя себѣ такую участь, чувствуешь ли ты, какъ въ тебѣ закипаетъ кровь? Эта участь будетъ твоею, но для того, чтобы достигнуть ея, нужно обладать мужествомъ и терпѣніемъ отдавая себя въ руки учителя фехтованія.

V.

Трудъ.

Трудъ—это спокойная и непрерывная форма дѣятельности. Намъ твердятъ:

«Трудъ—жизнь, праздность—смерть». Если это справедливо, въ чемъ я ни мало не сомнѣваюсь, то насъ всѣхъ подтачиваетъ смерть. Какъ, скажутъ мнѣ, вы находите, что мало работаютъ? Другіе находятъ, что работаютъ слишкомъ много. Но придемъ къ соглашенію. Ни одинъ вѣкъ столько не работалъ, какъ нашъ, но кто дѣлалъ дѣло? Немногіе. На одного изобрѣтателя, измучившагося надъ своими открытіями, сколько приходится людей ничего не дѣлающихъ и пользующихся его трудами?! Въ промышленности трудъ лежитъ на плечахъ однихъ, другіе же пользуются имъ, не отдавая должной справедливости трудящимся. Американецъ Беллами очень удачно сравниваетъ общество съ омнибусомъ: одни его везутъ, другіе въ немъ ѣдутъ, споря изъ-за мѣстъ. Трудъ плохо понимается и многими даже

презирается. Въ большинствѣ случаевъ его считаютъ повинностью, которую надо отбывать ради заработка. У кого есть кусокъ хлѣба, тотъ не имѣетъ надобности въ работѣ, а бѣднякъ работаетъ изъ нужды. То и другое скверно. Я различаю два рода лѣнтяевъ: одни ничего не дѣлаютъ, другіе работаютъ ворча и бранясь. Необходимо возстановить уваженіе къ труду. Какъ это сдѣлать? Работать должны всѣ безъ исключенія. Исходя изъ того положенія, что трудъ — законъ жизни, нельзя допускать, чтобы кто либо и по какому либо поводу отъ него уклонялся. Кто не работаетъ, тотъ обреченъ на погибель самымъ духомъ этого высшаго закона. Онъ погибаетъ отъ внутренняго истощенія, снѣдаемый заключенной въ немъ энергіей, которой нѣтъ выхода и которая превращается въ ядъ. Все, что остается безъ движенія, ржавѣетъ и портится. — Вы ничего не дѣлаете, молодой человѣкъ? Достаточно. Я предпочелъ бы, чтобъ у васъ была холера, потому что она оскверняетъ и убиваетъ только тѣло. Ваша болѣзнь, называемая праздностью, разрушаетъ всего человѣка. Вы не только заражены сами, но представляете собою очагъ заразы. Въ благоустроенномъ обществѣ человѣкъ, заболѣвшій вашей болѣзнью, долженъ бы быть приговоренъ къ смертной казни, къ смертной казни черезъ всеобщее презрѣніе, черезъ голодъ. Если человѣкъ, не работая самъ, живетъ трудомъ другихъ и имѣетъ хлѣбъ въ изобиліи, или когда у него самого ничего нѣтъ и онъ выпрашиваетъ или воруетъ себѣ на пропитаніе у другихъ или же обхо-

дится какимъ нибудь инымъ способомъ—ему нѣтъ мѣста въ мірѣ, подчиненномъ закону труда и солидарности. Онъ падаетъ съ дерева, какъ сухой листъ.

Но мы, любящіе трудъ, понимающіе, насколько онъ хорошъ, достоинъ уваженія, полезенъ, мы, сознающіе, что онъ великій освободитель и миротворецъ, не будемъ замалчивать его. Нашъ вѣкъ скрываетъ трудъ и щеголяетъ этимъ. Въ нашихъ городахъ окна магазиновъ бросаются въ глаза, а мастерскія скрыты отъ взоровъ. Мы видимъ результаты, но не усиліе. Какъ это вредно для юношества и для всѣхъ насъ! Не знать, какого труда все это стоитъ! Не видать маленькой блѣдной руки, сработавшей это кружево, закоптѣлаго кулака, выковавшаго всѣ эти приборы и снаряды, руки, создавшей эту машину — значитъ быть обманутымъ и способнымъ на несправедливость. Мы начинаемъ думать, что все это дѣлается очень легко, а можетъ быть и само собою. Покажемъ трудъ воочію, это соціальная необходимость, должная дань правдѣ. Сдѣлаемъ еще больше, почтимъ его въ нашей собственной особѣ, чтобы научить юношество уважать его. Никогда мы его не выставимъ напоказъ въ достаточной мѣрѣ. Не прячьте вашихъ рукъ, если онѣ носятъ слѣды работы, не совершайте этимъ дурного дѣла. Смотрите, какъ похваляется зло! Не прибавляйте же къ его безстыдству вашего ложнаго стыда. Зачѣмъ такъ тщательно вытирать на лбу трудовой потъ, который дѣлаетъ вамъ честь? Солдатъ никогда не бываетъ такъ хорошъ, какъ закопченный пороховымъ дымомъ! Что такое парадный

мундиръ въ сравненіи съ походной формой! Старый Діогенъ, котораго никто не понимаетъ и котораго такъ невѣрно опредѣляетъ эпитетъ циника, былъ великимъ практическимъ философомъ и прекраснымъ наставникомъ. Онъ училъ, между прочимъ, своихъ юныхъ учениковъ переносить на себѣ разныя тяжести, орудія и другіе необходимые предметы, пренебрегая нелѣпыми общественными предразсудками того времени. Если бы онъ былъ и теперь между нами, онъ внушилъ бы свои суровыя правила молодымъ людямъ, которые не смущаются тѣмъ, что ихъ встрѣчаютъ въ дурномъ обществѣ, и которые покраснѣли бы, если бы ихъ застали за какой нибудь скромной и честной работой.

Этимъ скрываніемъ труда юношеству обоихъ половъ прививаются самые нелѣпые обычаи и самыя ложныя понятія. Вы извиняетесь, сударыня, когда я васъ застаю за домашнимъ дѣломъ или ухаживающею за вашими дѣтьми. Ваше смущеніе не дѣлаетъ чести ни мнѣ ни вамъ. Развѣ мы съ вами презираемъ трудъ? Готовить обѣдъ, хозяйничать, ухаживать за дѣтьми, да что же можетъ быть лучше этого? Бываетъ ли мать семейства когда нибудь болѣе трогательна, какъ когда она на своемъ мѣстѣ? Какого же лучшаго примѣра нужно для юношества? Конечно, не надо ничего преувеличивать и пачкать себѣ лицо и руки безъ всякой надобности. Достоинство добродѣтели въ ея тактѣ и скромности. Но вѣдь мы другъ друга хорошо понимаемъ, не правда ли? Теперь часто повторяютъ, что молодые люди не хотятъ больше работать и тѣ, кто говорятъ

14*

это, сами прямые виновники этого бездѣйствія. Дѣлаясь слугами своихъ дѣтей, избавляя ихъ отъ всякаго усилія, не пріучили ли они ихъ сами къ лѣни?

Такъ какъ мы заговорили о ручномъ трудѣ, то обратимъ особенное вниманіе на эту заброшенную форму дѣятельности. Въ немъ я вижу одно изъ сильныхъ оздоровляющихъ средствъ, необходимыхъ въ наше время. Прежде всего, равновѣсіе, поколебленное излишествомъ умственнаго труда, чрезмѣрнымъ напряженіемъ нашихъ способностей представленія (nos facultés représentatives) было бы возстановлено уклоненіемъ въ сторону мышечной дѣятельности. Она укрѣпляетъ силы и даетъ отдыхъ отъ усиленнаго напряженія вниманія и мышленія и возстанавливаетъ извѣстное равновѣсіе въ переутомленномъ организмѣ. Съ этой точки зрѣнія ручной трудъ является однимъ изъ самыхъ сильныхъ терапевтическихъ средствъ. Онъ обогащаетъ кровь, развиваетъ энергію, поддерживаетъ хорошее расположеніе духа, когда оно есть, и возвращаетъ его, когда оно утрачено. Человѣкъ живетъ гораздо веселѣе и шире, когда онъ не пренебрегаетъ нормальнымъ физическимъ трудомъ и его мышленіе отъ этого не только ничего не теряетъ, но выигрываетъ. Черезчуръ усидчивыя занятія изнуряютъ организмъ, извращаютъ впечатлѣнія и понятія, мѣшаютъ ясности пониманія, располагаютъ къ преувеличеніямъ и эксцентричности. Нельзя безнаказанно оторваться отъ основы жизни. Мы лучше держимъ перо въ рукѣ и лучше владѣемъ имъ поработавъ рубанкомъ, пилой, молоткомъ, потому что ничто такъ

не способствуетъ дѣятельности мозга и возникновенію идей, какъ умѣренный физическій трудъ. Съ другой стороны, приближаясь къ дѣйствительности, къ видимому и осязаемому, ко всему, что принадлежитъ къ чисто практической области, мы въ глубинѣ своего существа накопляемъ какъ бы драгоцѣнный балластъ, не допускающій нашу мысль затеряться въ пустомъ пространствѣ. Сколькіе политики избѣгли бы опасности пустыхъ формулъ и безплодной страсти къ законодательству, если бы они на самихъ себѣ испытали практическія нужды народа!

Но изъ всѣхъ видовъ ручного труда нѣтъ ни одного, который бы по своему чудодѣйственному вліянію сравнялся съ полевыми работами. Онѣ наименѣе доступны учащейся молодежи въ учебное время, но бываютъ каникулы. Счастливъ тотъ, кто на это время можетъ уйти въ поле, у кого есть собственный клочокъ земли или какой нибудь родственникъ или другъ, который посвятитъ его въ тайну деревенской жизни! Поля обладаютъ душой, которая живетъ въ бороздахъ и копнахъ, на межахъ и лугахъ, душой благотворной, успокаивающей, кротко-назидательной и полной мужественныхъ порывовъ. Виргилій понялъ эту душу. Древній міръ былъ проникнутъ ею. Но нужно употребить усиліе, чтобы уразумѣть ее. Земля со всѣми разговариваетъ и добра ко всѣмъ, но есть вещи, которыя она говоритъ только тому, кто ее любитъ. Я считаю самымъ большимъ несчастіемъ для людей разрывъ съ землею, вслѣдствіе котораго они въ большихъ городахъ попа-

даютъ въ сферу искусственной жизни и начинаютъ презирать землю. Сколько правды въ древнемъ миѳѣ о великанѣ Антеѣ, возобновлявшемъ свои силы всякій разъ, что онъ касался земли — своей матери и побѣжденнаго только тогда, когда его противнику удалось его оторвать отъ нея! Нужно вернуться къ землѣ и возстановить свои силы на ея могучемъ лонѣ. Молодые люди, усталые, переутомленные занятіями, малокровные, изнуренные городской жизнью, ступайте на поля! Поговорите съ крестьянами, а еще лучше, попросите у нихъ работы. Научитесь пахать, косить, копать землю. Черезъ нѣсколько дней вы будете поражены количествомъ новыхъ вещей, которыя вамъ откроются. Вы узнаете, какого труда и муки стоитъ хлѣбъ, который ѣдятъ толпы неблагодарныхъ людей и котораго вы съ этихъ поръ не коснетесь безъ умиленія, памятуя, что онъ дѣло рукъ человѣческихъ и Божьяго солнца. Пахарь, бросающій зерно въ землю, станетъ для васъ символомъ всего человѣчества, сѣющаго и надѣющагося. Возлѣ этого пахаря, если прежде жизнь и казалась вамъ пустой и ничтожной, вы повторите вслѣдъ за поэтомъ:

> Я чувствую, какъ долженъ вѣрить онъ,
> Что день за днемъ бѣгутъ не безполезно.

Вы поймете всю святость труда и глубокое значеніе жизни. Я даю этотъ совѣтъ, потому что знаю все это по собственному опыту. Не одну десятину овса и пшеницы скосилъ я въ длинные, жаркіе іюльскіе дни. Меня успокаивалъ медленный ритмъ взмаховъ косы,

клавшихъ рядами тяжелые желтые колосья; я прислушивался къ посвистыванію перепеловъ и въ полѣ, и за гранью золотыхъ волнъ хлѣбовъ въ лѣсахъ, синѣющихъ надъ виноградниками; я размышлялъ о людскихъ тревогахъ, о горнилахъ, какими являются большіе города, о мучительныхъ проблемахъ нашего вѣка, о нашихъ соціальныхъ недугахъ и гораздо лучше и яснѣе разобрался во всемъ этомъ. Да, я увѣренъ въ томъ, что однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ противъ нашихъ соціальныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ недуговъ былъ бы возвратъ къ землѣ и къ полевымъ работамъ. Я не могу не привести здѣсь одной страницы моего друга Т. Фалло, изъ его «Размышленій земледѣльца» (Idées d'un rural), которыя я рекомендую всѣмъ вообще молодымъ людямъ, но въ особенности тѣмъ, которыхъ неправильное пониманіе жизни побудило отказаться отъ воздѣлыванія своей земли и явить собою пагубный примѣръ:

«Культурные классы должны показать примѣръ возвращенія въ деревню, къ землѣ. Они были причиной зла, они же должны и исправить его.

«Не они ли привили крестьянамъ это обоготвореніе большихъ городовъ и всего, что отъ нихъ исходитъ— идей и товаровъ сомнительнаго достоинства? Не они ли создали и распространили культъ денегъ, зарабатываемыхъ безъ труда въ этихъ городахъ, возбудили жажду искусственныхъ городскихъ удовольствій? Не они ли виноваты и во всемъ остальномъ?

«Лишивъ крестьянина уваженія къ землѣ и оплодо-

творящему ее труду, не легко будетъ ему возвратить его. Однако же слѣдуетъ заставить его понять во что бы то ни стало, что деревенскому образу жизни слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ всѣми другими. Иначе бѣгство изъ деревни не прекратится.

«Но слова мало имѣютъ вліянія на землепашца. Одно дѣло можетъ его образумить. Когда онъ увидитъ, что зажиточныя семьи и образованные люди поселятся рядомъ съ нимъ и будутъ работать такъ же, какъ и онъ, онъ пойметъ, что его обманывали, увѣряя, что въ городѣ можно достать больше червонцевъ, чѣмъ сколько у него камней въ виноградникѣ, и тронутый этимъ открытіемъ, онъ снова весело возьмется за плугъ и лопату, обрабатывая свою землю подъ лучами Божьяго солнца и помогая ей приносить плоды.

«Но я не хочу, чтобы возникло какое либо недоразумѣніе. Я не проповѣдую культурнымъ людямъ ни самоотреченія, ни апостольства, но хочу, чтобы они разумно взялись за дѣло, отъ котораго они сами будутъ въ выигрышѣ.

«Почтенная корпорація фармацевтовъ будетъ тщетно выводить формулу за формулой, скатывать пилюлю за пилюлей, она никогда не отыщетъ возстанавливающаго и укрѣпляющаго средства, равнаго по силѣ своего дѣйствія съ обработкою земли».

Древніе были разумнѣе насъ, заставляя своихъ дѣтей обучаться какому нибудь ремеслу, независимо отъ ихъ общественнаго положенія.

Такой образъ практическаго воспитанія составляетъ

необходимое дополненіе всякой мужественной культуры.

Ручной трудъ, на мой взглядъ, имѣетъ еще одно преимущество помимо только что перечисленныхъ мною. Онъ представляетъ собою почву для соціальнаго сближенія. До тѣхъ поръ, пока этотъ трудъ презирается образованными и обезпеченными классами, остаются поводы къ недоразумѣніямъ и злопамятству. Вопреки всѣмъ протестамъ и свидѣтельствамъ въ честь тѣхъ, кого называютъ тружениками, эти послѣдніе убѣждаются, что ихъ трудъ ничего болѣе, какъ рабство, въ которое никто не захочетъ закабалить себя добровольно. Отсюда до ненависти къ ручному труду всего одинъ шагъ. Что же касается до умственнаго труда, обставленнаго внѣшнимъ комфортомъ, то народъ его легко обезцѣниваетъ, видя въ немъ лишь пріятное времяпровожденіе или личину, прикрывающую праздность. Тому, кто выноситъ палящій зной, непогоду, зловоніе шахтъ, трудно понять, что можно страдать, бороться, утомляться, поднимать тяжести, взбираться на крутыя горы спокойно сидя гдѣ нибудь подъ тѣнью дерева.

Недоразумѣнія, вытекающія изъ такого порядка вещей, представляютъ собою важное препятствіе для соціальнаго прогресса. Для ихъ устраненія нужно, чтобы образованные классы освоились съ трудомъ другихъ классовъ и попытались возстановить уваженіе къ самымъ скромнымъ занятіямъ.

Въ настоящее время трудъ сталъ способомъ для

пріобрѣтенія матерьяльныхъ средствъ, роскоши, удовольствій, репутаціи. Мы ему отвели подчиненную роль. Какъ большая часть человѣческихъ силъ, прекрасныхъ на свободѣ, онъ въ рабствѣ подвергается искаженію. Онъ, какъ любовь и религія, выродился до неузнаваемости. Мы почти не знаемъ иного труда кромѣ продажнаго. Даже умственный трудъ презирается и продается. Кому приходитъ въ голову, что трудъ одинъ изъ чистѣйшихъ источниковъ счастья и что онъ святъ только тогда, когда онъ безкорыстенъ? Путемъ труда человѣкъ лучше постигаетъ сущность вещей, правду, справедливость, все, что достойно уваженія. Мнѣ кажется, что для того, чтобы намъ могла открыться великая тайна жизни, для того, чтобы мы могли получить живительный электрическій толчокъ, мы должны приложить свои руки къ полезному дѣлу. Работая, забываясь въ любимомъ трудѣ, человѣкъ чувствуетъ, что произошелъ отъ Вѣчнаго Зиждителя. Но, чтобы познать трудъ въ совершенствѣ, нужно помнить, что онъ иногда называется мукой.

VI.

Страданія и муки.

Для людей, жонглирующихъ словами, слово значитъ не болѣе, чѣмъ копѣйка для капиталиста-спекулятора. Тотъ и другой пользуются результатами чужого труда. Но для того, кто добываетъ деньги въ потѣ лица, онѣ имѣютъ свою настоящую цѣну; онъ знаетъ, чего стоитъ добыть ихъ. То же самое бываетъ и со словами. Чего стоило изобрѣтеніе этихъ словъ, которыя одни нацѣпляютъ на себя, какъ брелоки, и въ убранствѣ которыхъ другіе являются, какъ наряженный пудель! Слова, это въ сжатомъ видѣ цѣлыя длинныя исторіи, цѣлыя флоры жизни, это мысли, собранныя въ одинъ букетъ. Возьмите слово *labor*, означающее въ одно и то же время и трудъ, я муку! Въ немъ цѣлая философія и цѣлая мораль! Оно соединяетъ въ одно представленіе созидательную дѣятельность человѣка и законъ страданья и муки, которому мы всѣ подчинены. Не указываетъ ли это слово, что скорбь сопровождаетъ трудъ въ долгой и медленной эволюціи человѣчества

и что эта эволюція есть муки дѣторожденія. Вотъ какимъ сознаніемъ долженъ проникнуться юноша, чтобы имѣть вѣрное представленіе о значеніи этихъ мукъ и не стремиться лишь къ одной формѣ дѣятельности, къ счастью и наслажденію, проникающимъ все существо сладострастіемъ творчества, не отказываться отъ тяжкаго усилія и сдѣлать дѣятельнымъ даже пассивное страданье, добровольно перенося его.

Человѣкъ по природѣ своей противится мукамъ и страданьямъ. Страданья его охраняютъ, предостерегая его. Когда человѣкъ заблуждается, они становятся передъ нимъ, чтобы вразумить его. Поэтому, естественно, чтобы мы стремились къ тому, что удлинняетъ и улучшаетъ жизнь, и избѣгали того, что ее сокращаетъ и причиняетъ страданья. Но именно поэтому, не должны ли мы быть благодарны страданью?

L'homme est un apprenti, la douleur est son maître
Et nul ne se connaît avant d'avoir souffert.

A. de Musset [1]).

Страданье служитъ намъ не только пассивнымъ предостереженіемъ въ опасныхъ случаяхъ жизни, но оно заставляетъ насъ внимательнѣе относиться къ самимъ себѣ, открываетъ намъ самихъ себя. Сколько вещей человѣкъ хорошо видитъ только сквозь слезы! А какія же слезы искреннѣе и трогательнѣе слезъ молодости? Какъ тяжко страдаетъ еще нетронутое и воспріимчивое

---

[1]) Страданье учитъ человѣка; никто, не выстрадавъ, себя не познаетъ.

сердце, когда оно приходитъ въ соприкосновеніе съ суровой и часто безжалостной дѣйствительностью! По какимъ испытаніямъ оно проходитъ! Въ нашъ суровый и положительный вѣкъ молодые люди знаютъ объ этомъ кое-что. Наша обязанность сказать имъ: любите страданье, проистекающее изъ противорѣчія дѣйствительности съ вашимъ идеаломъ. Проникните черезъ это страданье въ нѣдра вашей души и вопросите ее. Всякій разъ, какъ вы почувствуете себя раненымъ и оскорбленнымъ въ вашемъ глубокомъ и истинномъ чувствѣ, когда вы встрѣтите препятствіе вашему законному стремленію, переносите мужественно ваше страданіе. Пусть оно будетъ сигналомъ тревоги, возбуждающимъ васъ къ сопротивленію, къ борьбѣ, къ исканію чего-то лучшаго. Тогда вы познаете, что страданіе освобождаетъ. Одновременно съ цѣпями оно куетъ и оружіе. Въ этой школѣ священныхъ мукъ юности, угнетенные, страдающіе отъ несправедливостей, которымъ сильный подвергаетъ слабаго, научитесь правдѣ. Не уподобляйтесь новичкамъ-школьникамъ, которые, будучи притѣсняемы старшими, утѣшаютъ себя тѣмъ, что, въ свою очередь, выместятъ это на младшихъ. Пусть скорбь научитъ васъ жалости, приблизитъ васъ къ страждущимъ, къ «малымъ», къ народу, ко всѣмъ, кого обходятъ и забываютъ. Она раскроетъ вамъ великія сокровенныя тайны. Но она сдѣлаетъ для васъ и больше. Она приблизитъ васъ къ умершимъ, какъ приблизила къ живымъ. Великія историческія страданья не останутся вамъ чужды. Вы соединитесь

съ тѣми, кто жилъ до васъ, страдалъ, мучился и жертвовалъ собою. Человѣчество, презираемое тѣми, кто для него ничего не дѣлаетъ, предстанетъ передъ вами во всей красѣ своего страданья, и вы полюбите его сильнѣе. Вы будете жаться къ нему, какъ дѣти жмутся къ плачущей матери, и оно откроетъ вамъ тайну силы, надежды, вѣры, хранимыхъ въ святилищѣ великихъ страданій. Не бойтесь, чтобы ваша юность утратила отъ этого свою веселость. Страданіе, какъ и трудъ, поддерживаетъ способность быть счастливымъ. На его скалистыхъ тропинкахъ ростутъ чудные цвѣты, которыхъ никогда не видали непосвященные.

* * *

Страданье — сильная пружина. Слишкомъ легко достающаяся жизнь изнуряетъ; изнѣженная молодость— плохая подготовка къ жизни. Въ молодости слѣдуетъ повиноваться. Тяжело нести бремя счастливыхъ дней, если опытность не придетъ намъ на помощь. Пожелаемъ себѣ лучше испытать нужду. Она гораздо полезнѣе. Она закаляетъ волю, дѣлаетъ кожу грубѣе, подготовляетъ къ свободѣ. Она придаетъ мужества, ее долженъ желать юноша, стремящійся быть человѣкомъ. Взгляните на лучшихъ людей настоящаго времени и прошлаго. Они всѣ испытали нужду и гордятся этимъ. Ктому же объ ней очень интересно разсказывать впослѣдствіи. *Meminisse juvat.* Конечно, мягкая постель, хорошій обѣдъ имѣютъ свою прелесть. Не будемъ ничего презирать и при случаѣ воспользуемся ими лучше,

чѣмъ кто нибудь. Но не это запечатлѣвается прежде всего въ памяти. Охотнѣе вспоминаются случаи голодовки, спанья на голыхъ доскахъ, даже подъ открытымъ небомъ. Я никому не желаю страдать отъ голода и холода, но испытать нужду и суровую жизнь считаю необходимымъ для молодого человѣка.

Поэтому, нужно радоваться, если мы родились въ скромной средѣ, а если нѣтъ, то стремиться къ простотѣ вкусовъ и потребностей. Я бы хотѣлъ, чтобы было побольше богатыхъ молодыхъ людей, увлеченныхъ трудомъ, усиліями, лишеніями, и поменьше юношей вышедшихъ изъ скромной среды, стыдящихся своего положенія, своего происхожденія, постоянно желающихъ казаться богаче, чѣмъ они есть, и растрачивающихъ на прихоти ограниченный достатокъ своихъ родителей!

Я считаю страданье лучшимъ другомъ человѣка Безъ него человѣчество оставалось бы въ первобытномъ состояніи варварства и ему мы обязаны процвѣтаніемъ всего прекраснаго.

Каждый юноша долженъ его уважать, чтить превыше всего на свѣтѣ, любить и лобызать въ пыли кровавые лѣды его шаговъ.

VII.

Размышленіе, сосредоточенность и отдыхъ.

Тому, кто не хочетъ идти по избитой дорогѣ, необходимо обосновать свой внутренній міръ. Чтобы быть безпристрастнымъ, безошибочно находить прямую дорогу, онъ не долженъ поддаваться внѣшнимъ внушеніямъ, не долженъ уклоняться въ сторону партійныхъ интересовъ и собственныхъ побужденій, не долженъ прислушиваться къ рѣзкимъ, нестройнымъ голосамъ, потрясающимъ вокругъ него воздухъ. Я требую, чтобы въ жизни нашей молодежи было отведено большое мѣсто сосредоточенности. — Какъ этого достигнуть, это другой вопросъ. — Мнѣ пришлось разъ видѣть, какъ кудрявый мальчикъ съ тонкими чертами лица, принадлежавшій, повидимому, къ семьѣ ярмарочнаго торговца и проводившій каникулы подъ кровомъ родительской повозки, сидѣлъ на складномъ стулѣ, облокотившись на свои колѣна и заткнувъ себѣ уши большими пальцами. Онъ былъ углубленъ въ чтеніе книги. Направо отъ него фокусникъ крикливо зазывалъ публи-

ку, налѣво гремѣлъ тромбонъ, немилосердно трещалъ огромный барабанъ, нѣсколько органовъ соперничали другъ съ другомъ одновременно наигрывая различные мотивы и оглушительно гудя своими мѣдными трубами. Лаяли собаки, пѣли, орали и дрались прохожіе. Мальчикъ былъ непоколебимъ. Я долго на него смотрѣлъ. Въ ту минуту онъ былъ для меня символомъ. Если въ наше время кто нибудь хочетъ сосредоточиться, надо взять примѣръ съ него. Этотъ мужественный ребенокъ обезпечилъ себѣ тишину среди ярмарочнаго гвалта. Надо сознаться, что сила сосредоточенности не всѣмъ дана. Она, можетъ быть, далась бы намъ, если бы мы знали цѣну уединенія. Но отъ него гораздо чаще бѣгутъ, чѣмъ ищутъ его. Каждый, уходя изъ класса, изъ аудиторіи, изъ конторы, изъ лабораторіи, изъ мастерской, считаетъ себя обязаннымъ принять мѣры предосторожности противъ опасности остаться съ-глазу на-глазъ съ самимъ собою.

Люди, приходившіе къ Іоанну Крестителю, тронутые его словомъ, спросили у него, что имъ надо дѣлать, чтобы избѣжать будущаго гнѣва. Ихъ вопросъ по аналогіи напоминаетъ мнѣ вопросъ многихъ нашихъ современниковъ. Они спрашиваютъ: что намъ надо дѣлать, чтобы избавиться отъ самихъ себя? Не боятся ли они дурного общества, оставаясь лицомъ къ лицу съ собственной особой? Право можно подумать, что это такъ и есть. Одиночеству они предпочитаютъ самое скучное и самое вредное общество. Нѣкоторые лучше проскучаютъ въ толпѣ за деньги, чѣмъ въ одиночествѣ да

ромъ. Ничего не можетъ быть интереснѣе, какъ наблюдать всѣ соображенія и ухищренія, примѣняемыя въ этой борьбѣ противъ уединенія. Отъ него застраховываются, какъ отъ града или пожара. Не страховая ли премія тотъ пятакъ, за который бѣднякъ купитъ газету и часто не прочтетъ изъ нея ничего, кромѣ фельетона? Вы, конечно, знакомы съ людьми, имѣющими при себѣ всегда нюхательную соль на случай дурноты. Есть такіе, которые носятъ съ собою цѣлую аптеку. Это еще предусмотрительнѣе. Съ иной цѣлью, другіе всегда имѣютъ при себѣ газету, романъ, карты. Какъ только придетъ такая минута, что имъ представится возможность подумать, углубиться въ самихъ себя, они поскорѣе вытаскиваютъ изъ кармана спасительное средство. Они просматриваютъ биржевую хронику, прочитываютъ описаніе какого нибудь происшествія или раскладываютъ пасьянсъ... Опасность предотвращена, и какая еще опасность! имъ грозило уединеніе. Этотъ страхъ передъ внутреннимъ міромъ доходитъ до смѣшного.

Въ резулататѣ очень многіе становятся чужими самимъ себѣ. Вся интенсивность жизни перенесена ими на ея поверхность. Чаннингъ говорилъ: «Множество людей умиракстъ столь же чуждыми самимъ себѣ, насколько намъ чужды страны, едва извѣстныя по имени и въ которыя не проникалъ еще человѣкъ». Въ нѣкоторыя историческія эпохи уединенное размышленіе удаляло вѣрующихъ отъ внѣшняго міра, всецѣло перенося ихъ вниманіе на внутренній міръ. Дорога, отъ которой мы

теперь удалились, это маленькая тропинка, ведущая къ нашему собственному сердцу. Въ тиши ея покинутыхъ изгибовъ слышатся ласковые и могучіе голоса, отъ звука которыхъ наши уши давно отвыкли.

Уединеніе, котораго мы избѣгаемъ, хорошо, а размышленіе благотворно. Въ жизни нужны остановки и, какъ говоритъ пророкъ Исаія: въ тишинѣ и упованіи крѣпость ваша.

Вы мнѣ скажете, что все, что я говорю здѣсь, противорѣчитъ дѣлу, которое я выставляю главнымъ условіемъ новаго идеала. Нисколько. Источникъ спокойныхъ и безошибочныхъ поступковъ въ сосредоточенности.

Въ чемъ заключается сила воли, твердость и ясность сознанія? Въ умѣніи быть одному и не поддаваться внѣшнимъ побужденіямъ, въ крѣпости духа. Уединиться не значитъ уйти отъ міра, ослабить свои силы болѣзненнымъ одиночествомъ или безплоднымъ созерцаніемъ своего собственнаго «я». Въ этомъ смыслѣ мы, напротивъ, говоримъ: *vae soli*! Сосредоточиться значитъ сковать и отточить себѣ оружіе въ уединеніи, чтобы съ новой энергіей дѣйствовать имъ въ бою. Это отступленіе съ цѣлью собраться съ силами.

Надо, чтобы внутренняя жизнь была такъ же дѣятельна, какъ и внѣшняя, иначе внѣшняя дѣятельность превратится въ безпокойство. Удаленіе отъ внѣшняго міра играло роль въ каждой плодотворной жизни.

Голосъ, вызывающій откликъ, всегда исходитъ изъ устъ, умѣющихъ хранить молчаніе. Тайна сильныхъ

15*

словъ и героическихъ поступковъ въ великомъ безмолвіи души. Въ тиши уединенія человѣкъ собирается съ силами, чтобы мощно проявить ихъ, когда настанетъ время. Можно сказать, что у души, какъ и у природы есть свои долгія зимы, когда все безмолвствуетъ и дремлетъ, свои весны, когда все пробуждается, прозябаетъ и ростетъ, и свои жатвы. Существуютъ законы, противъ которыхъ нельзя возставать не рискуя натолкнуться на невозможность. Это справедливо относительно личныхъ изслѣдованій и открытій. Всѣ труженики ума должны объ этомъ постоянно помнить, чтобы не создавать эфемерныхъ произведеній, не имѣющихъ ни значенія, ни силы. Проклятіе профессій, вынуждающихъ человѣка говорить или писать въ опредѣленные дни, состоитъ въ томъ, что онѣ подстрекаютъ его къ искусственному творчеству. Чѣмъ моложе человѣкъ, тѣмъ больше вреда приноситъ ему подобный родъ занятій. Когда слишкомъ торопятся, то уже не работаютъ, а фабрикуютъ. Я всегда буду совѣтовать молодому человѣку, дорожащему своею индивидуальностью, работать не спѣша. Лучше пусть пересохнетъ чернильница и заржавѣетъ перо, чѣмъ производить на свѣтъ недоношенныя мысли. Относительно поступковъ можно сказать то же самое. Не нужно, чтобы внѣшняя дѣятельность обгоняла внутреннюю. Все, что является прежде времени, ложно и недолговѣчно. Чѣмъ обусловливается исключительная сила и безсмертная красота классическихъ шедевровъ поэзіи, живописи и ваянія? Терпѣливымъ вынашиваніемъ произведенія, явивша-

гося на свѣтъ доношеннымъ, безъ лихорадки и искусственныхъ приспособленій. Сколько негодной работы мы производимъ потому, что не знаемъ силы сосредоточенности и тайны того, что чѣмъ медленнѣе натягивается лукъ, тѣмъ дальше летитъ стрѣла.

***

Сосредоточенность является силой еще и потому, что она обезпечиваетъ единство жизни. Развѣ наѣздникъ тотъ, кто ѣдетъ въ ту сторону, куда поворачиваетъ его лошадь? Конечно, нѣтъ. Кто не умѣетъ вновь переживать свое прошлое, объединять свои стремленія, похожъ на всадника, мечущагося изъ стороны въ сторону по волѣ своего коня. Сами того не подозрѣвая, подобные люди подчиняются тысячѣ внѣшнихъ внушеній и приноравливаются къ обстоятельствамъ. Индивидуальность не ихъ удѣлъ, они — результаты.

Чтобы избѣгнуть недостойнаго рабства, доводящаго людей до того, что они сегодня разрушаютъ то, что создали вчера, губятъ плодъ жизни, есть только одно средство: сосредоточенность. Нужно, чтобы юноша вспоминалъ свое дѣтство, человѣкъ зрѣлаго возраста — свою юность. Лучшіе изъ насъ поступаютъ такимъ образомъ. Въ теченіе жизни, не смотря на всѣ ея внѣшнія колебанія, въ душѣ человѣческой должно соблюдаться обязательство вѣрности между всѣми возра стами: юноша долженъ сохранить наивность, мужчина — веселость и энтузіазмъ, старикъ — довѣріе, спокойствіе и ясность, нужно, чтобы всѣ они могли под-

держать другъ друга. Печально существованіе человѣка, который видитъ себя въ мертвомъ прошломъ, какъ незнакомца, говорящаго и любящаго вещи, которыхъ теперь онъ уже не понимаетъ! Горе народамъ, забывающимъ свою исторію, людямъ, забывающимъ свое прошлое!

Царь Агасферъ только еще началъ слушать чтеніе своей собственной исторіи, какъ уже нашелъ, что слѣдовало загладить много несправедливостей. Разрѣшимъ же безпристрасному лѣтописцу, именуемому совѣстью, прочесть на страницахъ минувшихъ дней то, чѣмъ мы когда-то были, что мы выстрадали, что мы совершили и чѣмъ пренебрегли. Отнесемся съ уваженіемъ къ внутреннему голосу, который такъ настойчиво и убѣдительно говоритъ намъ: *Sta viator*.

Путникъ, остановись, сдѣлай привалъ! Припомни прошлое. Заставитъ ли это тебя плакать или смѣяться, то и другое одинаково благотворно. Послѣ такой остановки человѣкъ бываетъ лучше, потому что пріобрѣтаетъ постоянство. Жизнь безъ воспоминаній — разорванная цѣпь. Ея драгоцѣннѣйшее звено потеряно и она ничего не стоитъ. Нужно ли мучиться, стараться, бѣжать, спѣшить для того, чтобы потомъ все было поглощено бездной забвенія! *Sta viator!* Не говори, что ты торопишься. Какой прокъ въ быстротѣ, если она толкаетъ въ пропасть. Кто не поддерживаетъ въ себѣ моральнаго равновѣсія, не переживаетъ вновь своей жизни, кто дѣлаетъ свое дѣло и отходитъ прочь забывая о немъ, какъ забываютъ глупыя птицы свои яйца

въ пескѣ, тотъ стремится къ вѣрной погибели. Въ тотъ моментъ, когда онъ всего менѣе этого ожидаетъ, онъ разобьетъ себѣ лобъ о камень, имъ же самимъ положенный. Нѣтъ никакихъ уважительныхъ причинъ, которыя могли бы избавить насъ отъ нравственной необходимости подвергать себя суду своей совѣсти.

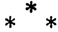
* * *

Та же необходимость существуетъ для каждаго, кто хочетъ, чтобы его интеллектуальная жизнь имѣла какое нибудь значеніе. Если вы не хотите, чтобы вашъ умъ слабѣлъ, впадалъ въ непослѣдовательность, чтобы въ немъ не оказалось невообразимаго смѣшенія всѣхъ «за» и «противъ», нужно иногда пріостанавливаться, просматривать исполненную работу и удостовѣряться въ ея основательности. Необходимо заставить замолчать внѣшніе голоса, отстранить внушенія чужой мысли, чтобы вернуться къ отжившему обычаю думать своей собственной головой. Иначе, въ недалекомъ будущемъ результатомъ этой нѣкогда интеллектуальной жизни окажется безплодное практическое существованіе. Поступки, какъ и мысли, уничтожаютъ одни другіе.

* * *

Что сказать о религіозной вѣрѣ? Можно ли еще давать это названіе странному соединенію разнородныхъ старыхъ и новыхъ кусковъ всевозможнаго происхожденія, изъ которыхъ такъ часто созидается зданіе нашихъ религіозныхъ воззрѣній? Кажется, одно нера-

дѣніе наблюдало за этой шаткой постройкой. И это — то убѣжище, въ которомъ мы должны найти себѣ защиту! Въ этомъ дѣлѣ больше, чѣмъ гдѣ либо нужны: тишина и сосредоточенность. Вѣрующіе юноши, спросите себя, во что вы вѣруете и именно сами ли вы вѣруете. Живая ли, воплощенная ли ваша вѣра, или же это только амальгама постороннихъ тѣлъ, загромождающихъ вашу жизнь? Тяжело бываетъ, когда наши самыя категорическія доказательства превращаются въ дымъ, а убѣдительные доводы уступаютъ мѣсто страху и неувѣренности. Чтобы избѣгнуть ужаснаго одиночества въ трудныя минуты жизни, когда заимствованныя вѣрованія разсыпаются въ прахъ, надо почаще размышлять въ тишинѣ. Передъ лицомъ только Бога и дѣйствительности вѣра очищается и крѣпнетъ, становясь проще и правдивѣе. Она очищается отъ сора, накиданнаго въ нее, на наше несчастье, рутиной и человѣческимъ страхомъ; наше сердце закаляется въ этой школѣ, гдѣ насъ караетъ святая истина.

Не только размышленіе и сосредоточенность проповѣдую я, но и отдыхъ. Не смѣйтесь. Если есть люди, которые слишкомъ долго болтаются безъ дѣла, то есть и такіе, которые слишкомъ мало отдыхаютъ. Работа черезъ силу, увы! не идетъ въ прокъ. Закройте книгу, потушите лампу!

Et jam tempus equum fumantia solvere colla.

Вы говорите, что у васъ нѣтъ времени. Отдыхать

не значить терять время, а наверстывать его. Вы гораздо лучше будете работать потомъ. Всему есть мѣра. Отъ непосильной работы можно отупѣть. Я ссылаюсь на тѣхъ, кому приходилось сдавать экзамены, и стою за передышки.

Въ знойный, яркій лѣтній день, утомясь ходьбою по пыльнымъ дорогамъ, труднымъ восхожденіемъ на гору по крутымъ тропинкамъ, изранивъ ноги объ острые камни, какъ хорошо себя чувствуетъ туристъ отдыхая подъ тѣнью дерева и отбросивъ въ сторону свой мѣшокъ и палку! Можетъ ли быть что нибудь пріятнѣе во время экскурсій! Разсужденія лѣнивца! — скажете вы, — такъ думаютъ тѣ, кто всѣмъ красотамъ природы предпочитаетъ мягкое изголовье изъ моху, охотно предоставляя другимъ славу трудовъ и восхожденій на высоты. Это похоже на: *suave mari magno* Лукреція... нисколько! Все это подсказано необходимостью и подчинено законамъ, присущимъ всему человѣчеству. Кто не умѣетъ отдыхать, тотъ не умѣетъ ни ходить, ни извлекать пользу изъ своихъ путешествій. Нужно бываетъ иногда остановиться, оглянуться назадъ и вглядѣться въ даль, разстилающуюся впереди, припомнить прошлое и предусмотрѣть будущее, познать свои силы и свое время, прислушаться къ тому, что говорятъ по дорогѣ путнику и трава, и муравьи, и птицы. Нужно пріостановиться, чтобы въ проносящихся звукахъ, въ обликѣ попадающихся на пути предметовъ услыхать голосъ Бога и постигнуть стремленіе души.

Кто не умѣетъ дѣлать такихъ остановокъ, тотъ мало

вынесетъ изъ своихъ странствованій, хотя бы они приняли размѣры кругосвѣтнаго путешествія. То же самое можно сказать и по отношенію къ жизни. Чтобы судить ее, цѣнить, желать, доискаться ея смысла, нужно бываетъ иногда сѣсть у ея берега и послѣдить за ея теченіемъ. Лучшее и полезнѣйшее въ жизни — остановки (les haltes). — Какъ бы мы ни были измучены душой и тѣломъ, страдаемъ ли мы искривленіемъ спинного хребта, болѣзнью мозга или сердца, никогда не слѣдуетъ забывать, что человѣкъ не рабъ и не вьючное животное. Усталость затуманиваетъ зрѣніе физическое и моральное. Мы перестаемъ ясно видѣть вещи по мѣрѣ того, какъ насъ изнуряетъ работа, одолѣваетъ усталость или лихорадка. Задача кажется тѣмъ труднѣе, чѣмъ ожесточеннѣе и настойчивѣе мы ее преслѣдуемъ. Какъ ноша, въ началѣ легкая, кажется все тяжелѣе по мѣрѣ того, какъ мы ее продолжаемъ нести и подъ конецъ пути оказывается невыносимой, такъ и работа безъ перерыва превращается въ барщину. Являются минуты, когда мы сознаемъ себя въ безвыходномъ положеніи и намъ кажется, что мы разобьемъ себѣ лобъ о непреодолимыя препятствія. Это одинаково относится какъ къ напряженію физическихъ силъ, такъ и духовныхъ. Въ обоихъ случаяхъ играетъ роль все та же энергія. Эта энергія развивается умѣреннымъ упражненіемъ и слабѣетъ, и даже пропадаетъ вовсе, вслѣдствіе злоупотребленія ею. Человѣкъ, истощенный чрезмѣрнымъ трудомъ, легко поддается деморализаціи. Она словно подкарауливаетъ труженика, даже

самаго храбраго, чтобы накинуться на него въ тотъ моментъ, когда онъ изнемогаетъ подъ бременемъ своей ноши.

Мы должны во-время позаботиться о передышкахъ, насколько это отъ насъ зависитъ. Одно изъ самыхъ священныхъ правъ человѣка — право на отдыхъ. Кто имъ не пользуется или не допускаетъ другихъ пользоваться, грѣшитъ противъ человѣколюбія. Какъ только въ жизни устанавливаются правильные промежутки покоя и размышленія, все существо обновляется. Отдыхъ для человѣка то же, что курсъ леченія. Онъ нравственно переносится въ иную обстановку и иной климатъ. Онъ начинаетъ смотрѣть на все съ другой точки зрѣнія. Онъ проходитъ въ качествѣ зрителя мимо того поля дѣятельности, на которомъ самъ работалъ, и, глядя на него издали и сверху внизъ, онъ лучше понимаетъ свое дѣло. Работая, онъ видѣлъ подробности, теперь онъ видитъ цѣлое и то, что его окружаетъ. Жизнь другихъ людей, ихъ работы предстаютъ передъ нимъ въ соотношеніи съ его личной дѣятельностью. Онъ сравниваетъ и учится. Все это послужитъ ему на пользу, когда онъ снова займетъ свое обычное мѣсто. Но что особенно важно, это то, что во время отдыха онъ хорошо себя чувствуетъ. Усталость — болѣзнь, отъ которой насъ излечиваетъ отдыхъ и счастливѣйшіе изъ смертныхъ — выздоравливающіе. Контрасты, черезъ которые они проходятъ борясь со смертью и разрушеніемъ, чтобы возродиться къ жизни, становятся для нихъ источникомъ безконечной радости, недоступной

никому другому. Если бы лѣнивцы знали, что испытываетъ работникъ отдыхая, они навѣрно поспѣшили бы взяться за дѣло. Годы бездѣлья, отданные тому, что принято называть удовольствіемъ, не стоятъ одного часа отдыха настоящихъ тружениковъ. Имъ во время отдыха Богъ открываетъ цѣлый міръ красоты и богатства, который другимъ недоступенъ. Онъ, въ сумеркахъ, при послѣднемъ отблескѣ догорающей зари, въ умиротворяющей тишинѣ благостныхъ вечеровъ, открываетъ имъ вѣчныя истины, которыя не откроются тому, кто не перенесъ дневного зноя.

VIII.

Удовольствія и развлеченія.

> Wer nicht liebt Wein, Weib uud Gesang,
> Der bleibtein Narr sein Leben lang.
>
> **Luther.**
>
> Vivez joyeux!
>
> **Rabelais.**
>
> Не будьте унылы, какъ лицемѣры.
>
> Матѳ. 6, 16.
>
> Χαῖρε! (греческое привѣтствіе).

Существуетъ три категоріи людей, враждебно относящихся къ веселью. Ихъ, положимъ, гораздо больше, но перечислять ихъ всѣ было бы для нихъ слишкомъ большою честью и могло бы нагнать на насъ тоску, какъ длинный рядъ дождливыхъ дней. Вполнѣ достаточно и этихъ трехъ категорій: *утилитаристы*, *аскеты* и *пессимисты*.

Первые изгоняютъ веселье и развлеченія, потому что они представляютъ, по ихъ мнѣнію, безполезную трату времени; какъ видите, причина не допускающая возраженія.

Вторые осуждаютъ ихъ, потому что они опасны и мѣшаютъ спасенію души. Во всѣ вѣка существовали

религіозныя представленія, въ которыхъ преобладали мрачныя краски. Самъ Богъ является унылымъ и сумрачнымъ и этому угрюмому величеству, среди гробового молчанія безстрастно возсѣдающему на тронѣ, человѣкъ приноситъ въ жертву свою веселость и мимолетную улыбку изъ боязни оскорбить Того, Кто самъ никогда не улыбается.

Наконецъ, пессимисты отвергаютъ веселье, потому что оно разстраиваетъ ихъ систему. Вездѣ одно и то же. Въ философскихъ вопросахъ, какъ только намъ что нибудь мѣшаетъ или не согласуется съ нашей маленькой теоріей — мы упраздняемъ то, что служитъ намъ помѣхой. Имѣя въ виду предметъ, находящійся на такомъ дурномъ счету у столькихъ людей, мнѣніе которыхъ пользуется большимъ авторитетомъ, я не хотѣлъ оставаться въ одиночествѣ и искалъ поддержки. Я привелъ нѣсколько изреченій, которыя, мнѣ кажется, настолько извѣстны, что могутъ служить мнѣ достаточнымъ оправданіемъ. Наконецъ, я взялъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя не принадлежатъ какой нибудь отдѣльной личности, но всему міру и воплощаютъ душу цѣлаго народа: Χαῖρε! греческое привѣтствіе. Это напоминаетъ старинное восклицаніе нашихъ прадѣдовъ: Gai! И такъ, мы будемъ продолжать нашу бесѣду съ чистой совѣстью и въ хорошемъ обществѣ. Прежде всего мы поговоримъ объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, потомъ заглянемъ поглубже въ радость и веселье.

* * *

Когда говорятъ объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, слѣдуетъ указать на ихъ источникъ. Насколько было бы неточно утверждать, что религію выдумали священники, болѣзнь — доктора, голодъ — повара, жажду — винодѣлы, настолько же безсмысленно было бы утверждать, что развлеченія были выдуманы скоморохами,— шутами и всевозможными увеселителями, которые кормятся забавляя другихъ, но которые часто такъ же плохо служатъ своему дѣлу, какъ служатъ своему: плохіе священники, шарлатаны и продавцы фальсифицированныхъ питательныхъ продуктовъ. Источникъ развлеченій слѣдуетъ искать въ очень реальной и законной потребности разнообразія и перемѣны впечатлѣній. Одного отдыха мало. Онъ удовлетворяетъ только скотовъ. У животныхъ высшаго разряда есть свои игры и развлеченія. Тѣмъ болѣе въ нихъ нуждается человѣкъ и въ особенности юноша. Мы такъ созданы, что продолжительное однообразіе даже пріятныхъ впечатлѣній насъ раздражаетъ и утомляетъ. Какъ же должны отзываться на насъ: тяжелый трудъ, утомительныя занятія, которыя въ концѣ концовъ притупляютъ самыя выдающіяся способности и ослабляютъ силы. Въ юности человѣкъ скорѣе утомляется и портится, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. Недостатокъ развлеченій пагубно отражается на молодыхъ людяхъ. Участь студента, молодого служащаго, работника или фабричнаго, не пользующагося никакими удовольствіями и развлеченіями, ничѣмъ не отличается отъ участи раба.

Но если удовольствіе составляетъ необходимость

даже обязанность, если развлеченія продолжають существовать и возраждаться вопреки ихъ гонителямъ, значитъ надо обратить на нихъ серьезное вниманіе. Они представляютъ собою не второстепенное явленіе, но одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ факторовъ жизни, которымъ никакъ не слѣдуетъ пренебрегать. Вопросъ, какъ проводить свободное время и какими развлеченіями и удовольствіями наполнять его — очень важный вопросъ. Способы увеселеній до безконечности разнообразны; если между ними есть полезныя, то есть и пагубныя. Плодъ всей дѣятельной жизни зависитъ отъ того, какъ употребляются ея досуги. Хорошія развлеченія укрѣпляютъ человѣка, дѣлаютъ его лучше; вредныя равлеченія губятъ личность и становятся разрушительнымъ элементомъ общества.

Недостаточно умѣть работать, надо умѣть развлекаться. И скажемъ безъ обиняковъ, наша эпоха не умѣла дать настоящаго, прочнаго удовлетворенія и счастливаго направленія природному влеченію человѣка къ веселью. Нашъ вѣкъ, — вѣкъ кутежей и чрезмѣрныхъ наслажденій; онъ изобрѣлъ развлеченія и удовольствія, которыхъ не знали наши прадѣды, но мы будемъ вполнѣ правы, если скажемъ, что въ наше время *веселиться не умѣютъ.* Мы утратили это искусство и не знаемъ болѣе рецепта веселья, какъ и греческаго огня и римскаго цемента. Исторія досуга и его употребленія очень поучительна и интересна, хотя по многимъ пунктамъ очень трудно собрать для нея матерьялы, но ходъ ея все-таки можно подвести подъ извѣстныя правила.

Молодости народовъ, сильной, здоровой, откровенной, соотвѣтствуютъ развлеченія и удовольствія, требующія силы и смѣлости: состязанія въ бѣгѣ, гимнастика, плаваніе, борьба, игры на открытомъ воздухѣ, все, что развиваетъ ловкость и силу, все, что возбуждаетъ жизнерадостность. Старости, дряхлости, упадку народовъ соотвѣтствуютъ изнѣженныя развлеченія, утонченныя и часто постыдныя наслажденія, все, что щекочетъ чувственность, притупляетъ чувствительность и поощряетъ лѣнь. Жизнь въ домахъ смѣняетъ жизнь на открытомъ воздухѣ. Мы присутствуемъ при этой эволюціи у древнихъ: греки временъ упадка промѣняли здоровыя и мужественныя гимнастическія упражненія, въ которыхъ такъ доблестно отличались ихъ предки, на вино, игру и растлѣвающія наслажденія. Юные римляне имперіи не могли даже поднять дисковъ, которые нѣкогда ихъ предки метали сильной рукой. Но какъ общее правило, независимо отъ степени величія или упадка народовъ, можно наблюдать отъ древности и до нашихъ временъ извѣстную прогрессію въ неподвижныхъ развлеченіяхъ (distractions sédentaires). Отдыхъ въ видѣ тѣлеснаго упражненія встрѣчается все рѣже и рѣже. Правда, что въ средніе вѣка даетъ себя сильно чувствовать вліяніе церкви и аскетической морали. Тѣло презирается и считается негодной оболочкой, служащей помѣхой спасенію души. Пренебрегать имъ и изнурять его насколько возможно—вотъ распространенный идеалъ той эпохи. Но зло, причиняемое обществу аскетизмомъ, презрѣніемъ къ физическимъ

упражненіямъ и даже къ развлеченіямъ вообще, считающимся нечестивыми, уравновѣшивается вліяніемъ рыцарства, основой воспитательной задачи котораго служитъ мощное физическое развитіе. Одна крайность искупаетъ другую.

Простой народъ, какъ бы онъ ни былъ удрученъ, и юношество даже въ самыя мрачныя эпохи проявляютъ неудержимое стремленіе къ счастью, что выражается въ развлеченіяхъ, порою очень шумныхъ, эксцентричностяхъ и безразсудствахъ. По мѣрѣ приближенія къ эпохѣ Возрожденія, болѣе здоровая педагогика, выработанная иными взглядами на жизнь, начинаетъ придавать развлеченіямъ воспитательное значеніе. Игры и увеселенія снова начинаютъ пріобрѣтать уваженіе въ глазахъ мыслящихъ людей. Припомнимъ Рабле и Монтеня. Въ ихъ взглядахъ отражается не только забота избраннаго меньшинства, но и заботы вѣка. Реформація также широко способствовала возстановленію уваженія къ веселью и радости. Суровость Кальвина въ Женевѣ является скорѣе необходимымъ протестомъ и необходимой мѣрой обузданія разнузданныхъ нравовъ, чѣмъ хулой веселью. Надо почитать Лютера, познакомиться съ его жизнью и его пѣснями, послушать, какъ онъ преслѣдуетъ скуку и восхваляетъ веселье, какъ онъ первую называетъ порокомъ, извѣстнаго рода неопрятностью душевной, а вторую — добродѣтелью, чтобы понять отношеніе реформаціи къ этому вопросу. Въ XVII вѣкѣ мы повсюду наблюдаемъ реакцію. Искусственная жизнь преобладаетъ, жизнь сало-

новъ и дворовъ совпадаетъ съ эпохой непреклоннаго и почти безпримѣрнаго догматизма и цѣлымъ рядомъ общественныхъ и народныхъ бѣдствій. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ веселость пропадаетъ. Народу приходится гораздо чаще плакать, чѣмъ смѣяться. Но займемся нашей эпохой. Достаточно взглянуть на наши развлеченія и увеселенія и сравнить ихъ съ тѣмъ, что они представляли собою въ прошломъ, чтобы убѣдиться въ ихъ все менѣе и менѣе подвижномъ характерѣ. Такая наклонность наблюдается во всѣхъ общественныхъ слояхъ. Когда подумаешь о затворническомъ образѣ жизни тружениковъ ума и рабочаго класса большихъ городовъ, приходится оплакивать существующее положеніе вещей. Тѣмъ болѣе, что всѣ эти неподвижныя развлеченія и удовольствія, какую бы форму они ни принимали, отъ самой невинной до самой тлетворной — возбуждаютъ нервы. Послѣ напряженія мозга, вызваннаго его лихорадочной дѣятельностью, мы болѣе чѣмъ когда либо нуждаемся въ чистомъ воздухѣ, движеніи, здоровыхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, могущихъ отчасти исправить зло, причиненное спертымъ воздухомъ и убійственно неправильнымъ положеніемъ тѣла во время работъ въ мастерскихъ, занятій въ конторахъ и учебныхъ заведеніяхъ. Но что же мы дѣлаемъ? Мы идемъ въ театръ, въ такія мѣста, гдѣ курятъ, пьютъ, играютъ или же принимаемся за какое нибудь непомѣрно волнующее и возбуждающее чтеніе. Возбуждающія свойства нѣкоторыхъ книгъ и зрѣлищъ разсчитаны на то, чтобы искусственно раз-

16*

дражать притупленные нервы. Это гальванизація. Но чтеніе, хотя бы даже и хорошее, но если оно отнимаетъ всѣ наши досуги, становится пагубнымъ. Намъ нужно совсѣмъ другое. Говоря это, я имѣю въ виду рѣшительно всѣхъ безъ исключенія. Но въ особенности мнѣ жаль простонародную молодежь, потому что она себѣ больше всѣхъ вредитъ. Когда, изнеможенная, усталая, изнуренная, она жаждетъ хоть какого нибудь отдыха, разсѣянія, счастья — ей предоставляютъ за рѣдкими исключеніями только вредныя развлеченія и отравленныя удовольствія. Водка, половое распутство, вредное чтеніе. Вотъ великое зло, которое вообще, печально отражаясь на нравственности и здоровьѣ народа, приводитъ къ плачевнѣйшему результату: веселье отходитъ въ область преданія. Что такое жизнь и молодость безъ радости? Загрязнивъ намъ этотъ источникъ, если даже вы дадите намъ землю со всѣми ея богатствами — вы не поправите зла. Безъ веселья и радости все пусто, безцвѣтно, мертво.

* * *

Я съ восторгомъ привѣтствовалъ возрожденіе развлеченій на чистомъ воздухѣ, требующихъ силы и ловкости въ средѣ школьной молодежи, и теперь выражаю желаніе, чтобы это направленіе распространялось все болѣе и болѣе.

Преобразованіе въ способѣ употребленія досуговъ и въ организаціи увеселеній, должно самымъ благо-

творнымъ образомъ отразиться на юношествѣ, его воспитаніи и благополучіи. Есть сотни способовъ быть счастливымъ безъ особенныхъ затратъ и веселиться по-царски, возстанавливая въ то же время нарушенное внутреннее равновѣсіе. Взамѣнъ этихъ искусственныхъ удовольствій, вызывающихъ отвращеніе къ жизни, мы должны вернуться къ простотѣ, къ здоровымъ и сильнымъ впечатлѣніямъ, успокаивающимъ, примиряющимъ, заставляющимъ любить жизнь.

Между прочимъ есть одно удовольствіе, всегда пред ставляющее прелесть новизны и одинаково полезное какъ для ума, такъ и для тѣла—это путешествіе пѣшкомъ съ котомкой за плечами по своей родной странѣ. Юный французъ, возьми палку и обойди по примѣру стариковъ шагъ за шагомъ свою родину, чтобы лучш узнать ее и полюбить! Что можетъ увидать на своемъ пути безумецъ, сѣвшій въ вагонъ для того, чтобы выспаться? Два-три буфета и только. Вотъ поэтому-то мы и перестаемъ знать свое отечество. Если бы молодые люди увлекались круговыми путешествіями, на которыя нужно употребить нѣсколько дней и которыя предпринимаются сообща 10—12-ю здоровыми и веселыми товарищами, какую бы пользу они извлекли изъ нихъ и какимъ могли бы служить хорошимъ примѣромъ! Намъ нужно во что бы то ни стало выбраться изъ угрюмой колеи и отвоевать себѣ веселье! Лѣсъ съ его крѣпкимъ смолистымъ запахомъ, горы съ ихъ живительнымъ воздухомъ и обширными горизонтами, раскрывающимися съ ихъ высотъ, могучее море съ его поэзіей открываютъ

свои братскія объятія молодости. Къ нимъ надо идти за силой и жизнью.

Wem Gott will rechte Gunst erweisen,
Den schickt er in die weite Welt!

Eichendorff.

* * *

Мнѣ хочется заняться вопросомъ, всего болѣе меня интересующимъ: пѣніемъ. У простонародной молодежи оно въ большомъ упадкѣ. Я желаю его возстановленія ради счастья, добрыхъ нравовъ и подъема духа народа. Я мечтаю о возрожденіи народной пѣсни, которому можетъ много способствовать образованная молодежь. Народъ повторяетъ то, что она поетъ. Дайт намъ хорошій сборникъ студенческихъ пѣсенъ, застав ляющій биться сердца, въ которыхъ были бы отголоски -сѣхъ уголковъ нашей отчизны и всѣхъ эпохъ нашейе исторіи, сборникъ пѣсенъ въ народномъ духѣ, въ которыхъ бы звучала душа самой Франціи. Намъ онъ нуженъ, потому что у насъ есть потребность пѣть и что, за неимѣніемъ лучшаго, мы поемъ, что попало. Даже въ нашихъ городахъ, среди ихъ какофоніи и всяческихъ шумовъ, враждебныхъ человѣческому голосу и слуху, простонародная молодежь находитъ возможность удовлетворить свою жажду пѣнія. Я ихъ видаю, этихъ молодыхъ парней и дѣвушекъ, собравшихся на какомъ нибудь дворѣ или перекресткѣ, гдѣ имъ не грозитъ опасность быть раздавленными, слушающихъ почти съ благоговѣйнымъ вниманіемъ какого нибудь гитариста или скрипача, который поетъ подъ свой

собственный акомпаниментъ. Разъ по двадцати повторяетъ онъ все тотъ же припѣвъ. Подъ конецъ иные заучиваютъ его наизусть и начинаютъ подтягивать. Они покупаютъ у него его пѣсню и расходятся въ разныя стороны напѣвая ее и переиначивая по-своему. Иногда это выходитъ очень нескладно, но не всегда, и я съ большимъ удовольствіемъ замѣчаю, что многіе поютъ отъ души славныя пѣсенки, бѣдныя риѳмой но въ которыхъ рѣчь идетъ о любви, о страданіи и обо всемъ человѣческомъ. Сколько разъ, попадая въ эти импровизированные кружки жадныхъ учениковъ перваго попавшагося учителя, становясь свидѣтелемъ этой народной жажды пѣнія, я понималъ лучше, чѣмъ гдѣ либо, какую пустоту оставляетъ въ сердцахъ пѣсня, замирающая въ груди и не выливающаяся въ звуки, и отдавался мечтѣ, настолько же сбыточной, насколько она вамъ можетъ показаться эксцентричной. Вотъ она:

Тотъ новый трубадуръ, который захочетъ обойти Францію съ какимъ нибудь музыкальнымъ инструментомъ въ рукахъ и научитъ народъ воспѣвать любовь, веселье, страданье, смерть, отчизну, природу, все, что такъ старо и вѣчно ново, все, что таится въ каждомъ сердцѣ и ждетъ исхода, былъ бы благодѣтелемъ человѣчества, достойнымъ встать въ ряду героевъ и святыхъ. Когда я вижу, какъ слабо въ большинствѣ случаевъ удовлетворяется эта благородная и законная потребность пѣнія, какъ она недостойно извращается и эксплоатируется—мною овладѣваетъ и жалость, и не-

годованіе. Старая Франція, ты, которая на зарѣ новыхъ временъ, на своемъ чудномъ, гармоничномъ и наивномъ языкѣ научила народы пѣть, страна любви, вина и солнца, неужели нескладныя и вредныя пѣсни заглушатъ великодушный голосъ твоего сердца?! Нѣтъ, этого не будетъ. Твоя старая, непобѣжденная душа воскреситъ твою старую пѣсню и трубадуромъ, о которомъ я мечтаю, будетъ наша молодежь.

***

Волей-неволей я долженъ коснуться очень больного мѣста, чего, къ сожалѣнію, нельзя избѣгнуть подробно разбирая этотъ вопросъ. Я хочу сказать о томъ, какъ дискредитированы у насъ всякія развлеченія и увеселенія вслѣдствіе злоупотребленія ими. Есть, увы! много вещей, самихъ по себѣ невинныхъ, но которыхъ нельзя себѣ позволить, потому что ими злоупотребляютъ. Напр.: танцы. Есть ли забава болѣе давняго происхожденія и болѣе пріятная. На открытомъ воздухѣ они могутъ доставить такое прекрасное развлеченіе молодежи, что больно видѣть, какъ они становятся монополіей собраній сомнительнаго достоинства. Какъ хороши были эти старинные свадебные танцы, въ которыхъ среди молодежи и народа принимали участіе самые почтенные люди! Въ наши дни я уже болѣе ничего подобнаго не вижу, развѣ только гдѣ нибудь въ глухомъ провинціальномъ уголкѣ подъ вечеръ 14 іюля; и въ тѣхъ крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда люди всѣхъ классовъ мирно веселятся сообща, меня охватываетъ

совсѣмъ особенное чувство. Отрадно видѣть, какъ радость, подобно солнечному лучу, озаряетъ всѣ эти разнородныя лица людей, участь которыхъ такъ различна! Но общественные нравы настолько измѣнились, что мы уже болѣе ничего подобнаго не встрѣчаемъ. Кромѣ домашнихъ вечеровъ, когда люди задыхаются отъ жары и пыли, во всѣхъ другихъ случаяхъ танцы представляютъ множество затрудненій, которыхъ не знали наши дѣды. Много добрыхъ старыхъ обычаевъ подверглось той же участи. Какъ это ни грустно, но тѣмъ не менѣе справедливо и нужно въ этомъ убѣдиться, чтобы имѣть возможность организовать борьбу. Земля отдана во власть злоупотребленію, этому убійцѣ и нарушителю законнаго пользованія. Этотъ негодяй отравилъ колодцы, и благодаря ему даже чистота горныхъ ключей стала подозрительною. Вотъ почему добрые нравы и добродѣтель потеряли свое значеніе и такъ стерлись и потускнѣли, что тотъ, кто ведетъ воздержный образъ жизни, слыветъ за дурака. Изуродовавъ человѣчество порокомъ, мы искажаемъ и самую добродѣтель. Намъ она представляется лишенной всякаго интереса и даже прямо скучной. Съ точки зрѣнія молодежи это *бѣдствіе.*

Кто возвратитъ намъ всѣ эти развлеченія, здоровыя, сильныя, окрашенныя жизнерадостностью, какъ цвѣтокъ солнечными лучами. Я заклинаю людей — серьезныхъ и почтенныхъ, стариковъ, родителей, профессоровъ, духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій, всѣхъ, кто стремится къ благу и нормальной жизни, у кого не очерствѣло сердце, прійти на помощь молодежи. Со-

всѣмъ не хорошо, что мы въ нашихъ развлеченіяхъ разобщены другъ съ другомъ. Лучшій семейный праздникъ тотъ, гдѣ старость улыбается юности, гдѣ дѣды и внуки, отцы и дѣти — всѣ присутствуютъ. Тогда только жизнь бываетъ полна и прекрасна въ своихъ контрастахъ! Это въ равной мѣрѣ относится какъ къ семейному кругу, такъ и къ цѣлому обществу.

Фр. Фрейбель любилъ повторять: *будемъ жить для дѣтей*. Заимствуемъ его девизъ: будемъ жить для молодежи, тогда она будетъ жить для блага и ея радость будетъ чиста!

Наши предки отвоевали Святую Землю отъ невѣрныхъ. Но есть другая святая земля, которую грабители, разбойники и нечестивцы захватили въ свои руки и ежедневно оскверняютъ. Это земля радости и смѣха. Они ее такъ опустошили и обезобразили, что она стала неузнаваема. Но Богъ, сотворившій звѣзды и повелѣвшій быть веснѣ, милосердая Благость, раскрывающая улыбкой чистыя уста младенца, наполняющая сердце юноши сладкимъ упоеніемъ радости, помогутъ намъ отвоевать и эгу святую землю у невѣрныхъ. Она принадлежитъ намъ и мы ее вернемъ себѣ.

IX.

Веселье.

Развлеченія и удовольствія въ концѣ концовъ ничто иное, какъ формы. Чистое вино, вливаемое въ эти сосуды — веселье. Какъ виноградная кисть получаетъ отъ земли, дождя и солнца элементы питающаго ее сока, такъ веселье и радость являются плодомъ хорошей жизни. Они — завоеваніе мужественныхъ и сильныхъ. Веселье не всякому доступно. Молодежь должна проникнуться этой истиной, въ которой мы попытаемся разобраться.

Барометръ поднимается и падаетъ. Это простое измѣненіе уровня ртути въ стеклянной трубкѣ доставляетъ намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія и позволяетъ намъ выводить множество заключеній о состояніи атмосферы. Часто, смотря на эти указанія: дождь, вѣтеръ, буря, тихо, ясно, постоянно, перемѣнно я ловилъ себя на томъ, что, позабывая внѣшній міръ, я сосредоточивался мыслью на внутреннемъ, начиналъ размышлять о характеризующихъ его непрерывныхъ измѣненіяхъ, отра-

жающихся на нашемъ настроеніи, результатомъ удивительнаго разнообразія котораго является грустное или веселое расположеніе духа. Тутъ тоже бываютъ дни и періоды ненастья и хорошей погоды, тишины или бури, тутъ барометръ тоже поднимается и падаетъ. И то, что мы набюдаемъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, наблюдается и въ общественной жизни, только въ болѣе широкихъ и поразительныхъ размѣрахъ. У жизни есть свои барометрическіе максимумы и минимумы. Все это вызываетъ радость или печаль въ сердцѣ, которыя отражаются на лицѣ.

* * *

Существуетъ уныніе, порождаемое тяжелыми условіями духовной или матерьяльной жизни. Оно указываетъ на переносимыя лишенія, и человѣкъ, впадающій въ него, уподобляется цвѣтку, обезцвѣченному отъ недостатка свѣта. Въ подобныхъ случаяхъ мы относимся къ людямъ въ высшей степени сочувственно. Очень часто это приноситъ пользу. Но существуетъ другой видъ унынія—это тоска пресыщенныхъ и тоска, порождаемая предосудительнымъ образомъ жизни и дурными помыслами. Отъ этой тоски можно избавить только самоусовершенствованіемъ.

Долой пресыщенныхъ и взыскательныхъ! Въ общемъ, это баловни жизни. Они едва прикасаются губами къ купаньямъ, брезгаютъ чернымъ хлѣбомъ и называютъ «мужиками» тѣхъ, кто съ апетитомъ ѣстъ. Среди тряпичниковъ, рудокоповъ, землепашцевъ, матросовъ, тру-

жениковъ всѣхъ категорій, не покидающихъ своего дѣла несмотря ни на какую погоду, вы встрѣтите мало подобныхъ брезгуновъ. Они выходятъ изъ среды тѣхъ, которые проводятъ свое время за сытнымъ обѣдомъ или грѣясь у камина и немного работаютъ лишь въ промежуткахъ между этими занятіями. Они утомляются отъ танцевъ на балахъ, отъ карточной игры въ клубахъ или убивая время за чтеніемъ романовъ. Чтобы отдохнуть отъ такихъ трудовъ, они просыпаютъ все утро. У нихъ есть что-то общее съ ночными птицами, не выносящими дневного свѣта. Днемъ у нихъ бываютъ какія-то вялыя, помятыя лица. На нихъ надо смотрѣть при газовомъ или электрическомъ освѣщеніи. Эти прихотники разносятъ скуку по свѣту. Но они не отказываются отъ этого дурного и нелѣпаго образа жизни. У нихъ есть своя миссія — вселять въ другихъ отвращеніе къ жизни. Литераторы этой категоріи возвели эту миссію въ священнодѣйствіе. Изъ своихъ мрачныхъ мыслей они извлекаютъ квинтэссенцію мучительныхъ впечатлѣній, закупориваютъ ее въ бутылки и предоставляютъ въ общественное пользованіе. Молодежь иногда пользуется этимъ продуктомъ. Но заразимся ли мы отвращеніемъ жизни отъ кого нибудь или оно проявится въ насъ самостоятельно, мы смѣло можемъ считать его микробомъ, питательной средой которому служитъ искусственная и анормальная жизнь, Ему нужно объявить безпощадную войну. Отвращеніе къ жизни, это возмущеніе противъ всей вселенной, миссія которой заключается въ организаціи жизни. Отни-

мающій у насъ жизнь виновенъ менѣе отвращающаго насъ отъ нея. Долой ненавистниковъ жизни! Смѣетесь ли вы или плачете, жизнь изобличаетъ васъ — слугъ отрицанія (ouvriers de néant), надъ которыми витаетъ отвращеніе, какъ блуждающій огонёкъ надъ гнилымъ болотомъ.

* * *

Другой видъ тоски порождается неправильными взглядами. Это крикъ тревоги, которымъ оскорбленная въ нашемъ лицѣ природа пробуждаетъ нашъ разумъ. Ни съ чѣмъ не сообразно, чтобы размышленія о нашей жизни приводили насъ къ разочарованію въ ней. Философія пессимизма или отчаянія, религія, убивающая веселье — заблужденіе. Она узнается по плодамъ ея. Если бы правда была на сторонѣ пессимизма, то ужъ давно бы перестали распускаться цвѣты, потухли бы звѣзды, изсякнулъ бы источникъ жизни. Пока вселенная продолжаетъ жить, нѣтъ причинъ отчаяваться въ человѣческой жизни. Поэтому, не слѣдуетъ довѣрять ученіямъ, отрицающимъ радости жизни. Частныя истины могутъ быть печальны, общая истина — никогда.

* * *

Что же касается до тоски, проистекающей отъ распутной жизни, то ея отраженіе на блѣдныхъ, вытянутыхъ лицахъ повѣствуетъ намъ однообразную и печальную исторію. Вы тоскуете, потому что пренебрегли источниками жизни. Васъ гложетъ паразитъ,

порокъ высасываетъ вашу жизнь; онъ растетъ, а вы умаляетесь. Всякое проявленіе подобной тоски указываетъ на скрытое зло, на то, что въ самой основѣ человѣческаго существованія что-то попортилось, чего-то не хватаетъ. Жизнь, отвергаемая, нарушаемая, оскверняемая, истекаетъ кровью изъ тысячи ранъ и веселость пропадаетъ.

Веселость исчезаетъ также изъ тѣхъ условныхъ и непреклонныхъ сферъ, гдѣ жизнь и движенія души разлинованы, какъ нотная бумага. Предоставляя эти сферы поклонникамъ ужаснаго бога, именуемаго скукой, веселье взмахиваетъ крыльями и улетаетъ. Какъ горный или лѣсной цвѣтокъ, оно любитъ чистый воздухъ, свободу и отчасти неизбалованность и грубость (rudesse). Упомянемъ здѣсь мимоходомъ о злѣ, нанесенномъ семейнымъ удовольствіямъ, а слѣдовательно и юношеству, роскошью и взыскательностью вкусовъ. Общительность исчезаетъ. Вмѣсто простыхъ и дружескихъ пріемовъ, мы черезъ долгіе промежутки времени предлагаемъ другъ другу дорого стоющія развлеченія, не доставляющія удовольствія вслѣдствіе тщеславнаго стремленія превзойти другъ друга въ ихъ устройствѣ. Кто же отъ этого всего болѣе страдаетъ? Молодежь, принужденная искать себѣ развлеченія въ другихъ мѣстахъ.

* * *

Главнѣйшимъ губителемъ веселья я считаю духъ глумленія. Есть смѣхъ, который сушитъ сердце и клей-

мить все, что онъ осмѣиваетъ. Это та насмѣшка, которая позоритъ самыя святыя и достойныя уваженія вещи. В. Гюго, какъ проницательный психологъ, замѣтилъ, что самый мрачный умъ — умъ насмѣшника. Насмѣхаться не значитъ смѣяться. Напротивъ, насмѣшка убиваетъ смѣхъ. Для откровеннаго веселья нужно сохранить въ себѣ извѣстнаго рода наивность впечатлѣнія. Не будемъ приносить добраго стараго смѣха нашей Франціи, ея шутливой и благодушной ироніи, ея истинной веселости въ жертву двусмысленному и богохульному духу насмѣшки, съ веселымъ видомъ совершающему самое печальное дѣло, изъ-за котораго всегда выглядываютъ мефистофельскіе рога.

* * *

Изъ всего этого общій выводъ таковъ: для того, чтобы сохранить способность быть счастливымъ, нужно искать труда, простоты, уважать жизнь и соблюдать ея законы. Да, что я говорю! — *нужно любить жизнь*

Мы считаемъ излишнимъ проповѣдывать эту любовь юношеству. Но это заблужденіе. Если что нибудь не является само собою, то именно эта любовь. Нельзя сразу возвыситься до этой великой любви и расширить свое сердце до такихъ размѣровъ, чтобы оно могло охватить все. Самое ограниченное представленіе о весельи заключается въ томъ, что оно составляетъ удѣлъ одной только молодости, а вся остальная жизнь является пустой скорлупой, изъ которой ядро вынуто и съѣдено. Конечно, существуетъ веселость молодости,

нераздѣльная со свѣжестью ея впечатлѣній и которая утрачивается съ годами во время долгаго пути извращенія жизни, ея пороковъ и страданій. Въ этомъ смыслѣ о молодыхъ людяхъ можно сказать то же, что и о дѣтяхъ: оставьте ихъ веселиться, заботы придутъ и безъ того слишкомъ рано, а молодость не вернется. Но это только одна сторона дѣйствительности. Встрѣчаются люди, жизнь которыхъ начинается въ уныніи и кончается въ радости. Такіе люди становятся молоды и дѣятельны къ 40 годамъ, одержавъ побѣду надъ цѣлымъ рядомъ препятствій внѣшнихъ и внутреннихъ, и я безъ колебанія скажу, что ихъ веселость бываетъ тогда прочнѣе веселости 20-лѣтняго юноши. Болѣе того, у этихъ стариковъ, удивительныхъ и рѣдкихъ, но отнюдь не несуществующихъ, я встрѣчаю веселость въ ея самой чистой формѣ. Я говорю о той ясности, которая вырабатывается перенесеннымъ страданіемъ, трудомъ, неизмѣнной вѣрностью долгу, все болѣе и болѣе глубокимъ убѣжденіемъ въ смыслѣ и цѣли жизни. И когда я говорю молодымъ людямъ, чтобы они любили жизнь, я имъ указываю на этихъ стариковъ и на людей, похожихъ на нихъ, на этихъ профессоровъ высокой мудрости. Я считаю счастливымъ того, кто испыталъ чистую радость на порогѣ жизни. Но надо удивляться тому, кто умѣлъ завоевать ее, надо считать ее неоцѣненнымъ благомъ и стремиться принять въ ней участіе.

Къ тому же, веселость молодости, эта счастливая способность, которая заставляетъ подъ-часъ находить

все прекраснымъ и добрымъ, имѣетъ свои условія Чтобы испытать ее, нужно ее заслужить. Веселье очень почетный гость, оно не является по приглашенію перваго встрѣчнаго. Недостойные люди сколько бы ни хохотали, ни орали, какъ бы ни старались вызвать веселье — оно къ нимъ не является: ихъ суматоха безсмысленна, ихъ смѣхъ фальшивъ.

Ничто не сравнится съ весельемъ! Это искра Божія, дитя небесъ. Оно возвышаетъ сердце и просвѣтляетъ мысль. Оно открываетъ намъ въ одномъ яркомъ проблескѣ тѣ тайны, надъ которыми обыкновенно наша мысль такъ долго и тщетно бьется. Оно сокращаетъ разстоянія, сближаетъ людей между собою, дѣлаетъ насъ сострадательнѣе, добрѣе и лучше. Оно такъ драгоцѣнно, что ради него можно пожертвовать всѣмъ, что ему мѣшаетъ, и искать того, что ему способствуетъ.

У веселья есть свои торжественные дни. При пробужденіи природы, когда все начинаетъ рости, когда пахарь бросаетъ зерна въ землю, видали ли вы, какъ жаворонокъ взлетаетъ надъ пашней и заливается звонкой трелью уносясь въ высь, къ свѣту, вознося къ небу въ своей хвалебной пѣснѣ всю душу полей, все благоуханіе цвѣтовъ, весь трудъ земной, всю любовь? Въ извѣстные дни, когда руки сами собою соединяются въ дружескомъ пожатіи, когда сердца бьются въ унисонъ, наша радость напоминаетъ собою этого жаворонка. Она возносится къ небу въ своей пѣснѣ и въ эту пѣсню выливается вся жизнь, которой она какъ бы говоритъ: я люблю тебя, люблю твое утро и твой ве-

черъ, люблю твой смѣхъ и твои слезы, люблю твой мужественный трудъ и твой мирный отдыхъ; я люблю тебя повсюду, во всѣ времена, люблю тебя въ тѣхъ, кто покоится въ могилѣ, и какова бы ни была моя судьба, я счастлива тѣмъ, что существую и съ благодарностью отдаюсь милосердой Волѣ, создавшей насъ и промышляющей о насъ!

X.

Семья.

Солидарность людей какъ бы сконцентрирована въ цѣлой серіи уроковъ жизни, преподаваемыхъ семьею. Нѣкоторые считаютъ семью узкой рамкой, которую слѣдуетъ разбить, чтобы замѣнить тѣсныя семейныя узы великимъ общественнымъ союзомъ. Это значитъ пресѣчь солидарность въ самомъ ея корнѣ.

Нужно сперва испытать родственныя чувства въ своей семьѣ, чтобы потомъ перенести ихъ въ семью гражданскую, народную и великую семью всего человѣчества. Семья—это одна изъ тѣхъ счастливо организованныхъ школъ, гдѣ мы всему научаемся почти внезапно. Я не знаю, чѣмъ въ ней сильнѣе всего воспринимаются познанія: умомъ, сердцемъ или душою, но во всякомъ случаѣ она захватываетъ человѣка сразу, со всѣхъ сторонъ, слабыхъ и сильныхъ. Онъ къ ней привязывается, пріурочивается, становится ея составною частью прежде всего путемъ наслѣдственности,

затѣмъ силою любви и наконецъ—при помощи разсудка и благодарности. Вы сознаете, что это теплое гнѣздо свито до вашего появленія на свѣтъ, что оно ваше и будетъ существовать и послѣ васъ. Не только малыя дѣти чувствуютъ свою принадлежность къ семьѣ, но и взрослые, сильные, старики. Рука болѣе сильная, чѣмъ человѣческая, постоянно управляетъ семьею. Человѣческое и сверхъ-человѣческое такъ тутъ перемѣшивается, что трудно распознать одно отъ другого. Если есть нерукотворное святилище—это семья. Богъ въ ней кротокъ, дѣголюбивъ и являетъ себя во всѣхъ ея членахъ. Отецъ истолковываетъ Его ребенку, а ребенокъ отцу. Черты предковъ, отразившіяся въ младшихъ потомкахъ послѣдняго поколѣнія, указываютъ намъ на существованіе таинственнаго закона преемничества (mystérieuse survie). Будьте же послѣ этого послѣдователемъ реализма, матеріализма, утилитаризма въ своей семьѣ! Вы пробуете, я знаю, но вы останавливаетесь дойдя до извѣстной точки. Внезапно, когда вы менѣе всего къ этому готовы, у васъ сжимается сердце и слезы подступаютъ къ горлу. Вы, положительные люди, восклицаете въ подобномъ случаѣ: *это глупо!* и вы правы, потому что васъ охватило безразсудство, но это святое безразсудство. Молнія доброты и нѣжности, молнія страданія и жалости озарила передъ вами новый міръ, котораго вы не знали. Да, вы проповѣдуете упраздненіе семьи, нарушеніе ея узъ—одни ради высшаго прославленія Бога, другіе во имя высшаго общественнаго блага. Но если бы даже наши

грѣхи могли вновь окутать человѣчество первобытнымъ мракомъ, если бы Богъ могъ исчезнуть съ нашего горизонта, если бы всѣ преданія, всѣ библіи, всѣ слова, вырѣзанныя человѣкомъ на камнѣ, могли забыться, затеряться, стереться; если бы распущенность и анархія могли вернуть человѣческое общество къ хаотическому состоянію, то все же настал бы день, когда передъ двумя существами, любящими другъ друга, у колыбели младенца открылся бы новый міръ (le germe d'un monde nouveau). Не трогайте семью! И я говорю молодымъ людямъ: оставайтесь въ семьѣ (repliez vous sur la famille)!

* * *

Отцы и матери, какое бы вы ни занимали положеніе въ обществѣ, каковы бы ни были ваши обязанности, сохраните все, что есть въ васъ лучшаго, для своей семьи. Повѣрьте, что, пренебрегая ею, вы пренебрегаете тѣмъ, что важнѣе всего, и что услуги, оказываемыя вами въ другомъ мѣстѣ, нейтрализуются зломъ, которое вы причиняете у себя дома. Вотъ почему мы связаны съ семьею трогательными узами счастья и страданія. Сдѣлайте домашній очагъ пріятнымъ дѣтямъ. Пусть въ родномъ гнѣздѣ имъ будетъ тепло, но пусть они знаютъ строгость. Будьте добры и строги, умѣйте любить и уважать. Не употребляйте насилія, но и не поддавайтесь слабости! Не любите вашихъ дѣтей тиранической любовью, заглушающей иниціативу и убивающей волю. Пусть семья и домашній очагъ сохра-

нять всю свою притягательную силу родного гнѣзда. Не обманывайте довѣрія вашихъ дѣтей. Поддерживайте въ нихъ потребность все высказывать своимъ умѣньемъ ихъ выслушивать.

***

Какъ надо жалѣть тѣхъ, у кого нѣтъ семьи или относительно кого семья не выполнила своего долга! Но не станемъ приподнимать этой завѣсы: нашимъ глазамъ представилось бы положеніе слишкомъ отчаянное.

Молодые люди, не покидайте семьи! Оставайтесь какъ можно дольше дѣтьми вашихъ отцовъ и матерей, даже тогда, когда вы въ свою очередь станете отцами. Какъ хорошо чувствовать себя ребенкомъ, и чѣмъ старше мы становимся, тѣмъ отраднѣе бываетъ для насъ это чувство. Когда вы дѣйствительно уважаете женщину, которая родила васъ, вы уже не далеки отъ уваженія женщины вообще. И если вы уважаете въ своемъ отцѣ нравственный авторитетъ и охотно выражаете ему чувства сыновней почтительности, въ васъ есть добрая основа для уваженія всякаго авторитета. *Чти отца твоего и матерь твою!* Этотъ двойной законъ уваженія къ женщинѣ въ ея материнствѣ и уваженія къ мужчинѣ въ его нравственномъ превосходствѣ составляетъ необходимую основу солидарности и хорошей и честной жизни. Укрѣпимъ нашу душу этой элементарной заповѣдью, этими простыми и святыми истинами, которыя разрастаются по мѣрѣ того, какъ нашъ взоръ устре-

[illegible] могли вновь окутать человѣчество первобытнымъ мракомъ, если бы Богъ могъ исчезнуть съ нашего горизонта, если бы всѣ преданія, всѣ библіи, всѣ слова, вырубленныя человѣкомъ на камнѣ, могли забыться, потеряться, стереться; если бы распущенность и анархія могли вернуть человѣческое общество къ хаотическому состоянію, то все же насталъ бы день, когда передъ двумя существами, любящими другъ друга, у колыбели младенца открылся бы новый міръ (le germe d'un monde nouveau). Не бросайте семьи! И я говорю молодымъ людямъ: оставайтесь въ семьѣ (repliez-vous sur la famille)!

* * *

Отцы и матери, какое бы вы ни [illegible] въ обществѣ, какими бы ни были [illegible] сохраните все, что есть въ васъ [illegible] семьи. Повѣрьте, что, пренебрегая [illegible] тѣмъ, что важнѣе всего, и [illegible] вами на другомъ мѣстѣ, [illegible] ре на [illegible] у [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

...ться важный
...осительно тра-
...ободы. Отцы и
...оже разобраться
...іаціи, чтобы не
... университетъ,
...всего этого такъ
...но, что она — весь
...амая великая и са-
...но существуетъ. Въ
... способомъ очень му-
...льно и любовно раз-
...ы готовитесь къ своей
...рѣтите тѣ же самыя за-
размѣрѣ.

мляется вдаль, и которыя даже и въ старости надо выслушивать преклонивъ колѣна и сложивъ руки, какъ маленькія дѣти!

Можетъ быть вы, мой юный читатель, изъ тѣхъ, кто считаетъ почтительность дѣтской добродѣтелью, съ которой надо распроститься при появленіи пушка на подбородкѣ? Въ такомъ случаѣ, позвольте вамъ замѣтить слѣдующее: законъ, преобладающій во всей исторіи—законъ постепеннаго перехода отъ азіятскаго деспотизма, основаннаго на страхѣ, къ авторитету законовъ, основанныхъ на уваженіи. Каждый изъ насъ проходитъ этапные пункты этой эволюціи. Въ дѣтствѣ мы слушаемся изъ боязни наказанія, повиновеніе взрослыхъ является добровольнымъ и основаннымъ на уваженіи. Введемъ этотъ родъ повиновенія въ нашей семьѣ, чтобы всѣ окружающіе насъ привыкли къ нему. Въ такомъ добровольномъ послушаніи наша эпоха и наша демократическая страна болѣе всего нуждаются. Будучи хорошимъ сыномъ, вы, сами того не подозрѣвая, становитесь хорошимъ гражданиномъ. Эмансипація—это почтительность по убѣжденію. Безъ уваженія нѣтъ свободы! Свобода—это самоуправленіе, подчиненное внутреннему закону.

Намъ надо собрать всѣ послѣднія силы, чтобы обуздать въ себѣ мальчишескую наклонность къ необдуманной критикѣ, глумленію и рѣзкимъ сужденіямъ свысока. Кто хочетъ стать человѣкомъ, тотъ долженъ постоянно находить въ людяхъ и вещахъ все болѣе и болѣе поводовъ для серьезнаго къ нимъ отношенія.

Между отцами и дѣтьми долженъ рѣшиться важный вопросъ, надѣлавшій столько шуму, относительно традицій и настоящаго авторитета и свободы. Отцы и дѣти въ семейномъ кругу должны также разобраться въ правахъ отдѣльной личности и ассоціаціи, чтобы не пострадали ни тѣ, ни другія. Никакой университетъ, никакая книга не объяснятъ вамъ всего этого такъ хорошо, какъ семья. Я вамъ говорю, что она—весь міръ въ уменьшенномъ видѣ. Это самая великая и самая скромная школа, какая только существуетъ. Въ ней преподаются очень простымъ способомъ очень мудреныя вещи. Терпѣливо, почтительно и любовно разбирая свои семейныя дѣла, вы готовитесь къ своей роли въ обществѣ, гдѣ вы встрѣтите тѣ же самыя затрудненія, но въ большемъ размѣрѣ.

XI.

Дружба.

Дружба юности! Какъ древніе на алтаряхъ боговъ приносили имъ въ жертву прядь своихъ волосъ, такъ и я хотѣлъ бы отдать тебѣ лучшее, что имѣю. Даже и тогда, когда тѣ, кого мы нѣкогда любили, уже давно покоятся въ могилѣ, они живутъ въ нашихъ воспоминаніяхъ о прошломъ и нерѣдко въ тиши одиночества мы сообщаемъ имъ радости и горести, встрѣтившіяся намъ на житейскомъ пути послѣ того, какъ мы ихъ схоронили!

Въ жизни отдѣльныхъ людей, какъ и обществъ, бываютъ эпохи дружбы. Нѣкоторыя эпохи отличаются юношеской общительностью и въ теченіе ихъ люди легко сходятся и дружатся, другія отличаются осторожностью старыхъ мизантроповъ. Когда начинаютъ преобладать матерьяльные интересы, когда обостряется борьба за существованіе, когда натянутые нервы дѣлаютъ людей чрезмѣрно раздражительными, общество себѣ подоб-

ныхъ имъ становится невыносимымъ. Оно представляетъ поводы къ столкновенію интересовъ, вожделѣній и тщеславныхъ притязаній. Тогда мы, съ нашей щекотливостью, уходимъ отъ людей въ самихъ себя, какъ улитка въ свою раковину. Но какъ бы времена ни были перемѣнчивы, у каждаго изъ насъ есть время искренней и горячей дружбы — наша юность. Я всегда отъ души сожалѣю юношу, у котораго нѣтъ друга, и если онъ самъ былъ причиной своего одиночества — я его жестоко упрекну. Намъ нужны товарищи, чтобы мы могли жить общей жизнью, обоюдно сглаживать неровности нашего характера, какъ сглаживаются неровности камешковъ, когда ихъ трясутъ въ мѣшкѣ и они бьются другъ о друга. Намъ нужны товарищи также и для того, чтобы мы могли преслѣдовать общую цѣль въ жизни, развивать въ себѣ духъ товарищества (esprit de corps) и солидарности, чтобы вмѣстѣ съ ними смѣяться и пѣть, и весьма важно, чтобы въ средѣ добрыхъ товарищей у насъ завязывались съ кѣмъ нибудь отношенія болѣе близкія — дружба. Это необходимо. Это нужно для нашего интеллектуальнаго развитія. Бесѣдовать, спорить, разсуждать, вполнѣ свободно высказывать свой взглядъ на всевозможные предметы въ нескончаемыхъ разговорахъ во время прогулокъ или по вечерамъ у камина — какое это благодѣяніе для развивающагося ума! Это благодѣяніе еще чувствительнѣе въ такую эпоху, какъ наша, когда человѣку такъ трудно выбрать себѣ дорогу. Кому высказать всѣ свои мысли? Кто лучше друга, одинаковаго съ нами

возраста, можетъ выслушать и понять насъ? Я бы отдалъ всѣ утонченнѣйшія интеллектуальныя наслажденія за такую дружескую бесѣду, въ которой два молодыхъ, любознательныхъ ума обмѣниваются мыслями и добиваются истины подъ обаяніемъ дружбы. Но что еще дороже и рѣже, это встрѣтиться съ другомъ юности послѣ долгихъ лѣтъ разлуки и въ часъ грусти или радостнаго умиленья вспомнить доброе старое время, безпрестанно повторяя: ты помнишь это? помнишь?

Дружба юности оказываетъ также свое благотворное вліяніе на сердце, характеръ и поведеніе человѣка. Настоящая дружба пополняетъ многіе пробѣлы въ молодой жизни, разсѣиваетъ многія вредныя мечтанія и помогаетъ намъ твердо идти тѣми путями, на которыхъ молодежь такъ легко спотыкается. Это достигается въ особенности тогда, когда между друзьями бываетъ полная откровенность и они говорятъ между собою обо всемъ. Бываютъ такіе случаи, когда никто не можетъ помочь кромѣ друга. Когда же его слова перестаютъ дѣйствовать, это значитъ, что человѣкъ въ это время сталъ нравственно глухъ. Надо поощрять дружбу, хотя бы ради нравственнаго совершенствованія человѣка и воспитательныхъ цѣлей, ради взаимопомощи въ трудныхъ обстоятельствахъ. Другъ, помогающій намъ сегодня въ нашей нуждѣ, можетъ завтра оказаться въ такомъ же положеніи и въ свою очередь нуждаться въ нашей помощи, которую мы ему предложимъ такъ же охотно и безкорыстно.

* * *

Въ наше двоедушное и лицемѣрное время дружба должна становиться дѣломъ прямодушія и правды. Отъ кого охотнѣе мы выслушаемъ правду, какъ не отъ друга? Когда правда воплощается въ свой образъ и говоритъ своимъ голосомъ, нельзя обижаться, если она будетъ некрасива. Другъ — это братъ по выбору. Онъ для насъ больше, чѣмъ родной братъ.

Дружба поддерживаетъ въ суровой и грозной борьбѣ, которую молодымъ людямъ приходится вести изъ-за вопросовъ наиболѣе близкихъ ихъ сердцу и на которыя часто косо смотрятъ въ обществѣ. Чтобы освободиться отъ рутины и рабства, чтобы тысячу разъ не упасть духомъ, получая враждебный отпоръ, чтобы не извѣриться въ самомъ себѣ то-и-дѣло натыкаясь на препятствія, нужно отъ времени до времени возобновлять запасъ мужества и вѣры на лонѣ дружбы.

***

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ. Я считаю не только возможнымъ, но даже желательнымъ, чтобы юноши помимо дружбы со своими сверстниками сходились и дружились съ людьми старшаго возраста, даже со стариками, участливо относящимися къ вступающимъ въ жизнь. Юноша, которому все улыбается въ жизни, бываетъ счастливъ, если онъ можетъ любить кого нибудь, кого онъ считаетъ выше себя, и не только любить, но восхищаться. Дѣло не въ томъ, чтобы клясться въ дружбѣ *in verba magistri,* но чтобы къ кому нибудь привязаться душою, дорожить чьимъ ни-

будь мнѣніемъ. Вотъ общее правило: люди наиболѣе одаренные природой и наиболѣе способные къ независимости, въ извѣстномъ возрастѣ ищутъ учителя и не желаютъ ничего лучшаго, какъ быть учениками.

Я не признаю, чтобы серьезные, занятые и почтенные люди не могли удѣлить юношеству своего времени, не только для того, чтобы просвѣщать его вообще, но и для того, чтобы давать ему совѣты въ частности, чтобы знакомиться съ нимъ, приносить ему пользу. Не пишите такъ много хорошихъ книгъ, мм. гг., но бросайте побольше хорошихъ, живыхъ словъ въ благодарныя борозды юныхъ умовъ! Они принесутъ огромную пользу вашимъ соотечественникамъ и всему человѣчеству. Я радуюсь тому, что вещи, такъ давно позабытыя, начинаютъ снова пріобрѣтать значеніе. Будемъ братьями— вотъ великій девизъ всеобщей солидарности. Пусть Франція настоящаго и Франція прошлаго протянетъ руку Франціи будущаго!

Надо отдать справедливость молодежи, что она добра, довольствуется малымъ и такъ всегда благодарна за то, что для нея дѣлаютъ, что всегда пріятно и полезно оказать ей какую нибудь услугу. Я не сказалъ главнаго: въ обществѣ молодыхъ людей мы сами молодѣемъ. Никакіе элексиры въ мірѣ не сравнятся съ этимъ средствомъ для людей, которые боятся состариться.

XII.

Любовь.

Одинъ хорошій и симпатичный врачъ, одинъ изъ тѣхъ, которые, постоянно имѣя дѣло съ трупами, не стали презирать человѣчество, но, напротивъ, по нашимъ жалкимъ останкамъ поняли, — насколько умъ человѣческій въ состояніи понять, — всю святость жизни, жаловался на то, что съ нею небрежно обращаются съ самаго ея начала. Въ воспитаніи домашнихъ животныхъ, — говорилъ онъ,— мы гораздо болѣе свѣдущи, чѣмъ въ воспитаніи дѣтей. Слова этого врача часто приходили мнѣ на умъ по поводу любви. Если въ чемъ нибудь бываютъ нужны добрые совѣты при вступленіи въ жизнь, то именно въ дѣлѣ любви. Этотъ вопросъ считается всѣми очень щекотливымъ. Воспитатели считаютъ въ немъ компетентными только родителей, а родители думаютъ то же самое о воспитателяхъ. И поэтому, тѣ и другіе чаще всего отъ него уклоняются. Юноши вступаютъ въ самый опасный (critique) возрастъ безъ руководства. Я, впрочемъ,

ошибаюсь: педагогическая задача, которую родители и воспитатели понимаютъ такъ различно, рѣшается помимо ихъ. Дѣтское любопытство непремѣнно будетъ удовлетворено не нынче-завтра. Какой нибудь дрянной товарищъ, какая нибудь книга, которыхъ теперь такъ много ходитъ по рукамъ, посвящаютъ невинное существо въ то, что принято называть тайной жизни. Съ этого момента воображеніе новообращеннаго начинаетъ страшно работать. Довѣріе къ родителямъ и воспитателямъ сильно подрывается, вліяніе этихъ неуполномоченныхъ воспитателей оказывается гораздо сильнѣе; что-то новое и опасное проникаетъ въ жизнь, что очень трудно бываетъ потомъ извлечь изъ нея.

Здѣсь мы касаемся перваго важнаго и болѣзненнаго пункта сложнаго вопроса любви. Хотя мы и пишемъ имѣя въ виду уже взрослыхъ молодыхъ людей, тѣмъ не менѣе приходится начать съ него. Любовь своими многочисленными развѣтвленіями охватываетъ всю жизнь и часто то, что невинный ребенокъ подслушалъ у дверей еще закрытаго для него міра, обусловливаетъ его будущее поведеніе. Я не могу не сокрушаться о томъ, что въ это интимное и святое дѣло насъ посвящаютъ по преимуществу вполнѣ чуждые намъ нечестивцы и что моментъ грубой нескромности (une heure de brutale indiscretion) надолго, а можетъ быть и навсегда потрясаетъ и возмущаетъ нашу душу; тогда какъ въ этомъ дѣлѣ необходимы всѣ предосторожности, вся материнская мудрость тѣхъ, кому мы дороги.

* * *

Тѣмъ не менѣе, я лишь слегка касаюсь этого предмета по отношенію къ возрасту, непосредственно предшествующему юности, и переношу вопросъ на его настоящую почву:

Какъ неженатый и необрученный молодой человѣкъ долженъ вести себя въ дѣлѣ любви?

Прежде всего, надо, чтобы человѣкъ былъ проникнутъ чувствомъ уваженія къ жизни, сознавалъ ея святость и первенствующее значеніе, а слѣдовательно и обязанности, которыя мы должны исполнять въ качествѣ наслѣдниковъ жизни. Основное чувство, долженствующее руководить всѣми поступками человѣка— чувство мужского достоинства (dignité viril). Если онъ обладаетъ этимъ чувствомъ, онъ будетъ смотрѣть на жизнь, какъ на благо общее, а не личное и найдетъ въ самомъ себѣ благороднаго и сильнаго союзника, который его будетъ охранять и исправлять.

Конечно, чувство мужского достоинства и уваженіе къ самому себѣ могутъ быть развиты или заглушены цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ средствъ. Въ томъ возрастѣ, когда пробуждается чувственность и когда самая новизна ощущеній и вызываемое ими волненіе представляютъ такую опасность, ее можно бываетъ какъ ослабить, такъ и усилить. Режимъ, пища и среда имѣютъ тутъ такое же значеніе, если еще не большее, чѣмъ природа человѣка. Чрезмѣрный умственный трудъ, сидячій образъ жизни, вредныя книги, праздность могутъ превратить въ мучительное и непреодолимое желаніе возбужденіе, которое при иныхъ условіяхъ можно успо-

коить. Здоровый режимъ, энергичныя привычки, развлеченія, физическое утомленіе настолько благотворны, что благодаря имъ самые опасные (critique) годы проходятъ иногда почти незамѣтно. Все это чрезвычайно вѣрно. Чтобы человѣкъ могъ быть вполнѣ нормальнымъ въ своемъ поведеніи, ему необходимъ нормальный образъ жизни. Если вы нарушите равновѣсіе его жизни, вы нарушите и равновѣсіе его поведенія. Индивидуальныя и соціальныя причины заблужденій въ большинствѣ случаевъ проистекаютъ отъ неисполненія гигіеническихъ требованій.

Кромѣ того, основой всего служитъ наше представленіе о жизни, важности ея значенія и ея цѣли. Поэтому, очень важно, чтобы въ юности мы уважали самихъ себя. Высокій идеалъ, благородное отношеніе къ жизни во всей ея совокупности, сознаніе важности той роли, которую мы призваны въ ней выполнить, лучше всего могутъ руководить насъ въ дѣлѣ любви и предохранить насъ отъ софизмовъ и циническихъ совѣтовъ, которые люди съ притупленнымъ сердцемъ расточаютъ намъ по этому поводу. Едва ли не безполезно говорить, что если гдѣ либо на своемъ пути молодежь наталкивается на нелѣпости и преступные принципы, то именно здѣсь. Во имя того, что называютъ непреодолимой физической потребностью, молодымъ людямъ предлагаютъ не употреблять надъ собою никакого усилія и слѣдовать своему влеченію: поступать такъ — хорошо, поступать иначе — глупо и даже дурно. «Въ странѣ, гдѣ дѣвственность 20-ти-лѣтняго

юноши составляетъ предметъ традиціоннаго, почти національнаго глумленія» *) — нужно имѣть въ самомъ себѣ противовѣсъ подобной гнусности. Правда, что достаточно взглянуть на нашу молодежь вообще, чтобы понять, что если она въ чемъ именно нуждается, то въ сбереженіи своей силы.

Эта будто бы непреодолимая потребность, о которой такъ много кричатъ, существуетъ въ воображеніи, возбужденномъ дурными книгами, разговорами и примѣрами гораздо больше, чѣмъ во всемъ остальномъ. Но, наконецъ, допустимъ эту потребность, какъ существующій фактъ. И тогда мы должны сохранить уваженіе къ нашей природѣ во всей ея цѣлостности, во всѣхъ проявленіяхъ ея благородныхъ инстинктовъ и высшихъ потребностей. Дѣйствія, ослабляющія наше уваженіе къ намъ самимъ и къ другимъ, которыя нарушаютъ нашу честь, дурны, хотя бы они и вызывались законнымъ побужденіемъ. Сколько есть вещей, въ сущности неважныхъ, но въ которыхъ мы должны себѣ отказывать, потому что за нихъ слишкомъ дорого пришлось бы расплачиваться! Во множествѣ случаевъ, когда человѣкъ участвуетъ въ какомъ нибудь общемъ дѣлѣ, ему бываетъ стыдно думать о своемъ отдыхѣ или обѣдѣ, хотя онъ имѣетъ на это неоспоримое право. Человѣкъ, обладающій идеаломъ, энергіей и принципами жизни, отличается отъ другихъ людей своимъ отношеніемъ къ жизни, къ различнымъ потребностямъ всего своего

---

*) J. Lemaitre.

существа, предусмотрительностью и твердостью, съ которой онъ умѣетъ подчинять однѣ другимъ. Вотъ почему я возвожу въ принципъ, что прежде всего въ любви необходимъ идеалъ, потому что этотъ идеалъ помогаетъ намъ управлять собою. И для того, кто цѣнитъ свою жизнь, свое собственное и чужое достоинство, поддаваться своей чувственности, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, значитъ измѣнять своимъ благороднѣйшимъ побужденіямъ ради удовлетворенія простого желанія.—Слѣдовательно, признавая въ себѣ всю законность этого желанія, онъ пожертвуетъ имъ своей природѣ, любви и цѣломудрію.

У цѣломудрія тьма враговъ. Я не говорю о циникахъ и насмѣшникахъ, которые тутъ не идутъ въ разсчетъ. Мы позволимъ себѣ взять исходной точкой общій взглядъ на жизнь, установленный нами въ этой книгѣ. Но прежде всего мы должны отвѣтить на одно серьезное замѣчаніе, кажущееся вполнѣ основательнымъ (spécieuse), относительно опасности слишкомъ строгой воздержности. Вамъ представляютъ неопровержимый аргументъ: кто захочетъ стать ангеломъ, сдѣлается скотомъ (qui veut faire l'ange, fait la bête). Конечно въ этой старой пословицѣ есть доля правды и я не буду ее оспаривать. Но мы увидимъ далѣе, что тутъ рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы стать ангеломъ. Я замѣчу только, что многіе сдѣлались скотами и не пробуя стать ангелами. Они упали въ грязь не потому, что хотѣли залетѣть слишкомъ высоко, но потому что съ самаго начала летали слишкомъ низко.

Вѣрнѣйшій способъ стать рабомъ своихъ желаній — не управлять ими, а повиноваться имъ. Что же касается до порчи характера, могущей явиться результатомъ монашескаго цѣломудрія, то въ отвѣтъ на это, увы, можно указать на печальный упадокъ (décadence) множества людей, никогда не признававшихъ иного закона, кромѣ своего желанія. Даже и тутъ я не нахожу возможнымъ колебаться. Если бы мнѣ представлялся выборъ между чрезмѣрной разнузданностью и чрезмѣрной сдержанностью, я бы отдалъ предпочтеніе послѣдней, потому что я тутъ менѣе пожертвовалъ бы своимъ человѣческимъ достоинствомъ.

Во всякомъ случаѣ, я не проповѣдую монашество, говоря о цѣломудріи. Я не требую, чтобы презирали человѣческую природу, но чтобы ее уважали и охраняли. Все, что мы сказали до сихъ поръ, обнимаетъ лишь сухую и отрицательную сторону вопроса. Многіе только ею и ограничиваются. Цѣлыя общества и цѣлые вѣка бились надъ этимъ вопросомъ и не находили выхода. Люди высказываютъ крайнія мнѣнія вызывая и подстрекая другъ друга. Наше современное общество, какъ и многія, предшествовавшія ему, не избѣгло этого закона. Къ любви оно относится или легко, или съ напускной строгостью (pruderie), оно развратно и жестоко. Все это вполнѣ логично. Общество, позволяющее и совѣтующее молодымъ людямъ поддаваться своимъ инстинктамъ, унижаетъ любовь, которую начинаютъ естественнымъ образомъ считать чѣмъ-то сомнительнымъ и низменнымъ. Развращен-

ность однихъ соотвѣтствуетъ напускной строгости и аскетизму другихъ и смутное смѣшеніе этихъ наклонностей порождаетъ лицемѣріе: Тартюфъ — аскетъ по внѣшности и гуляка по существу.

Увы! подобныя заблужденія расшатываютъ устои общества, принципы и учрежденія, и это отражается вездѣ и во всемъ. Если вы грѣшите въ молодости противъ любви въ самой ея основѣ, это отзывается неисчислимыми страданіями и терзаніями на всей націи.

Я утверждаю, что правиломъ жизни должно быть цѣломудріе. Всякое его нарушеніе — проступокъ. Какъ бы ни казался суровъ этотъ законъ — онъ единственный. Внѣ его существуетъ одна только прописная мораль (morale de camelote). Быть правдивымъ и честнымъ тоже не легко, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ложь и воровство были позволительны. Пусть же тотъ, кто потерялъ уваженіе къ самому себѣ и къ любви, пойметъ, что онъ сдѣлалъ зло! Въ тяжелыхъ нравственныхъ обстоятельствахъ въ этомъ сознаніи единственное спасеніе. Но называть зло добромъ, потому что зла трудно избѣжать, это значитъ преступать правила нравственности и обманывать свою совѣсть. Вотъ принципъ, который слѣдуетъ признать безусловно авторитетнымъ.

* * *

Признавъ принципъ, мы должны войти въ жизнь молодыхъ людей, пытающихся его осуществить. Мы будемъ здѣсь свидѣтелями самой симпатичной борьбы.

Для человѣка, сохранившаго нравственную чуткость, не можетъ быть болѣе привлекательнаго зрѣлища. «Нравы во Франціи, гдѣ не существуетъ настоящаго обрученія, дѣлаютъ очень затруднительнымъ положеніе молодого человѣка до брака. Молодой человѣкъ вполнѣ предоставленъ самому себѣ въ дѣлѣ рѣшенія задачи, которую ставитъ передъ совѣстью нашъ общественный строй (état social)... Отсюда проистекаютъ мучительныя угрызенія совѣсти, паденія, героическая борьба, въ высшей степени поэтическая драма». Такъ говоритъ С. Прюдомъ въ своемъ предисловіи къ *La jeunesse pensive*. A. Dorhain. Онъ продолжаетъ такъ: «читая эти стихотворенія, скромно, но вполнѣ искренне выражающія борьбу и страданія 20-ти-лѣтняго возраста, у многихъ въ душѣ откроются старыя раны... Мы не можемъ оставаться безстрастными зрителями мукъ, которыя онъ (юноша) переноситъ... Мы протягиваемъ ему съ берега руку помощи!»

Степень размѣровъ этой борьбы зависитъ отъ натуры и темперамента человѣка. Есть существа привеллигированныя, которымъ ихъ врожденное благородство внушаетъ отвращеніе ко всему низкому и пошлому. Зло ихъ не касается. Про ихъ душу можно сказать:

По ликамъ бронзовымъ изваянной изъ глыбъ,
Ей вѣдомо, чего столь чистый мраморъ стоитъ
И то, что дождь небесъ во вѣкъ его не смоетъ.

А. де Мюссе *).

---

*) Перев. кн. А. П. Кугушева.

Но зато другіе, и преимущественно изъ лучшихъ, поставлены въ этомъ отношеніи на низшую ступень своею воспріимчивостью (sensibilité), силой воображенія и всѣми своими свойствами.

Дитя, въ борьбѣ ты вѣковѣчной.
Ты мнишь, что сердце побѣдилъ,
И, небеса открывъ, безпечно
Ты къ нимъ полетъ свой устремилъ.
Ты вѣришь въ силу всеблагую,
Въ мощь добродѣтели святую.
Увы! не кончена война:
Лишь битва первая дана.
Твоя душа—не духъ аскета,
Что выше тлѣннаго паритъ:
Твоя душа—душа поэта,
Въ ней форма и краса царитъ.
И сердце пламеннѣй, чѣмъ наше,
Въ тебѣ трепещетъ день и ночь—
Страдать ты будешь больше, чаще,
И страсть тебѣ не превозмочь.

А. Доршэнъ*).

Но тутъ намъ приходится окунуться въ самую дѣйствительность и взглянуть на положеніе вещей въ ихъ настоящемъ видѣ. Въ борьбѣ, о которой идетъ рѣчь и которой никто, въ той или иной мѣрѣ, не можетъ избѣгнуть, дѣло не въ томъ, чтобы быть всегда сильнѣе своего противника, но чтобы никогда не отступать. Въ великой книгѣ житейской мудрости есть глава, въ которой говорится, что кто упалъ, тотъ долженъ встать,

*) Перев. кн. А. П. Кугушева.

что не менѣе важно, чѣмъ быть осторожнымъ для того чтобы не упасть. Для того, чтобы человѣкъ могъ пройти житейскій путь, никогда ничѣмъ не оскорбляя законъ совѣсти, надо, чтобы онъ былъ совершенствомъ. Но мы далеки отъ совершенства. Приготовимся же къ часамъ мрака, когда зрѣніе притупляется, борьба становится неровной, наступаетъ упадокъ силъ и уныніе, можетъ быть даже паденіе. Это моменты самые мучительные и опасные. Какъ бы то ни было, но упавшій не мертвый, онъ только раненъ или, можетъ быть, просто споткнулся. Все дѣло въ томъ, чтобы онъ не оставался лежать на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ, чтобы онъ не примирялся со своимъ положеніемъ, не терялъ надежды и, главное, не измѣнялъ своей цѣли. Чтобы его идеалъ оставался неприкосновеннымъ, чтобы его не покидала надежда рано или поздно выйти побѣдителемъ изъ борьбы. Пусть только зло откровенно называютъ зломъ и пусть падающій сознаетъ его. Не надо софизмовъ, не надо лжи, прежде всего!

При такихъ обстоятельствахъ необходимо вмѣшательство опытныхъ и надежныхъ друзей. Было бы крайне опасно, если бы молодой человѣкъ, прямой и чистый сердцемъ, сталъ презирать себя и отчаяваться въ самомъ себѣ вслѣдствіе какого нибудь понесеннаго имъ пораженія. Поднимемъ его, ободримъ, поддержимъ твердой дружеской рукою!

Но, увы, кто же объ этомъ заботится! Ничто не можетъ сравниться съ непослѣдовательностью отношенія общества къ молодежи. Все ограничивается тѣмъ, что

ей подають дурной примѣръ, преслѣдуютъ ее за заблужденія, втаптываютъ ее въ грязь, когда она падаетъ. То потворствуя ей, то относясь къ ней слишкомъ сурово, мы не знаемъ жалости, которая поднимаетъ и врачуетъ, и очень немногимъ доступно милосердіе справедливости, заключающееся въ томъ, чтобы ненавидѣть зло и любить того, кто зараженъ имъ. Можно подумать, что мы далеки отъ всего человѣческаго, тогда какъ оно окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Развѣ большая часть жизни не уходитъ на исправленіе ошибокъ? Лучшая армія не та, которая никогда не терпѣла пораженія: намъ неизвѣстно, какъ бы она себя вела, если бы была побита. Умѣть перенести пораженіе, прикрывать отступленіе, собираться съ силами, пополнять свои потери, перевязывать свои раны, поддерживать храбрость упавшихъ духомъ и идти въ бой съ новой энергіей—вотъ высшія доказательства храбрости. И если бы какой нибудь фарисей сказалъ, что я слишкомъ снисходителенъ въ своей предусмотрительности, то я бы повторилъ слова Того, кто былъ такъ строгъ и въ то же время такъ добръ и кто проповѣдывалъ Евангеліе прощенія, осуждающее грѣхъ и спасающее грѣшника: *кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень!*

* * *

Пора, однако же, намъ покинуть это преддверіе и вступить въ область любви, въ обширномъ и благородномъ ея значеніи. Во имя этой любви и ради того,

чтобы стать вполнѣ ея достойными, мы объявляемъ безпощадную войну всему, что можетъ ее помрачить или скомпрометировать. Одна только истинная любовь защищаетъ человѣка отъ всѣхъ ея недостойныхъ пародій. Къ этой любви должна готовить себя молодежь и искать ее во всемъ возвышенномъ и чистомъ. Словомъ, цѣломудріе, проповѣдуемое мною, не цѣломудріе евнуховъ, но цѣломудріе мужчинъ. «Я не придаю большого значенія чисто внѣшнему и отрицательному цѣломудрію. Истинное цѣломудріе, столько же цѣломудріе души, какъ и тѣла. Пустое сердце не можетъ быть цѣломудренно; нужно, чтобы женщина занимала въ немъ подобающее ей священное мѣсто» *).

Уваженіе къ женщинѣ — это дополненіе уваженія къ самому себѣ. Какъ уваженіе мужчины къ самому себѣ основано на нашемъ пониманіи жизни и ея значенія, такъ уваженіе къ женщинѣ есть отраженная форма инстинкта, соединеннаго (qui se rattache) съ глубочайшими тайнами жизни. Вездѣ, гдѣ мы видимъ жизнь въ мірѣ, она является результатомъ соединенія двухъ элементовъ: мужского и женскаго, которые представляются какъ бы ея разъединенными частями. Какъ будто совершенное существо раздѣлилось на части, неспособныя жить каждая отдѣльной жизнью, для того чтобы заставить ихъ стремиться другъ къ другу для взаимнаго пополненія и возстановленія единства. При-

*) T. Fallot: *Lettre du 25 août 1891.*

тягательная сила, привлекающая мужчину къ женщинѣ, далеко выступаетъ изъ тѣсныхъ рамокъ временнаго плотскаго удовлетворенія. Это таинственная сила, имѣющая величайшее значеніе, сила *вѣчно женственнаго*. Но для того, чтобы она могла сохранить все свое значеніе, нужно проникнуться уваженіемъ какъ къ самому себѣ, такъ и къ женщинѣ, въ которомъ выражается благоговѣйное отношеніе къ тайнѣ жизни. Какъ наше уваженіе къ себѣ основано на высокой оцѣнкѣ мужского достоинства и проистекаетъ изъ источника болѣе благороднаго, чѣмъ наша собственная личность, точно такъ же и наше уваженіе къ женщинѣ въ частности имѣетъ началомъ уваженіе къ женщинѣ вообще. И если любовь въ насъ должна достигнуть своей настоящей высоты, то ей необходима обширная безличная основа. Вопросъ любви стоитъ передъ нами въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и большинство вопросовъ, привлекающихъ и интересующихъ молодежь. Она начинается съ общаго чувства и сосредоточивается на одномъ предметѣ. Какъ при вступленіи въ жизнь, юноша всѣмъ интересуется и всему сочувствуетъ, мало-по-малу сосредоточивая свое вниманіе на исключительныхъ предметахъ, такъ и его любовь имѣетъ въ началѣ общій характеръ. Наша любовь въ своемъ началѣ не относится къ одной какой нибудь женщинѣ, ни тѣмъ менѣе къ женщинамъ, что бываетъ результатомъ постепеннаго упадка и сводится къ моральному и философскому диллетантизму; въ началѣ мы любимъ *женщину* или, вѣрнѣе, испытываемъ чувство неотразимое, сладкое и

въ то же время возвышенное и восторженное, которое можно вполнѣ справедливо назвать *культомъ женщины*. Культъ женщины—это начало и источникъ любви; онъ долженъ существовать прежде нея, стоять рядомъ съ нею и продолжаться всю жизнь.

* * *

Но я далекъ отъ мысли этимъ ограничиться. Кромѣ идеала женщины, мы хотимъ, чтобы молодые люди имѣли возможность узнать женщину реальную. Мы не хотимъ, чтобы она была удалена отъ молодого человѣка, спрятана, заперта, окружена опаснымъ ореоломъ запрещеннаго плода. Напротивъ, нужно, чтобы онъ съ нею встрѣчался какъ можно чаще, стараясь лучше узнать ее. Наше общество въ этомъ отношеніи совершаетъ громадную ошибку. Оно не только не поощряетъ идеальнаго культа женщины, но дѣлаетъ все возможное чтобы удалить другъ отъ друга оба пола и помѣшать имъ такимъ образомъ какъ слѣдуетъ узнать другъ друга въ дѣйствительности. Это громадное зло. Есть ли возможность избѣгнуть при этомъ легкомысленнаго отношенія къ любви? Какъ помѣшать въ особенности распространенію презрѣнія къ женщинѣ—этого общественнаго бѣдствія, въ средѣ молодежи, знающей только общество дурныхъ женщинъ?

Молодые люди обоихъ половъ созданы для того, чтобы видѣться другъ съ другомъ, обмѣниваться мыслями. Имъ нужны общія развлеченія и удовольствія, разумѣется, подъ наблюденіемъ родителей и при соблю-

денiи предосторожностей, необходимыхъ въ такомъ обществѣ, какъ наше. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая ту жизнь, которую создали для нашей несчастной молодежи, приходится сказать, что у нея отняли всѣ чистыя радости. Молодымъ людямъ нужно многое такое, о чемъ, кажется, никто и не помышляетъ. Они нуждаются въ привязанности, въ обмѣнѣ мыслей съ женщинами привѣтливыми и достойными уваженiя, въ искреннемъ весельи, раздѣленномъ молодыми дѣвушками того же возраста. Эта потребность въ молодомъ человѣкѣ, который не испортился и не увялъ прежде времени, гораздо сильнѣе низменныхъ влеченiй, которыми намъ прожужжали уши.

Да, въ этой блуждающей, сумеречной жизни, въ этой жизни «ощупью», которой живетъ молодежь, намъ нужна дружба просвѣщенныхъ людей, ласка, улыбка и свѣтъ, который бы разсѣялъ тѣни, набѣгающiя на нашу мысль, ободряющiй взглядъ для того, чтобы далеко отогнать отъ насъ печальныя или дурныя мысли. У насъ есть сердце, но меня огорчаетъ то, что никто этого не подозрѣваетъ. Удивительно ли послѣ этого, что оно стремится къ удовлетворенiю запрещенными путями, когда всѣ другiе отъ него закрыты? Увы! мы тщетно ищемъ. Мы не находимъ ничего, кромѣ иллюзiи и отвращенiя и скоро начинаемъ понимать, что легкомысленная любовь то же, что миражъ въ пустынѣ.

> О, какъ безуменъ тотъ, кто освѣтитъ шаги
> Свои тѣмъ отблескомъ иль лживымъ, иль притворнымъ!

Не обращайся вспять! На свѣтъ тотъ не гляди!
То—отблескъ отъ звѣзды, давно ужъ загашенной.

А. Доршэнъ *).

*
* *

Худшимъ результатомъ нашей дурной и анормальной жизни, нашего неизлечимо-легкомысленнаго отношенія къ любви и нашей испорченности оказывается то, что мы утратили міръ очарованія и красоты, который я назову зарей любви. Есть край, гдѣ всходитъ солнце, гдѣ, озаренные его лучами, распускаются цвѣты, гдѣ земля, которую еще не попирала человѣческая нога и ничто не оскверняло, чиста и дѣвственна. Тамъ испытываютъ лишь сладость чувства, не зная всей его горечи и глубины причиняемаго имъ страданья. Любовь хороша даже и тогда, когда она заставляетъ проливать слезы. Въ любви не надо бояться ни слезъ, ни печали. Но въ странѣ, гдѣ восходитъ солнце, о нихъ не знаютъ. Это преддверіе нашей жизни, свѣтлый рай, обитатели котораго счастливы сознаніемъ, что они живутъ, видятъ другъ друга, издали благоговѣйно поклоняются другъ другу, чаще всего безмолвно и не требуя бо́льшаго. Мы заперли двери этого рая. Надо впустить въ него молодежь и она скоро убѣдится, что въ этомъ чувствѣ больше прелести, чѣмъ во всѣхъ искусственныхъ наслажденіяхъ.—Молодость безъ любви все равно, что утро безъ солнца. Если наша молодежь

*) Перев. кн. А. П. Кугушева.

такъ угрюма—это потому, что многіе молодые люди скептически относятся къ любви. Они идутъ путями, удаляющими ихъ отъ нея. Жизнь отвергаетъ тѣхъ, кто мутитъ ея источникъ. Она удаляется отъ нихъ. Никогда уже они не увидятъ ее больше во всей ея мощной красѣ. Ни голубое небо, ни цвѣты, ни журчащій ручей не откроютъ имъ своей тайны. Они чувствуютъ себя отлученными отъ жизни,—и нѣтъ ужаснѣе этого отлученія. Ихъ увядшей душѣ весь міръ кажется увядшимъ. Но тотъ, кто уважаетъ самого себя, знаетъ бо́льшія радости, дѣтскія радости, невѣдомыя другимъ. Здоровая и сильная жизнь течетъ по его жиламъ, какъ сокъ по стволу дуба, и въ божественномъ упоеніи молодости весь міръ ликуетъ въ его груди. Всѣ прожженныя жизни въ мірѣ не стоятъ одного часа ихъ жизни.

Другая форма любви—юношескій энтузіазмъ. Онъ растетъ и уменьшается вмѣстѣ съ любовью. По мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ способность любить и понижается качество любви, нашъ энтузіазмъ тоже слабѣетъ и видоизмѣняется. Любовь, которую чтутъ, не только источникъ поэзіи, радости, одушевленія, но также: силы и мужества. Тайна добродѣтели принадлежитъ тому, кто мужественно блюдетъ цѣломудріе. Добродѣтель ничто иное, какъ совокупность мужественныхъ (mâles) качествъ, процвѣтающихъ въ мірѣ красоты и вѣрности, въ которомъ человѣкъ обладаетъ твердымъ и непоколебимымъ сердцемъ, яснымъ взглядомъ и рукою, способною наносить сильные удары.

И я считаю эту сосредоточенность силы, это гордое сознаніе своего достоинства—величайшей наградой.

Я не останавливаюсь на другой наградѣ, которая позже явится въ видѣ союза съ избранной женщиной, въ который мужчина вступитъ здоровый тѣломъ и чистый сердцемъ. Какъ бы ни была возвышенна эта цѣль, она можетъ казаться довольно отдаленной при тяжелыхъ требованіяхъ современнаго общества.

А между тѣмъ, если человѣкъ заботится о своей будущей карьерѣ и готовится къ ней, не долженъ ли онъ также подумать объ отвѣтственности, которая ляжетъ на него, когда онъ станетъ главой семьи, покровителемъ жены, отцомъ? Тотъ, кто не благодаренъ своимъ предкамъ за то, что они жили нравственной жизнью и дали ему чистую кровь и полную жизнеспособность, не знаетъ, что значитъ солидарность плоти и крови, ни того, какія суровыя обязанности должны мы выполнить передъ тѣми, кому мы дадимъ жизнь. Загрязнить источникъ жизни, дать дѣтямъ урѣзанную жизнь, отягченную болѣзнями, тощее тѣло, истасканную душу—вотъ грѣхъ, которымъ я изъ всѣхъ грѣховъ подъ Божьимъ солнцемъ не хотѣлъ бы отягчить свою совѣсть!

Обо всемъ этомъ слѣдуетъ подумать, и молодость единственный возрастъ, когда еще не поздно объ этомъ позаботиться.

* * *

Наконецъ, мы подходимъ къ той части вопроса, гдѣ любовь граничитъ съ гражданственностью и принимаетъ болѣе обширную и высокую форму.

XIII.

Отечество и соціальная роль молодежи.

Внѣ семьи, дружбы, любви, тѣхъ интимныхъ сферъ, которыя посвящаютъ отдѣльнаго человѣка въ тайну солидарности, имъ овладѣваетъ иной міръ, въ которомъ заключены всѣ эти сферы—отечество.

«По существу своему, патріотизмъ есть радостное общеніе со средой, изъ которой мы вышли. Цвѣтокъ радуется родному солнцу; дубъ мощно обнимаетъ своими корнями землю и всасываетъ въ себя ея соки; человѣкъ улыбается родному крову, отцу и матери, тому, что его окружаетъ; онъ проникается всѣмъ этимъ, ко всему привязывается сердцемъ сперва безсознательно, затѣмъ все болѣе и болѣе отдавая себѣ отчетъ. Черезъ семью—этотъ первообразъ всяческой любви, человѣкъ поднимается до любви болѣе широкой и богатой, до любви къ отечеству. Между отечествомъ и семьей идетъ непрестанный обмѣнъ воздѣйствія и услугъ. Отечество родитъ семью, вскармливаетъ ее своими

соками, организуетъ и вдохновляетъ ее, семья же поддерживаетъ, обновляетъ и увѣковѣчиваетъ отечество.

«Слѣдовательно, патріотизмъ есть совокупность чувствъ, наслѣдственности и родства, дѣлающая то, что за предѣлами личной и семейной жизни передъ нами открывается вся обширная и великая общая жизнь, въ которой мы принимаемъ участіе.

«Отечество въ нашей крови, въ самомъ ритмѣ нашей нервной жизни, въ нашей мысли, въ нашемъ языкѣ, даже въ интонаціяхъ нашего голоса, оно въ нашихъ костяхъ, оно у насъ на устахъ. . . . .

«Отечество—это небо, эти поля, горы, это безпредѣльное море, разбивающееся объ наши берега. Все это не только внѣ насъ, но въ насъ самихъ. Во всемъ нашемъ организмѣ звучитъ эхо нашей родины, а въ сердцахъ нашихъ живетъ неизгладимое отраженіе ея образа.

«Отечество—всѣ, что спятъ въ могилахъ, предки нашихъ предковъ. Это свѣточъ жизни, передаваемый изъ рукъ въ руки, изъ вѣковъ въ вѣка; все, что было выстрадано, передумано, изъ-за чего боролись, о чемъ молились; все наслѣдіе испытаній и славы, добродѣтелей или пороковъ, живыхъ силъ или ранъ, требующихъ перевязки.

«Отечество—это предки, но оно также и ребенокъ. Нѣжная, граціозная головка проситъ себѣ мѣста у домашняго очага, этотъ ребенокъ, уснувшій на колѣняхъ матери, вмѣщаетъ въ себѣ все прошлое и все будущее. . . . .

19*

«Отечество, конечно, больше отдѣльной личности и больше семьи. Оно—одинъ изъ великихъ моментовъ (étapes) таинственной жизни, переходящей изъ личной жизни въ жизнь болѣе полную и возвышенную, которая привлекаетъ къ отвѣтственности, оправдываетъ и требуетъ жертвъ, даже жертвы нашей личной жизнью»*).

Истинная и могучая любовь къ отечеству можетъ быть почти инстинктивною, но она должна для своей пользы стать сознательною и обдуманною. Тогда она посвящаетъ насъ въ таинства жизни и души всего нашего народа. Возрастъ этого посвященія—молодость. Кто въ этотъ періодъ своей жизни постигнетъ духъ своего народа, тотъ чувствуетъ себя какъ бы вновь рожденнымъ. Чѣмъ это внутреннее откровеніе глубже и серьезнѣе, тѣмъ любовь, которою человѣкъ любитъ свою отчизну, чище и возвышеннѣе. Надо избѣгать шумнаго, болтливаго и бурливаго патріотизма и все болѣе и болѣе проникаться молчаливымъ, истиннымъ и дѣятельнымъ патріотизмомъ. Я болѣе всего желаю, чтобы молодежь не впадала въ шовинизмъ—эту пародію патріотизма. Лучшій способъ любить свое отечество, это воспитывать въ себѣ его духъ, тщательно остерегаться заблужденій и пороковъ, могущихъ повредить ему. Въ данномъ случаѣ роль французской молодежи столь же прекрасна, какъ и ясна. На нее указываетъ весь ходъ нашей исторіи. Идеалъ демократической Франціи, такой, какою ее

---

*) *Справедливость,* К. Вагнера.

сдѣлали человѣческая воля и сила обстоятельствъ, все болѣе и болѣе сливается съ идеаломъ человѣческаго прогресса. Ни одна страна въ мірѣ не тратила столько силъ, геніальности, крови изъ-за невещественныхъ благъ: свободы, справедливости и правды. Всѣхъ этихъ благъ она добивалась не только для самой себя, но и для другихъ, иногда даже для своихъ враговъ, вчерашнихъ и завтрашнихъ. Наша исторія представляетъ собою самое блестящее отрицаніе національнаго утилитаризма. Мы не сдѣлали свое отечество агломератомъ эгоизмовъ, посягательствомъ на права человѣчества. Великое преданіе героизма и великодушія вполнѣ естественно возвышаетъ инстинктивную любовь къ родинѣ до сознательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженнаго чувства, въ которомъ культъ отечества граничитъ съ культомъ человѣчества. Существуетъ ли болѣе благородный идеалъ, способный воодушевить, вдохновить молодыхъ людей и выработать ихъ характеръ?!

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы французская молодежь должна была проникнуться сомнительными чувствами космополитизма и, безпрестанно повторяя слово «человѣчество», считать патріотизмъ предразсудкомъ. Упраздняя отчизну, человѣчество теряетъ все свое значеніе. Какъ человѣкъ, строго исполняющій свои семейныя обязанности, оказываетъ услугу своему отечеству, такъ и тотъ, кто исполняетъ сыновній долгъ относительно своего отечества, служитъ всему человѣчеству. По нашему мнѣнію, лучшій способъ служить человѣчеству — это съ любовью поддерживать

священное пламя національнаго идеала и проникаться имъ. Дѣло свободы, справедливости и равенства во всемъ мірѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ наша демократія стремится его осуществить, въ большой мѣрѣ зависитъ отъ того, какая участь его постигнетъ у насъ. Мы можемъ его выиграть или проиграть, смотря по тому, какъ мы организуемъ свою національную жизнь. Чѣмъ больше я присматриваюсь къ текущимъ событіямъ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что, дѣлая добросовѣстно свое дѣло, мы выполняемъ въ то же время всеобщую миссію. Изъ всего этого я прихожу къ очень простому заключенію, что въ интересахъ человѣчества наша демократія должна быть мудра и сильна. Единеніе будетъ залогомъ ея преуспѣнія. Слѣдовательно, судьба человѣчества будетъ зависѣть отъ того, насколько хорошо каждый изъ насъ будетъ относиться къ своимъ соотечественникамъ, будетъ ли онъ къ нимъ добръ и справедливъ, какъ къ братьямъ. Не очевидно ли это само собою? А между тѣмъ, достаточно объ этомъ заговорить, чтобы понадобилась обширная программа. Для того, чтобы провести національный идеалъ въ жизнь, въ его обширномъ смыслѣ, нужно очень и очень много поработать. Не надо смѣшивать идеала народа съ его повседневней жизнью. Потому что, если эта жизнь и стремится къ идеалу, то она еще очень далека отъ него. Таково положеніе вещей въ данное время. Во всей своей массѣ нашъ народъ очень далекъ отъ истиннаго пониманія свободы и воспитанія въ духѣ демократизма.

Мы видѣли, какъ этотъ народъ энергично, дѣятельно и геніально оправился отъ безпримѣрнаго внѣшняго пораженія. Въ этомъ отношеніи, при условіи бдительности, онъ можетъ успокоиться въ сознаніи своей силы и отвоеваннаго достоинства. Настало время обратить все наше вниманіе на нашу внутреннюю жизнь, *чтобы нравы нашихъ гражданъ подняли всю нашу національную жизнь на высоту нашего демократическаго идеала.* Тутъ ясно обрисовываются обязанности и роль молодежи. Я попытаюсь выразить ихъ въ короткихъ словахъ и скажу каждому изъ моихъ юныхъ соотечественниковъ: *если вы любите свое отечество, вы должны такъ поступать.*

* * *

Силою какого-то рока, который до извѣстной степени не пощадилъ ни одну націю, мы доведены до печальнаго состоянія соціальной раздробленности (*émiettement social*). Наши интересы, политическіе взгляды, философскія понятія, вѣрованія—все насъ раздѣляетъ. Намъ нѣтъ надобности вдаваться въ подробности: почитайте газеты, присмотритесь къ жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ мы получили право все писать и все говорить, проходилъ ли тотъ день, чтобы наши соотечественники не ругались между собою самымъ оскорбительнымъ образомъ? Нужно, чтобы геній націи былъ очень силенъ для того, чтобъ онъ могъ восторжествовать надъ подобнымъ положеніемъ вещей. И если, несмотря на это, мы продолжаемъ идти впередъ—какую

это должно вселять въ насъ непоколебимую вѣру въ наши принципы! Но мы бы могли еще вѣрнѣе подвигаться впередъ, если бы шли рука объ руку. Мы должны служить великому дѣлу *національнаго объединенія (concentration nationale)*. Время этому вполнѣ благопріятствуетъ.

Я знаю, что молодые люди страдаютъ отъ этого безплоднаго раздора и антагонизма, что они проникнуты лучшими намѣреніями. Тѣмъ легче съ ними разговаривать, имѣя союзника въ ихъ сердцѣ. Скажу я имъ вотъ что: вы очень хорошо дѣлаете, что съ нѣкоторыхъ поръ ищете сближенія другъ съ другомъ, поддерживаете товарищескія отношенія, организуете общества, я весьма хвалю васъ за полезныя учрежденія. Въ ассоціаціяхъ, студенческихъ кружкахъ, союзахъ юношества, каково бы ни было ихъ основное начало, хорошо уже то, что они должны развивать духъ единенія. Увы! имъ иногда стараются привить партикуляризмъ и духъ партіи и это недоброе дѣло. Но я не буду распространяться объ этомъ печальномъ заблужденіи. Вообще, сближаться съ себѣ подобными прекрасно. Это научаетъ жить и имѣть болѣе возвышенные интересы. Однако же, я требую большаго. Вы сближаетесь съ себѣ подобными лишь въ томъ случаѣ, когда принадлежите по своимъ понятіямъ и положенію къ одному съ ними лагерю. Это удовлетворяетъ лишь одну потребность, быть вмѣстѣ съ людьми одного общества и одного духа. Если вы стремитесь только къ этому, вы неизбѣжно впадете въ узкость воззрѣній. А

узкость воззрѣній поражаетъ пристрастность (l'esprit de coterie), и вотъ передъ вами опять зло во всей своей силѣ. Не надо забывать, что человѣку необходимо видѣть и слышать не только то, чѣмъ онъ окруженъ въ своей обычной средѣ. Выйдите изъ вашихъ союзовъ, кружковъ, клановъ и посмотрите, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ, послушайте, о чемъ говорятъ люди другого направленія. Это будетъ пестро, но зато насколько интересно и поучительно!

Въ демократической странѣ, гдѣ всякій можетъ высказывать свое мнѣніе, нужно выработать въ себѣ способность слушать. Мы умѣемъ говорить, даже кричать, но мы не умѣемъ выслушивать противника. Въ сущности, въ насъ бродятъ скверныя дрожжи авторитетности. Какъ только высказывается мнѣніе, противное нашему, скрытый въ насъ бѣсъ подталкиваетъ насъ крикнуть: довольно! Изъ всего этого выходитъ, что мы, имѣя полную свободу собираться и говорить, часто сами даемъ дурной оборотъ тому, что намъ разрѣшено закономъ. Девять разъ изъ десяти публичное собраніе кончается руганью и кулачной расправой. Это не демократично.—Нужно умѣть выслушивать противорѣчія. Молодые соотечественники различныхъ вѣроисповѣданій, направленій и спеціальностей должны сближаться другъ съ другомъ, совмѣстно познавать свободу и терпимость, которую я назову справедливостью.

Въ юности мы въ большинствѣ случаевъ всѣ не злы. Даже и дикіе звѣри бываютъ милы въ юности. Ихъ кровожадные инстинкты развиваются гораздо

позже. Точно также бываетъ и съ людьми. Пользуясь этимъ счастливымъ природнымъ свойствомъ, можно достигнуть очень хорошихъ результатовъ. Въ Швейцаріи я знаю студенческія кружки, въ которыхъ разница политическихъ взглядовъ не играетъ никакой роли. Эти кружки настолько тѣсны, что въ нихъ можетъ развиваться товарищество и дружба. Эта послѣдняя, какъ и любовь, возникаетъ иногда между людьми совершенно различнаго происхожденія и не прекращается и по прошествіи годовъ ученія. Часто эти друзья юности принадлежатъ къ противуположнымъ политическимъ лагерямъ или бываютъ раздѣлены другими разстояніями, создаваемыми жизнью. Но они сходятся на нейтральной почвѣ общихъ воспоминаній и это отнимаетъ много горечи у ихъ споровъ. Конечно это встрѣчается повсюду и у насъ, но въ видѣ очень рѣдкихъ исключеній. Насъ воспитываютъ отдѣльными стадами и духъ партіи часто требуетъ отъ молодежи, чтобы и она становилась въ ряды и готовилась къ бою.

Sainte-Beuve говоритъ:

Il existe, en un mot, chez les trois quarts des hommes,
Un poète, mort jeune, à qui l'homme survit.

(Изъ четверыхъ людей въ трехъ поэтъ умираетъ юнымъ и человѣкъ его переживаетъ).

Въ извѣстномъ смыслѣ это правда. Но будетъ вѣрнѣе, если мы скажемъ, что у насъ изъ четверыхъ людей въ трехъ юнымъ умираетъ именно человѣкъ. Этого давно умершаго человѣка переживаетъ нотаріусъ, адвокатъ, профессоръ, политикъ, финансистъ, ремеслен-

никъ, священнослужитель И когда этимъ пережившимъ, этимъ печальнымъ останкамъ, если можно такъ выразиться, говорятъ о человѣчествѣ, объ его интересахъ, о долгѣ человѣка—они громко отвѣчаютъ: это до насъ не касается!

Наблюдая за людьми, мы встрѣтимъ цѣлую толпу такихъ, въ которыхъ французъ умеръ очень молодымъ, уступивъ мѣсто радикалу, анархисту, монархисту, клерикалу и т. д. Изъ любви къ нашему отечеству будемъ воспитывать въ себѣ француза такимъ образомъ, чтобы онъ пережилъ въ насъ всѣ эпитеты, которыми его впослѣдствіи обременитъ жизнь, создадимъ среду, гдѣ будутъ сходиться доброжелательные люди съ четырехъ сторонъ интеллектуальнаго горизонта.

***

Но этого мало. Надо перешагнуть соціальныя преграды. Учащаяся и простонародная молодежь могутъ многому поучиться другъ у друга.

Въ маѣ 1891 г. по случаю празднествъ Тулузскаго университета профессоръ философіи Жоресъ говорилъ: «Нужно, чтобы прогрессъ нѣкоторыхъ въ дѣлѣ правды выразился въ прогрессѣ всѣхъ въ дѣлѣ справедливости, и точно такъ же, какъ въ эти майскіе дни, чудный садъ, окружающій это зданіе, наполняетъ библіотеку и лабораторію благоуханіемъ обновленной земли, наука и мысль должны быть проникнуты идеей братскаго возсоединенія человѣческихъ обществъ». Вотъ высокія и чистыя чувства, которыя необходимо осуществить въ

жизни. Я уже не разъ упоминалъ о вредныхъ наставникахъ, извращающихъ понятія народа и берущихъ съ него дорогую плату за свои отвратительные уроки. Если бы вся учащаяся молодежь сознавала свои обязанности въ этомъ отношеніи, она бы завязала борьбу съ ихъ разрушающимъ вліяніемъ. Усилія, употребленныя въ этомъ направленіи нѣкоторыми парижскими и провинціальными обществами, заслуживаютъ подражанія. Но не думайте, чтобы только въ этомъ заключалось все, чего я хочу. Народъ отъ себя дастъ вамъ столько же, сколько и вы ему дадите. Но для этого мало ораторствовать передъ нимъ, но нужно находить способы сближаться съ нимъ, узнавать его, сходиться съ молодыми рабочими и, если возможно, основывать общества, въ которыя могли бы войти всѣ элементы отечества. Чтобы организовать общественный умъ и національную мысль, надо прежде всего пользоваться этими малыми, трудными средствами. Обычное и доброжелательное общеніе различныхъ соціальныхъ элементовъ искореняетъ множество искусно поддерживаемыхъ предразсудковъ. Люди не понимаютъ другъ друга только потому, что не знаютъ другъ друга. Общее давленіе на массы не соединитъ ихъ разрозненныхъ общественныхъ элементовъ и не уничтожитъ всеобщей подозрительности. Довѣріе возвращается постепенно. Здѣсь передъ нами открывается новый міръ, въ который мы только еще вступаемъ. Я никогда не забуду, сколько добра мнѣ принесло мое близкое знакомство съ простолюдинами въ городѣ и въ деревнѣ, не забуду этихъ

собраній «общества братской помощи и основательнаго изученія соціальныхъ вопросовъ», основаннаго десять лѣтъ тому назадъ Т. Фалло въ Парижѣ. Эти собранія заслуживаютъ болѣе близкаго съ ними знакомства и болѣе частыхъ посѣщеній.

***

Намъ остается еще указать другой путь. Для того, чтобы идти путемъ, который мы только что намѣтили, достаточно доброй воли, но для того, чтобы идти тѣмъ путемъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже, нуженъ духъ самоотреченія, героизмъ.

Я имѣю въ виду ничто иное, какъ изслѣдованіе народной жизни, ея темныхъ сторонъ, ея печальныхъ явленій и явленій, достойныхъ удивленія. Народъ, плохо знающій себя и не имѣющій возможности вѣрно судить о себѣ, не можетъ намъ о себѣ ничего сообщить. Передъ нами запертая дверь, и заперта она не одною недовѣрчивостью и волей людей, но самою силою обстоятельствъ. Чтобы достать ключъ отъ этой двери, нужно рѣшиться пожить жизнью этихъ скромныхъ людей (des humbles).

Подобно тому, какъ другіе пускаются въ путь по желѣзной дорогѣ или по волнамъ океана для изслѣдованія далекихъ невѣдомыхъ странъ, такъ и мы можемъ на-время покинуть міръ, въ которомъ живемъ, и, не переносясь черезъ дальнія территоріальныя пространства, перешагнуть черезъ большое соціальное разстояніе. Въ назначенный день и часъ вы перестаете быть

тѣмъ, чѣмъ вы были. Въ другой одеждѣ, среди незнакомыхъ людей, вы дѣлаетесь рабочимъ, слугою, простымъ солдатомъ не позволяя себѣ ни вспоминать о своихъ привиллегіяхъ, ни извлекать изъ нихъ для себя какую либо выгоду. Вы становитесь рядовымъ и позволяете обращаться съ собою, какъ со всѣми. Никакая книга, никакой человѣкъ не откроютъ намъ глаза такъ, какъ наши собственныя наблюденія. Когда человѣкъ готовится къ тому, чтобы оказывать вліяніе на другихъ людей, распоряжаться чѣмъ бы то ни было, до извѣстной степени держать въ своихъ рукахъ чужую судьбу, какъ это въ большинствѣ случаевъ предстоитъ образованнымъ молодымъ людямъ, ему слѣдуетъ пожить нѣкоторое время среди подчиненныхъ, «малыхъ», неизвѣстныхъ, чтобы, страдая вмѣстѣ съ ними, постигнуть тайну справедливости.

Ничто такъ не подготовляетъ къ командованію, какъ подчиненіе; ничто такъ не полезно тому, кто долженъ говорить, приказывать, вершать, какъ предварительно самому пройти школу подчиненія, гдѣ на его голову сыпались приказанія, хорошія или дурныя, справедливыя или несправедливыя, которымъ нужно было безмолвно повиноваться.

Врачу одна его легкая болѣзнь, отъ которой его будетъ удачно или неудачно лечить его собратъ, принесетъ больше пользы, чѣмъ годы лучшихъ занятій.

Въ старые годы въ нѣкоторыхъ странахъ существовалъ преинтересный обычай разъ въ годъ господамъ и слугамъ мѣняться ролями. Это дѣлалось на Рождество

въ воспоминаніе Евангелія. Подобный обычай, при строгомъ къ нему отношеніи, могъ служить самымъ остроумнымъ и полезнымъ урокомъ. *Ставить себя на мѣсто другихъ*—первое условіе солидарности. Съ точки зрѣнія наковальни жизнь представляется совсѣмъ иначе, чѣмъ съ точки зрѣнія молота. Хорошо быть въ свою очередь и тѣмъ, и другимъ.

Выгода изслѣдованій, которыя мы предлагаемъ молодымъ людямъ, заключается не въ однихъ открытіяхъ, которыя могутъ быть ими сдѣланы въ новой области. Подождемъ ихъ возвращенія! Тогда въ ихъ прежней жизни окажутся такія особенности, которыхъ они прежде не замѣчали, они лучше ее поймутъ и оцѣнятъ. Словомъ, это цѣлебная купель, въ которую окунается ветхій человѣкъ, узкій и эгоистичный, и изъ которой онъ выходитъ возрожденнымъ.

Мы должны по возможности знакомиться съ нашими меньшими братьями и устоями, поддерживающими соціальное зданіе, открывая источники и докапываясь до корней. Въ извѣстномъ возрастѣ бываетъ уже слишкомъ поздно браться за предпріятіе, о которомъ мы говоримъ. Оно требуетъ молодыхъ силъ и даетъ возможность молодымъ людямъ незаурядно проводить свободное отъ ученья время. Пусть они не боятся унизить себя, вступая на этотъ путь. Напротивъ, человѣкъ, какъ дубъ: чѣмъ глубже онъ вростаетъ корнями въ землю, тѣмъ выше поднимается его вершина!

XIV.

Нѣсколько словъ о международной роли молодежи.

Несоотвѣтствіе современныхъ принциповъ съ реальнымъ направленіемъ цивилизаціи ни въ чемъ такъ ярко не выражается, какъ въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ Европа, вернувшаяся подъ личиной прогресса къ варварству, представляла собою полный анахронизмъ.

Мы уже достаточно ясно изложили свой взглядъ на патріотизмъ и насъ не могутъ заподозрить въ равнодушіи къ этому вопросу. Тѣмъ съ большей откровенностью мы можемъ теперь высказаться.

Принципъ національности склоненъ къ преувеличеніямъ, разрушающимъ благотворное вліяніе патріотизма и дѣлающимъ изъ него предпріятіе, противное общечеловѣческимъ интересамъ. Въ этомъ видѣ нація перестаетъ быть великой школой братства, подготовляющей сердце и умъ къ всеобщей солидарности. Она ста-

новится очагомъ эгоизма, на которомъ разгораются непріязненность, ненависть, зависть, всѣ чувства, разъединяющія общественные элементы и разрушающія солидарность. Подобное положеніе вещей настолько печально, что оно одно можетъ нейтрализовать весь прогрессъ, достигнутый человѣчествомъ въ дѣлѣ справедливости и свободы. Наша угрюмая и подозрительная Европа представляетъ собою этому явныя доказательства.

Въ данную минуту духъ безпристрастія и мира призываетъ насъ къ дѣлу. Тысячи уважительныхъ причинъ мѣшаютъ здравомыслящимъ людямъ, призваннымъ руководить общественными дѣлами, взяться за это дѣло Трагическая необходимость, положеніе вещей, которое сильнѣе человѣческой воли — связываютъ имъ руки. Ихъ собственное достоинство и ввѣренные имъ интересы требуютъ отъ нихъ осторожности и умѣнья ждать.

Но молодежь, учащаяся молодежь тутъ много можетъ сдѣлать.

Республика изящной словесности, искусствъ и наукъ не существуетъ болѣе. Нужно воскресить ее и создать такимъ образомъ мало-по-малу всеобщую почву высшихъ интересовъ. Если это было возможно въ старой Европѣ, раздѣленной на сто маленькихъ государствъ, вѣчно враждующихъ между собою, можно ли въ этомъ отчаиваться теперь? Кажется, всѣ наши лучшія стремленія принимаютъ участіе въ этомъ предпріятіи. Фундаментъ уже заложенъ, намъ остается только соединить элементы солидарности, мира, труда, просвѣщенія и до-

броты, разсѣянные въ мірѣ, чтобы создать удивительное цѣлое.

Во всякомъ случаѣ, одно изъ главныхъ условій успѣха—появленіе на сцену поколѣній, жившихъ въ молодости международной жизнью, потому что молодость сама по себѣ представляетъ превосходную почву для всеобщаго единенія. Вальтеръ Скоттъ говоритъ, что между юношами всѣхъ странъ существуетъ извѣстнаго рода франкмасонство. Въ этомъ замѣчаніи есть большая доля правды.

Наша молодежь можетъ способствовать этому братскому союзу въ предѣлахъ своего отечества. Правда, что многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Франція была родиной каждаго культурнаго человѣка. Но кое-что сохранилось еще отъ тѣхъ временъ. Наши юноши встрѣчаются съ многочисленными товарищами, собирающимися со всѣхъ сторонъ во Францію для того, чтобы получить или закончить свое образованіе. Сколько бы имъ ни говорили: не ѣздите во Францію, они продолжаютъ прибывать къ намъ. По отношенію къ этимъ иностранцамъ нашей молодежи предстоитъ выполнить прекрасную миссію. «Если бы я былъ студентомъ, какъ бы сталъ ухаживать за товарищами-иностранцами! Я былъ бы съ ними любезенъ до кокетства. Я бы съумѣлъ оказать имъ наше широкое французское гостепріимство. Если они замкнуты въ свой кружокъ, какъ это обыкновенно съ ними бываетъ, я бы нашелъ способъ проникнуть къ нимъ и заставить ихъ полюбить мое общество. Я бы привлекъ ихъ къ француз-

скимъ кружкамъ, я бы заразилъ ихъ нашей веселостью. Я бы сталъ говорить съ ними объ ихъ родинѣ и о Франціи, о вещахъ, которыя имъ у насъ попадаются на глаза, и о тѣхъ, которыхъ они не видятъ. Я бы сталъ защищать передъ ними наше дѣло и выигралъ бы его» *). Какъ справедливъ подобный взглядъ!

* * *

Но нужно сдѣлать еще одинъ шагъ, великій шагъ для молодого француза: нужно рѣшиться отправиться на нѣкоторое время поучиться заграницей, чтобы узнать и оцѣнить то, что дѣлается въ чужихъ краяхъ. Я сознаю, что починъ въ этомъ дѣлѣ будетъ очень тяжелъ. Придется пробивать ледъ, прокладывать и расчищать дороги, нужно будетъ запастись энергіей и терпѣніемъ. Но что же изъ того? Нужно пройти черезъ все это. Европа Возрожденія была во всѣхъ направленіяхъ истоптана ногами студентовъ, которые путешествовали очень часто босикомъ, чтобъ не износить обуви. Развѣ мы можемъ отказаться проѣхать по желѣзной дорогѣ половину того пространства, которое они проходили пѣшкомъ, претерпѣвая всевозможныя лишенія и невзгоды. Хорошо бы было, если бы во всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ университетахъ можно было встрѣтить французовъ-студентовъ, точно такъ же, какъ въ нашихъ—иностранцевъ.

Мы надѣемся, что эти молодые люди сослужатъ служ-

---

*) E. Lavisse: *Études et Étudiants*.

20*

бу дѣлу примиренія и международной справедливости. Ни отъ кого не тайна, что международная клевета, широко раскинувшая свои вѣтви, была однимъ изъ бичей нашего вѣка. Адское дѣло ненависти и лжи мирно совершалось благодаря общественному невѣжеству. Мы разучились сами видѣть и провѣрять, предоставляя печати заботу о нашемъ освѣдомленіи. И оказалось, что печать извѣстнаго сорта насъ такъ хорошо освѣдомила, что мы не знаемъ больше, кому вѣрить, и народы перестали знать другъ друга. Франція, увы! изъ всѣхъ странъ, наиболѣе оскорбляема своими врагами и собственными дѣтьми. Чтобы уничтожить слѣды такого гадкаго дѣла, нужно время, но не надо останавливаться ни передъ какою трудностью. Лучшимъ днемъ для Европы будетъ тотъ, когда школьная и университетская молодежь постепеннымъ путемъ направитъ общественный умъ въ другую сторону.—Какъ видите, нужно создать цѣлый міръ; но для этого есть много важныхъ причинъ, способныхъ поднять духъ! Благородная работа ожидаетъ добровольныхъ работниковъ!

XV.

Вѣра.

«Моральная и соціальная истина подобна надгробнымъ надписямъ, мимо которыхъ каждый проходитъ, отправляясь по своимъ дѣламъ, и которыя день ото дня все больше и больше стираются до тѣхъ поръ, пока благодѣтельный рѣзецъ вновь не углубитъ ихъ очертанія на истертомъ камнѣ и всѣ снова будутъ принуждены ихъ замѣтить и прочесть. Этотъ рѣзецъ въ рукахъ немногихъ людей, упорно склонившихъ голову надъ древними надписями, рискуя быть сваленными на мраморную плиту и попранными ногами невнимательныхъ прохожихъ».

Винэ.

«Der religiöse Glaube ist einfach durch sein Vorhandensein im Gemüth, der im Menschengeist selbst geführte Thaterweis des göttlichen Geist».

Lupsius.

Вѣра! Не съ нея ли слѣдуетъ начать? Не она ли опредѣляетъ всю жизнь? При вступленіи въ жизнь, когда наши помыслы стремятся къ высшей цѣли, намъ легче вѣровать! Вступая въ жизнь, мы всѣ, сколько насъ ни есть, встрѣчаемъ въ той или иной формѣ уже выработанный взглядъ на вещи, которымъ и руководствуемся. Но этотъ взглядъ—плодъ чужого опыта и, въ общемъ, результатъ чужой жизни. Поэтому, говоря,

что съ вѣры не начинаютъ, но идутъ къ ней, мы стоимъ на твердой почвѣ, на которой и хотимъ остаться, сколько изъ уваженія къ нашему вѣку, столько и изъ уваженія къ нашему юношеству. Чтобы возстановить вѣру, нашъ вѣкъ долженъ себѣ дать отчетъ въ томъ, какимъ образомъ она возникаетъ, что составляетъ также глубокую и серьезную необходимость для нашего юношества.

Обыкновенно подъ словомъ «вѣра» подразумѣваютъ исповѣданіе какого-нибудь ученія, которое намъ авторитетно предлагаетъ: Господь нѣкогда, разъ навсегда открылъ людямъ истину. Хранителями этой истины являются нѣкоторые люди и общества. Будучи представителями Божественной истины, они требуютъ себѣ такого же повиновенія, какъ и Богу. Взвѣшивать ихъ слова, думать и разсуждать о томъ, что они намъ даютъ, не надо, но надо принимать колѣнопреклоненно и въ безмолвіи всего существа, несмотря на отвращеніе или возмущеніе. Довольно того, что Богъ сказалъ. Всѣ старыя авторитетныя вѣрованія заключаются въ этомъ. Эта исходная точка, обусловливающая всѣ ихъ дальнѣйшія дѣйствія, становится спорнымъ пунктомъ, на которомъ они расходятся съ духомъ времени. Но мы спѣшимъ прибавить, что тутъ духъ времени сходится съ Спасителемъ и Евангеліемъ. Іисусъ Христосъ хотѣлъ не слѣпого повиновенія, но убѣжденія и, какъ критеріумъ своего слова, онъ говорилъ своимъ слушателямъ слѣдующее: «Мое ученіе не Мое, но Пославшаго Меня; кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ

о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю». Говоря это, онъ указываетъ, что вѣра достигается путемъ опыта, а для того, чтобы этотъ путь могъ привести къ надлежащей цѣли, надо стараться быть человѣкомъ. Хотѣть творить волю Пославшаго, значитъ: познать свою жизнь и въ ней исполнить волю Давшаго ее. Кто стремится исполнить назначеніе человѣка и быть ему вѣрнымъ во всемъ, тотъ закладываетъ въ самомъ себѣ прочную основу для уразумѣнія человѣческой истины и оцѣнки ученій. Этотъ взглядъ упрекали въ неуваженіи истины и въ томъ, что онъ даетъ полный просторъ индивидуальной фантазіи. Напротивъ, въ немъ выражается глубочайшее уваженіе къ человѣку и Божественной истинѣ, признаніе свободы и природы человѣка. Человѣка не надо привлекать къ чему бы то ни было ни насиліемъ, ни соблазномъ; постепенно, шагъ за шагомъ, какъ ребенокъ учится читать, онъ долженъ учиться по складамъ разбирать истину. Богъ Самъ подвергаетъ себя суду, являетъ Себя и не принуждаетъ, но хочетъ, чтобы Его добровольно послушались. Мы настолько сознаемъ всю важность этихъ вещей, что, высказывая ихъ, мы чувствуемъ потребность сослаться на Того, Кто больше насъ, и я радуюсь, что они были высказаны Сыномъ Человѣческимъ. Помимо того: если уважаютъ человѣка, то уважаютъ и Бога. Его истина для воспринятія ея не требуетъ закрытыхъ глазъ, но открытыхъ. Когда Спаситель, проникнутый ею, провозглашаетъ ее людямъ, Онъ говоритъ имъ: Царствіе Божіе благовѣ-

ствуется, и всякій усиліемъ входитъ въ него... Наблюдайте за собою... Царствіе Божіе внутрь васъ есть... Бодрствуйте на всякое время... Молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе.—Онъ говорилъ, что не каждому дано уразумѣть, но что для этого человѣкъ долженъ сосредоточиться и всѣми своими силами взывать о помощи и стремиться къ свѣту истины, не подвергая свою природу насилію никакими излишествами, будучи человѣкомъ: умомъ, сердцемъ и волею, дабы уразумѣть, что слово Его не слабый звукъ, возникающій и теряющійся въ пространствѣ, но вѣчная истина.

Основываясь на этомъ, мы можемъ со спокойной совѣстью установить слѣдующее:

Весь міръ съ его внутренними и внѣшними фактами, включая сюда и исторію съ ея преданіями, представляетъ собою поле опыта, служащаго основою вѣры.

Вѣра—вершина жизни, всей жизни, конечный синтезъ человѣческой индукціи.

Вся наша опытность и опытность прошлаго, оживающая въ нашей душѣ, скопленная въ ней и представляющая для насъ откровеніе нашей личной жизни—вотъ что такое: вѣра. Къ ней ведутъ сотни, тысячи путей, часто совершенно разнородныхъ, но имѣющихъ между собою то общее, что они всѣ приближаютъ насъ къ безконечному. Человѣкъ эволюціонируетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся природа, начиная съ атома и клѣточки до совершеннѣйшаго вида жизни. Онъ подчиненъ закону *достиженія (le devenir).* И когда онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своемъ назначеніи,

никакое явленіе ему не представляется отдѣльнымъ отъ другихъ. Все связано одно съ другимъ и стремится все дальше и все выше къ одной общей цѣли. Каждый шагъ опредѣляетъ слѣдующій. Смыслъ жизни, которымъ она вся проникнута, который беретъ начало въ ея источникѣ и простирается за ея предѣлы, соединяетъ ея исходную точку съ ея конечной цѣлью, словомъ, покоряетъ все наше существо великой волѣ, служащей основой всему сущему—*вотъ что такое религіозное чувство (le sens religieux)*. Необходимо указать на первоначальную форму, принимаемую этимъ чувствомъ, когда оно только еще начинаетъ проявляться (agir) и еще не дошло до своей конечной и высшей точки, которую мы называемъ вѣрой. Эта форма называется благочестіемъ (la piété) и представляетъ собою облагороженный видъ уваженія не только къ видимому, но и къ невидимому. Это грань горизонта, гдѣ синева моря сливается съ синевою неба. Ни въ чемъ такъ не выражается проникновеніе въ человѣческое и сверхъ-человѣческое, какъ въ благочестіи. Оно провидитъ и чтитъ въ каждомъ обыкновенномъ явленіи явленіе высшаго порядка. Благочестіе, вмѣстѣ съ уваженіемъ, представляетъ главнѣйшую черту, присущую человѣку. Нельзя и представить себѣ, какое значеніе имѣютъ эти два чувства, въ особенности для нашего юношества. Они всегда отражаются на отношеніи человѣка ко всему окружающему. Они опредѣляютъ характеръ и интенсивность его нравственности (sa vie morale). Человѣкъ, ведущій

безнравственную жизнь, утрачиваетъ благочестіе и уваженіе. Нечестіе—сложный грѣхъ, это сумма зла, совершеннаго въ розницу. Возможно, что человѣкъ не увѣруетъ въ жизнь; никто его не можетъ за это осудить, если онъ будетъ благочестивъ. Но если его невѣріе результатъ нечестія—передъ нами нравственный самоубійца.

Странное явленіе въ этой области представляетъ вѣра безъ благочестія, высокомѣрная, гордая, непреклонная, антипатичная, лишенная чувства человѣколюбія, безъ котораго ничто не имѣетъ значенія. Вѣра, не проникнутая уваженіемъ, заявляетъ себя надменно и рѣзко, и подчасъ, въ случаѣ надобности, глумится надъ вѣрой другихъ. Надо опасаться подобной вѣры. Она сохраняетъ только свой внѣшній видъ. Дерево стоитъ, но корни его подрѣзаны: подойдите къ нему поближе, и вы увидите, что оно погибло. Въ такомъ случаѣ лучше быть невѣрующимъ, но благочестивымъ.

Если я такъ настаиваю на благочестіи и уваженіи, то я знаю, почему я это дѣлаю. Это необходимое условіе для того, чтобы мы могли возстановить живую вѣру. Въ наше время этотъ вопросъ важенъ не только для тѣхъ, кто порвалъ связь съ прошлымъ, но также и для тѣхъ, которые не умѣютъ согласить преданій, пользующихся ихъ уваженіемъ со своими личными убѣжденіями, къ которымъ они относятся съ такимъ же уваженіемъ. Человѣчество вступило въ такую эпоху, когда, для того, чтобы имѣть возможность идти дальше, ему нужно возстановить свои силы у источника жизни и надежды. Для этого намъ нужно проникнуться сы-

новнимъ благоговѣніемъ къ великому религіозному прошлому, символы, нравы и идеи котораго заключаютъ въ себѣ столько сокровищъ, и относиться съ большимъ уваженіемъ къ дѣйствительности и ея явленіямъ. Такимъ образомъ исторія и жизнь покажутъ намъ подъ различными формами все то же человѣчество въ непрестанныхъ поискахъ того слова, которое объяснитъ ему его собственное значеніе и дастъ ему миръ.

Въ нашъ шумный вѣкъ совершалась скромная работа будущаго, оставшаяся незамѣченной большинствомъ. Работа эта—возвратъ къ колыбели религіозныхъ преданій. Она даетъ намъ возможность присутствовать при ихъ возникновеніи и понять ихъ лучше, чѣмъ ихъ понимали современники. Неутомимая работа эта была посвящена по преимуществу изученію эпохи Христа и дѣла Его. И чѣмъ больше мы углублялись въ это изученіе, тѣмъ очевиднѣе намъ становилось, что не только свѣтъ не знаетъ Его, но часто и церковь, проповѣдующая отъ Его имени. Ничто не было такъ спутано, омрачено, сбито съ своего первоначальнаго пути, какъ Евангеліе. Вѣчная хвала историкамъ-богословамъ за то, что они открыли намъ истинный смыслъ первоначальнаго Евангелія. Безъ этого ключа мы остались бы на вѣкъ разъединенными мыслью и сердцемъ съ той отдаленной эпохой, интеллектуальныя формулы и нравы которой оставались для насъ сокрытой тайной. Но теперь порванная нить человѣческой эволюціи связана вновь. Великія основныя истины Евангелія, освобожденныя отъ всего, что было въ нихъ

мѣстнаго, временнаго, очищенныя отъ всего наноснаго являются передъ нами въ ихъ настоящемъ значеніи. По своей мысли, по ея примѣненію на дѣлѣ, по своему толкованію міра и дѣлъ человѣческихъ, Евангеліе настолько превосходитъ всѣ церкви, объявляющія себя его проповѣдницами, что Оно принадлежитъ гораздо больше будущему, чѣмъ прошедшему. И чѣмъ ближе мы разсматриваемъ этотъ вопросъ, тѣмъ яснѣе видимъ близость позабытаго Евангелія съ духомъ нашего времени. Мы созданы для того, чтобы уразумѣть себя. На это существуетъ тысяча причинъ, изъ которыхъ я укажу лишь на нѣкоторыя.

Наше время порвало связь съ общими идеями, въ особенности въ области метафизики. Ему было бы крайне трудно, если не вполнѣ невозможно, воспринять религію, даже самую чистую и самую возвышенную, если бы она предлагалась ему въ формѣ метафизической доктрины. Но отношеніе Іисуса Христа къ міру сверхчувственнаго отличается чрезвычайнымъ здравомысліемъ. Онъ низвелъ вѣру съ неба на землю, изъ сферы космическихъ предразсудковъ въ совѣсть человѣка. Что насъ болѣе всего въ Немъ поражаетъ, это человѣколюбіе, которымъ проникнутъ Онъ Самъ и Его ученіе. Онъ указалъ человѣку все величіе его смиренной миссіи—узкую тропу труда и терпѣнія, ведущую къ Божественнымъ вершинамъ. Въ то же время Онъ очеловѣчилъ Бога. Справедливы слова Винэ: *Евангеліе вложило въ уста Бога прекрасное изреченіе язычника; человѣкъ есмь и ничто человѣческое мнѣ не чуждо.* И это

справедливо не потому только, что Христосъ проповѣдывалъ безконечное милосердіе, сострадающее нашимъ страданіямъ, искупленіе убивающаго человѣчество грѣха самоотреченіемъ и прощеніемъ, но и потому, что Онъ далъ уразумѣть человѣку, что самымъ понятнымъ и истиннымъ откровеніемъ Бога для него является человѣкъ. Эта великая психологическая истина, которую человѣкъ постигаетъ умомъ и сердцемъ лишь постольку, поскольку она отражается въ немъ самомъ, выражается въ каждомъ словѣ Евангелія. Черезъ эту истину Евангеліе смиренно нисходитъ до всѣхъ человѣческихъ страданій и слабостей, но въ ней также заключается вся сила и увѣренность, потому что самыя ти страданія постепенно приближаютъ насъ къ источнику жизни и черезъ нее мы слышимъ слова: вы Его родъ. Христосъ не только возвѣстилъ намъ Бога, Онъ сдѣлалъ больше, Онъ намъ далъ Его почувствовать и сдѣлалъ Его для насъ болѣе очевиднымъ, чѣмъ весь видимый міръ. Въ Немъ невѣдомый и сокрытый Богъ заговорилъ человѣческимъ языкомъ, сталъ близокъ и видимъ людямъ, проникъ въ справедливыя сердца, любящія другъ друга: Божественный свѣтъ озарилъ человѣчество. Только въ Немъ мы можемъ найти исходъ своей тоскѣ по Богѣ, удовлетворить нашу жажду пребывающей жизни, наше пылкое стремленіе прикоснуться устами къ самому ея источнику, не вѣрить чужой вѣрой по чужому внушенію, но видѣть, осязать, войти въ Святая Святыхъ и молиться.

* * *

Намъ нужно обратиться къ Евангелію еще и потому, что вѣра въ наши дни должна быть очень смиренна. Мы не можемъ разсчитывать, какъ въ нѣкоторыя великія эпохи синтеза, на то, чтобы мы могли найти лозунгъ, отвѣчающій на всѣ наши вопросы, вполнѣ выражающій собою нашу мысль во всемъ ея объемѣ. Небо и земля—все измѣнилось, а вновь миры такъ легко не возстанавливаются. Довольствоваться хлѣбомъ насущнымъ, кружкой воды, которая насъ освѣжаетъ и даетъ силу идти дальше—вотъ наша участь. Христосъ указалъ намъ ее самымъ яркимъ примѣромъ. Онъ явился въ то время, когда боги гибли, храмы давали трещины, когда въ величіи древнихъ культовъ, въ томъ числѣ и еврейскаго, тревожная душа находила не облегченіе, но бремя. Выходя изъ рамокъ устарѣвшихъ обычаевъ и отжившаго формализма, гордости священнослужителей и хитрости книжниковъ, Онъ воскресилъ древнее и гуманное преданіе пророковъ, смиренныхъ передъ Господомъ, добрыхъ къ несчастнымъ, величественныхъ передъ сильными міра, грозныхъ для злыхъ. Онъ сказалъ всѣмъ, кто надѣется и трудится, *чтобы они ввѣрились Отцу, отдали себя братьямъ.* Онъ зроипнесъ слово, являющееся сущностью всяческой справедливости: душа больше міра. Ему были близки «малые», оскорбленные и униженные, народъ, дѣти, тяжелый трудъ и глубокія страданія, простота, самопожертвованіе. Говоря лишь самое необходимое и не впадая въ многословіе, Онъ отдалъ всего Себя своему дѣлу и проповѣдывалъ вѣрность въ маломъ и этимъ подтвер-

ждалъ, что Онъ пришелъ для насъ. Отрѣшитесь отъ всѣхъ тенденцiонныхъ толкованiй Его личности и ученiя, станьте передъ Его распятiемъ, и вы услышите изъ глубины вашей совѣсти голосъ праведныхъ мучениковъ всѣхъ временъ, отголосокъ справедливости, живущей въ душѣ современнаго человѣка: *истина для человѣка въ томъ, чтобы ввѣриться и отдаться.* Спасенiе мiра въ тѣхъ, кто до конца жизни повинуется этому закону.

Не думайте, что эта простота вѣры, выражающаяся въ трехъ словахъ, обозначаетъ скудость. Во всѣ великiя эпохи вѣры, она была бѣдна словами, но тѣмъ богаче она была тѣмъ, чего не выразитъ никакое слово: любовью, силой, радостью. Системы являются впослѣдствiи, когда исчезаетъ духъ. Тогда онѣ размножаются, распложаются, накопляются цѣлыми ворохами. Въ началѣ бываетъ совсѣмъ другое, именно то, что больше всего нужно молодежи.

Въ Евангелiи вѣры, строгости, простоты и любви есть что-то захватывающее юныя сердца. Есть религiи, подъ защиту которыхъ прячется дряхлый эгоизмъ, старчество, пустота, есть такiя, которыя даютъ прiютъ обманутымъ сердцамъ, спасая ихъ отъ мiрской суеты, или такiя, которыя усыпляютъ совѣсть и разумъ. Но Евангелiе создано для жизни и живыхъ людей. Оно указываетъ намъ дѣло, посылаетъ насъ въ толпу; мы отправляемся въ путь, сжигая всѣ свои корабли. Ни одного взгляда назадъ! Энергично, мужественно, весело!

Но вотъ одинъ важный пунктъ, который долженъ остановить на себѣ вниманіе каждаго серьезнаго мыслителя: Евангеліе настолько гуманно, что даже тѣ, которые его не знаютъ или отвергаютъ въ нѣкоторыхъ его частяхъ, не могутъ не сходиться съ нимъ, какъ только захотятъ жить настоящей, хорошей жизнью. Очень трудно уважать человѣка, его умъ, совѣсть, права, не вѣря если не въ Отца, вѣчную справедливость и вѣчную жизнь, то, по крайней мѣрѣ, поступая такъ, какъ вѣрующіе. Тотъ, кто дошелъ до этого, уже воздвигнулъ въ своемъ сердцѣ и совѣсти алтарь невѣдомому Богу. Христосъ ему скажетъ: ты не далекъ отъ царства небеснаго. Нашъ современный историкъ Г. Моно въ своемъ недавнемъ трудѣ, посвященномъ разбору личности А. Винэ, говоритъ: «Эта гуманность, эта всеобъемлемость доктрины и ума Винэ обезпечиваютъ ему вездѣ добрый пріемъ и дѣлаютъ то, что его вліяніе распространяется даже на тѣхъ, кто не вѣритъ въ христіанскіе догматы, но вѣритъ въ совѣсть и существованіе невидимыхъ истинъ, которыя совѣсть предчувствуетъ и открываетъ». Примѣнить подобную оцѣнку къ Евангелію было бы еще справедливѣе.

* * *

По поводу вѣры и ея возстановленія я буду говорить о независимости. Молодые люди, ищущіе и трудящіеся въ области мысли, относитесь съ уваженіемъ къ самимъ себѣ! Любите свою бѣдность! Не бойтесь начать съ малаго, постепенно и основательно расширяя

то, съ чего вы начали. Это неизбѣжный законъ завоеваній ума. Не вѣрьте спекуляторамъ, которые станутъ соблазнять васъ быстро пріобрѣтаемыми богатствами: это опаснѣйшіе соблазнители. Паче цѣломудрія тѣла соблюдайте цѣломудріе души. Вѣра—сестра свободы. Въ клѣткѣ она всегда умираетъ. Не порабощайте себя изъ-за пріобрѣтенія благъ жизни. Вы потеряете и то малое, что имѣете. Но, пріобрѣтая и осуществляя духовную независимость, освобождая другихъ настолько, насколько вы хотите быть сами свободны, не забывайте, что человѣкъ принадлежитъ обществу въ религіи столько же, сколько и во всемъ остальномъ.

Вѣра, конечно, всегда бываетъ личная, но у нея есть съ любовью то общее, что она тоже представляетъ узы, тѣмъ болѣе крѣпкія, чѣмъ онѣ непринужденнѣе. Мы должны сближаться съ единомышленниками по вѣрѣ и въ ихъ сообществѣ проводить въ жизнь наши вѣрованія и надежды. Форма религіозныхъ вѣрованій будущаго приблизится къ формѣ первоначальнаго исповѣдыванія христіанства: она будетъ живой церковью братьевъ, соединенныхъ единой любовью. Но нужно уважать традиціонную солидарность во всемъ томъ, что въ ней есть лучшаго, изъ опасенія утратить плодъ исторіи. Если мы по своему рожденію принадлежимъ къ какой нибудь религіозной средѣ, мы должны къ ней относиться съ большою благодарностью. Любить свою церковь необходимо, какъ необходимо любить свою семью и свое отечество. Но тутъ является опасность: односторонность религіознаго духа партіи. Бѣгите отъ него,

какъ отъ чумы! Лучше оставаться одному, чѣмъ исповѣдывать въ обществѣ духъ односторонности и гордыни. Наше время въ отношеніи вѣры, какъ и всего остального, требуетъ большого простора. Въ данную минуту нашъ долгъ — брататься. Отдѣльныя церкви хороши лишь тогда, когда онѣ подготовляютъ насъ къ вселенской церкви. Бываютъ моменты въ исторіи, когда люди должны предаться одному исключительному дѣлу, когда имъ нужно пробить брешь въ какомъ нибудь извѣстномъ направленіи, когда имъ нужно ополчиться. Нашъ неотложный долгъ — перебраться черезъ стѣну, разъединяющую насъ, и протянуть другъ другу руку. Вновь найти человѣчество, вновь стать людьми,—если таковъ лозунгъ въ вопросахъ педагогическихъ, политическихъ и соціальныхъ, не таковымъ ли же онъ долженъ быть и въ вопросѣ религіозномъ, самомъ обширнымъ изъ всѣхъ, который узкій умъ урѣзываетъ и сокращаетъ такимъ жалкимъ образомъ.

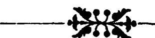
Молодые люди должны понять это! Настанетъ время, когда люди поймутъ другъ друга и проникнутся братскимъ чувствомъ, котораго не знаетъ нашъ вѣкъ нетерпимости и раздоровъ, когда вѣчныя истины вознесутъ ихъ надъ прахомъ и сердца ихъ сольются въ одной молитвѣ: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!»

Высшая точка и цѣль жизни: будучи братьями, познать Отца; оставаясь вѣрными, провидѣть пребывающее въ преходящемъ. Здѣсь сходятся всѣ пути, по которымъ мы шли. Здѣсь вѣнецъ идеала. Здѣсь созидается высшее единство. Вотъ объясненіе того, почему такъ

чудно хороши цвѣты и ярки звѣзды, почему каждой весной возрождается вѣчная загадка любви, почему человѣкъ трудится, страдаетъ, плачетъ. Счастливъ тотъ, кому дано извлечь изъ всей жизни символъ сыновней вѣры, который къ инстинктивной любви къ жизни относится такъ же, какъ сознательное чувство къ безсознательному, какъ порывъ любви юноши, матери къ первой улыбкѣ ребенка.

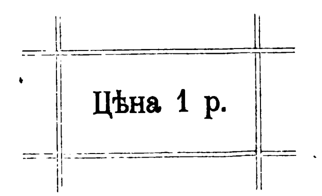
* * *

Вотъ путь, по которому мы предлагаемъ идти тебѣ юный избранникъ! Изъ нѣдръ твоихъ трудовъ, страданій, бореній твоего разума съ тьмою, твоей воли со зломъ возвысь твое сердце до вѣчно старыхъ и вѣчно новыхъ истинъ, столь извѣстныхъ и столь позабытыхъ Да осѣнитъ тебя Духъ Святой. Познай таинственность, страхъ, любовь и иди своимъ путемъ, путемъ всего человѣчества на встрѣчу желанной зари! Ты побѣдишь зло, унаслѣдованное тобою отъ предковъ, и во сто кратъ умножишь добро. Какое великое дѣло ты совершишь, если внесешь этотъ духъ въ обширную область научныхъ познаній, оставленныхъ ими тебѣ, чудесныхъ открытій, добытыхъ побѣдой надъ мракомъ! Въ наше враждующее, усталое, изнемогшее время будь силой, о которой говоритъ Мишле: «Придетъ день, когда она обновитъ дряхлый міръ Духомъ Господнимъ!»

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНІЕ

Цѣна 1 р.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени"

